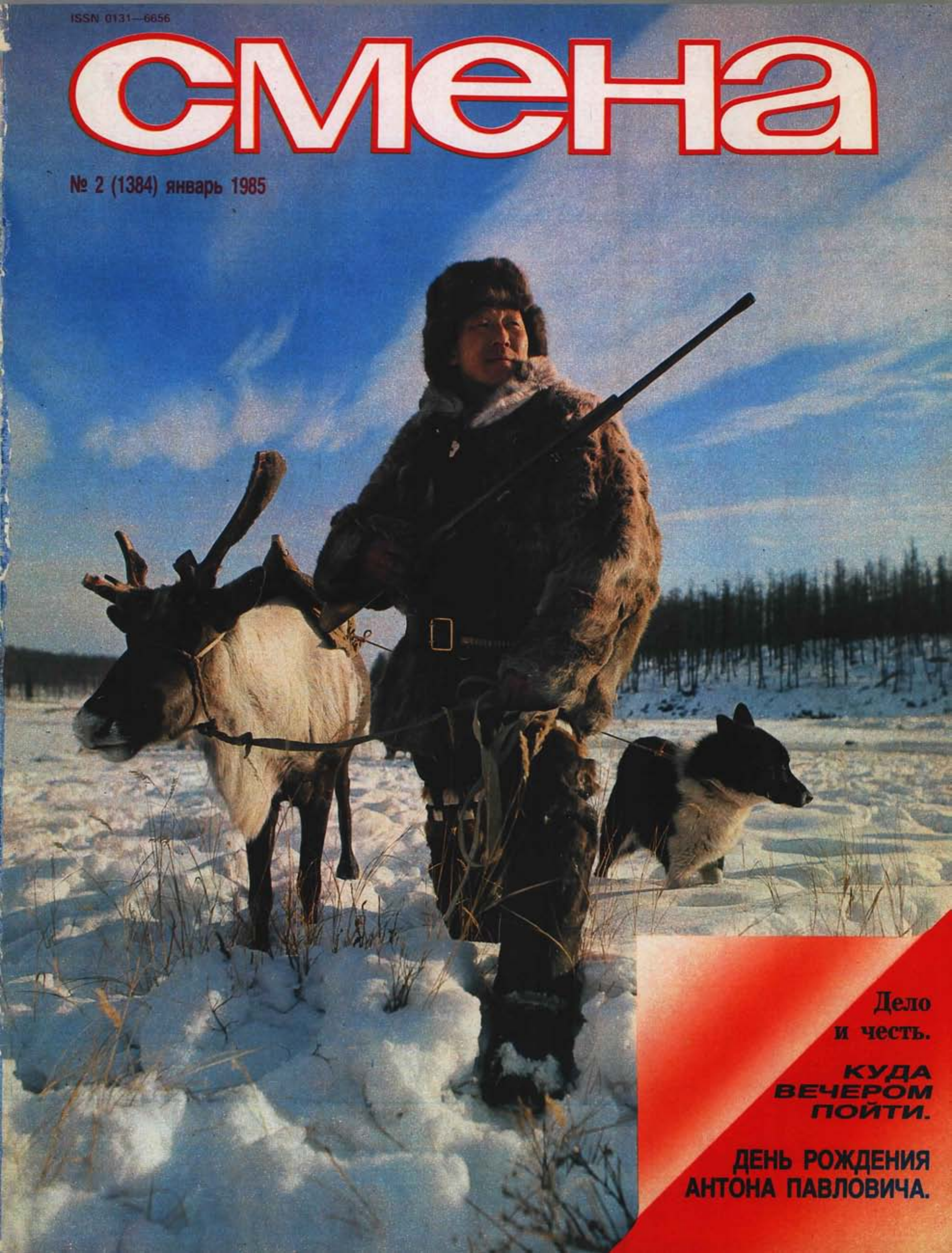

СМЕНА

№ 2 (1384) январь 1985

Дело
и честь.

КУДА
ВЕЧЕРОМ
ПОЙТИ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
АНТОНА ПАВЛОВИЧА.

СЫН

Юрий РАГОЗИН

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Иван Горбатовский в начале тридцатых годов окончил курсы счетоводов. В колхозе очень нужны были грамотные люди, оттого и послали паренька не в поле, а учиться. Когда он уже стал прилично разбираться в премудростях бухгалтерского ремесла, нахлынула война.

И счетовод Горбатовский, оставив в деревянной конторе на крошечном рабочем столе свои мирные, добродушно щелкающие костяшками счеты, завел себе другие. Совсем для иных предназначений.

Пройдет двадцать с лишним лет после войны, и его младший сын, Виктор, еще будучи школьником, любивший порыться в домашних архивах и до сих пор сохранивший вкус к истории, среди старых писем, бумаг и родительских грамот наткнется однажды на маленькую, тоненькую книжечку — что-то вроде удостоверения личности — стального цвета, потертую, с рыхлыми краями. Ему почудится, что она пахнет дымом. Мальчишеский нос дотошно исследует этот запах; да, на самом деле есть чуток. Виктор прочтет надпись на корочке: «Личный счет снайпера-истребителя». Еще не сознавая толком смысл слова «счет» в таком контексте, Виктор воспримет его как «счета». И в памяти на всю жизнь останется то детское впечатление, застынут торжественные и пугающие слова: «Личные счета снайпера-истребителя». Значит, у отца были и какие-то личные счета с фашистами, подумается. Но спросить в тот момент он не наосмелится.

У Ивана Горбатовского действительно были личные счета с фашистами.

С января сорокового года он служил в армии, научился классно стрелять из пулемета и винтовки и уже планировал, как станет жить дальше, возвратясь домой. Но до него в его дом пришли оккупанты. Война все планы сломала.

отняла молодость, подрубила здоровье. «Если б не она, проклятая, — часто повторял потом Иван Горбатовский, обращаясь к сыновьям, — разве ж мы так бы жили!.. Сколько на нее сил-то поистрашили!..»

Так двадцатидвухлетний счетовод, взяв в руки снайперскую винтовку, открыл себе новый счет.

Разговаривал я как-то со своим знакомым, врачом зилловской поликлиники, секретарем партбюро медсанчасти Юрием Васильевичем Поповым, рассказывал ему о героях этого очерка.

«Не забудь отметить, — сказал он, — что русскому человеку присуще редкое миролюбие. Это как национальная черта характера. В самой природе русской души. Я думаю... даже уверен: Горбатовскому очень не хотелось никого убивать. Но ты помнишь, еще задолго до него Александр Невский выразил волю нашего народа: «Кто с мечом придет, от меча и погибнет». Миролюбие никогда не мешало нам и не помещает, если случится, защищаясь, одолеть врага. Любого. И во все времена».

Лежа в засаде на стылой земле, Иван Горбатовский прижимал к щеке отполированный, теплый приклад винтовки, щурил левый глаз и со злостью думал, все больше распалая себя: «Никто вас не звал сюда, гады!.. Сидели б себе дома!.. Нашу кровушку пришли попить, дорого она вам обойдется — своей же и захлебнетесь!..»

В снайперской книжечке между листочками была зажата маленькая, пожелтевшая, вся потрескавшаяся фотокарточка. На снимке был человек в военной форме лет двадцати пяти. «Мой фронтовой друг, — скажет со вздохом Горбатовский сыну, — давно уж его нет в живых... Видать, однажды нас крепко выследили. Первая пуля попала ему в спину, прямо в позвонок и сразу убила, вторая — мне в голову... Будь она хоть на сантиметр точнее — лежать бы нам с ним рядышком в одной могиле... Повезло мне просто. Голову в тот момент повернул. Легко отделался».

Да, ему повезло. Он «легко отделался» тяжелой контузией.

Мать Виктора Горбатовского всю блокаду прожила в Ленинграде. Совсем

СОЛДАТА

еще девочкой, работала на заводе. То карем. Делала снаряды. «Сколько угощения для фашистов прошло через мои руки!.. По сколько смен подряд выставляли — не считали. С ног валились — тогда только шли спать. Тут же и спали, в цехе. Старались получше угостить врага, по-нашему, по-русски!..» Не одну неделю провела она и на строительстве оборонительных сооружений — в дождь, в морозы; жили в шалашах, прятались от бомбежек; на ладонях рвались мозоли, а пальцы не сгибались от холода.

В коробочке, аккуратно перетянутой резинкой, среди медалей отца есть и «За оборону Ленинграда» — матери.

В детстве Виктору нравилось нацепить на рубашку отцовские награды и големом прогуляться по избе, покрасоваться перед маленьким зеркалом. На улицу выходить при медалях ему было не велено. Почему — это уже понял потом, когда подрос. Отец и сам-то надевал их только раз в год.

И не любил рассказывать о войне. До армии вкуса работы Виктор толком не знал. Хотя, конечно, изнеженным не был: жизнь в сельской местности, где к труду детей причаляют с малолетства, накладывает свой отпечаток.

После школы поехал ко второму брату, в Куйбышев: захотелось на завод. Взяли учеником слесаря-сборщика. В хорошие руки не попал. Тут впервые и стучнулся с равнодушием; никому до новичка не было дела. Понял, что толку и дальше не будет. Отказался от отсрочки в армию — пошел служить.

После службы заехал к сестре в Смоленск. Понравилось. Старинный город, красивый. («Вот дети подрастут — власть находись по музеям!..») Устроился на авиационный завод сборщиком-клепальщиком и поступил в техникум на вечернее. На красный диплом чуть-чуть не дотянул...

Попал в бригаду к Михаилу Алексеевичу Квашину. Считал себя уже крупным специалистом в области слесарных дел. Почти мэтром заваялся в цех — с пневмоинструментом работать уже доводилось. Важно взял в руки дрель и принялся деловито крутить ее. Чуть было не отвернул ей голову. Оказалось, пневмоинструмент тут более совершенный, чем встречался раньше, и требовал много обращения.

Работа сборщика-клепальщика тонкая и мудреная. А если учесть, что на хлебницы собирали — пассажирские самолеты «Яки», — то и крайне ответственная. Взять хотя бы ту же заклепку (на одном лишь крыле их много тысяч), чтобы ее забить, не только от тебя одного мастерство и аккуратность требуются — в равной степени и от твоего напарника. Сначала проводится разметка, потом сверление («двадцать семь раз отмерь — потом уж режь») и само клепание. Один приставляет пневмомолоток к головке заклепки, а второй — с другой стороны, не видя напарника через обшивку крыла, — приставляет к концу заклепки так называемую поддержку (специальный кусок металла). Тут без синхронности не обойтись. Первый нажимает на курок молотка, и — в один момент — он должен остановить молоток, а второй — отнять поддержку. Иначе заклепка либо неправильно встанет, либо можно поведать обшивку; короче, брак. Придется высверливать заклепку и ставить другую.

Это только одна из многих операций в работе сборщика-клепальщика.

Надо добавить, что пневмомолоток — существо довольно норовистое и капризное, требующее постоянного ук-

рощения и применения силы. Попервости Горбатовский после работы и руки поднять не мог в прямом смысле.

Через четыре года Виктор сам стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады. Вывел коллектив в передовые. Был послан делегатом на XIX съезд комсомола. Поначалу работа была рассчитана на восемь человек, сейчас в коллективе шестеро, и ничего, справляются. Его бригада признана лучшей, а он — лучшим бригадиром в отрасли.

В одном возрасте с отцом вступил в партию. Только отца принимали на фронте. Стал кавалером Знака ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки» первой и второй степеней.

И все у него вроде шло хорошо. Но если уж честно, то был у Горбатовского момент, когда хотел он бросить бригадирство и уйти из бригады.

Было. Злился на себя. Обстоятельства словно илом затягивали. В то время еще работали восьмером, и были в бригаде двое ребят, так на них столько нервов уходило!.. Один — тот вообще случайный. Ему что в лоб, что по лбу. Временный. А вот второй мог, да не хотел. То опоздает, то покурить выскокит, и нет его — пачку уж можно было бы просмолить. А как в подшефный совхоз — он первый: там поспокойнее. Остальные члены бригады постоянно ворчали, сам Горбатовский возмущенно кипел. И так и сяк пробовал — с них как с гуся вода. А тут еще детали шли плохие. Изо дня в день. Не то чтобы совсем брак, но в руки возьмешь — скучно становится и противно. Думаешь: ведь кто-то же их делал и ОТК пропустил... Куда у людей совесть девается?.. Неужели уж все так заняты, что не могут делать как следует?.. Пока мастеру пойдешь объяснять, что никудашные это детали, а создателей их надо в шею гнать, пока горло до хрипоты не надерешь, руками не намашешься — время идет, а толку-то... «Это ты, — скажет мастер, — изготовителям и доказывай. Напишу я тебе допуск. Деталь выполнена хоть и небезукоризненно, но в принципе в рамках, так что не выступай. Раз ОТК пропустил — не твоя это забота о качестве рассуждать. Дали — делай!»

А чья же это, интересно, тогда забота? Не их, не моя, не мастера — чья? Выходит, они будут тяп-ляп, лишь бы в допуски с грехом пополам уложиться, а мы тут молча клепай знай, так? Потакать бракоделам, поощрять безответственность?..

План, конечно, святое дело, но не таким же способом!..

Порой и до заводской комиссии доходить приходится. Ведь как-никак Виктор — председатель цеховой группы народного контроля.

Ребята в бригаде все понимают, тоже недовольны. Зато те двое перекуры устраивают, их не касается.

Вот так одно к одному липло, наслаивалось, копилось, копилось...

А домой придешь — «покой нам только снится». Но чтоб сниться, надо хотя бы поспать по-человечески. А попробуй поспи в малосемейном общежитии, в небольшой комнате, где трехлетняя дочка и сын недавно родился. Крикливый такой пацан попался, сил нет, и шустрый. Чуть окреп — все норвил из кровати выброситься на волю. До полночи жена дежурит, с трех — Виктор...

Ну, а кроме всего, так получалось, что среди бригадиров у него самая маленькая зарплата выходила. Дело, конечно,

объяснимое: в бригаде в основном молодые, еще неопытные ребята. Один только Юра Калмыков — специалист. Со стажем парень. Трудолюбивый до ужаса. Ну, правда, и Миша Курдаков старательный, толковый. Было, кстати, даже Горбатовского поправлял. Виктор стоял над одной премудрой заклепкой, с минуту думал, как бы ее получше забить. Курдаков, видно, заметил, подошел. «А ты, — говорит, — вот так попробуй, отсюда начни». Горбатовский почесал затылок, улынулся, сказал: «Ну, Мишка!» — и сделал по совету.

Мордухов Витя тоже не подведет. Очень честный парень, совестливый. Когда зарплату по КТУ делают, то Мордухов, если что, всегда первый скажет: тому-то маловато дали, надо бы добавить, можно с меня снять.

Остальные еще малоопытные. Опыт — дело наживное, но для этого время надо, время! А оно летит! И жизнь несется, как реактивная. Глазами моргнул — лето, еще моргнул — зима.

Вроде только полгода-то и прошло, как из армии вернулся. Месяца три как заведенный в шесть утра без будильника вскакивал. Привычка. Вроде только что в учебке пот проливал, гимнастерка еще не просохла. Танк осваивал, кажется, совсем недавно. Попервости изрядно побаивался танка. Механик-водитель, а побаивался. Не чувствовал его, как себя, не слился с ним, а без этого какой ты танкист. Да и танк был особый. К нему запросто и не подойдешь. Можно сказать, героический танк был у Горбатовского. Т-34. Из тех, что в войну победу добывали. И этот тоже краешек войны прихватил. Гореть не горел, но в атаки ходил. Кажется, только-только остыла броня... А теперь вот Виктор учился управлять им, за те же рычаги держался.

Позднее Горбатовского, как и других, переведут на современные машины, но начинали все с «тридцатьчетверки». И не просто потому, что азы осваивали на простейшей машине — с него, с «тридцать четвертого», как бы отсчет шел, он время прошлое и настоящее соединял, нынешних ребят сопричастными делал с героическим прошлым их отцов и дедов. Как реликвию передавали его. Святую реликвию. Поминать, шли они как-то на занятиях в колонне, Горбатовский замыкал. Впереди — крутой подъем. Ротный орет: «Давай жми!» А жать в ту пору еще духу не хватало. Заполз Горбатовский на малых оборотах, обливаясь потом от стыда, — и догонять! И тут вроде как послушнее сделался танк, словно бы доверился, как конь хорошему наезднику. И пошло!.. Вздохнул Горбатовский свободнее, приободрился, пот со лба скинул и улынулся сам себе: переменялось, перевернулось что-то внутри.

Словно совсем недавно это было. А ведь уже восемь лет прошло. В семьдесят седьмом пришел на завод. Да, восемь лет. Ребята из других бригад звали. Переходи, говорили, к нам, что ты вцепился в свою бригаду! И получать больше будешь, и забот поубавится. Но ведь коллектив...

Зарплату сулили посолдней — это, естественно, не лишнее. Вон Гончаров, наставник Горбатовского, второй отец, тот так и говорит: «Если я работаю на полную катушку — и получить хочу по труду. За свою работу — не за бездельем». Правильно говорит.

Квашин, второй наставник, тот по-другому считает. Мне говорит надо работать и чувствовать, что от меня что-то зависит, так работать, чтоб пе-

ред собой стыдно не было. А деньги в конце концов не главное». Кстати, у Квашина в бригаде тоже полно молодых, заработок из бригадирских не самый крупный, но, однако ж, ничего, не обижается, бригада не бросает.

Когда еще только-только начинали в цехе работать на единый наряд, то собрались как-то в бригаде Горбатовского базовый коэффициент для КТУ рассчитывать, своеобразную точку отсчета. Горбатовский предложил всем за основу взять 1,5. А там — плюс, минус — будет от работы зависеть. При чем зависеть не от разряда, не от умения, а именно от отдачи. На заводском собрании, когда принципы единого наряда обсуждали, Гончаров, помнится, встал и говорит: «А я уже пятнадцать лет по этому методу работаю, просто не называли его так. Очень правильный метод». И действительно, у Гончарова такая система практиковалась. Хорошо работаешь, качественно, стараешься, ничего, что не ас, научись — плюс тебе. Опоздал, с холодком работаешь — минус. У него даже присказка такая есть. Если кто опоздал на работу, он вместо приветствия: «Минус десять!» И никогда не записывает. Вроде как пошутит. А в зарплату опаздывающий обязательно десятки недосчитается или столько, сколько раз приходил не вовремя.

Да и Квашин со своей бригадой еще до официального введения единого наряда, в сущности, так и работал. По отдаче зарплата. И аванс Квашин никогда не боится дать новичку. «Если вижу, — говорит, — что добросовестный, знаю: аванс отработает с лихвой, доверие оправдает, эта практика никогда не подводила. Ни разу в прогаре не был!»

Так вот, когда Горбатовский предложил всем взять за базовый коэффициент полторы единицы, ребята ему возразили. Почему, говорят, у тебя с нами вровень? Несправедливо. И порешила бригада оставить ему полтора, а себе — кому 1,4, кому 1,3. Ведь у Горбатовского и разряд-то пятый у единственного в бригаде, и ответственность вся на нем, и организация работы.

С приятным теплом на душе шел тогда Горбатовский домой. Улыбался потихоньку в темные усы. Есть, думал, коллектив, есть, что ни говори!..

Разве от такого уйдешь? Дополнительный штрих. Очень уж не любит Горбатовский беспорядок. Когда чертежи валяются кучей, детали разбросаны. Он за этим следит, во все эти мелочи хочется ему нос сунуть. Если просто рабочий совать начнет — нос и обрубить могут. А бригадир право имеет. На обед пошли — порядок наведи. Вот так. «Еще и поэтому из бригадирства было жалко уходить».

И, конечно, куда он не ушел.

Пройдет, наверно, еще немного времени, и два наставника Горбатовского — Михаил Алексеевич Квашин и Анатолий Леоневич Гончаров — подарят своему подопечному самодельную медаль, на которой крошечными заглавными буквами будут выведены торжественные слова: «Победителю-ученику от победенных учителей». И в том, что два опытных мастера Смоленского авиационного завода, орденосцы, заслуженные люди, добровольно уступят пальму первенства молодому бригадиру, нет ничего обидного для них, это лишь подтверждение их классности и зрелости — профессионалов и наставников, сумевших воспитать надежную смену себе.

У хороших учителей, как правило, хорошие ученики. Настоящие учителя как мощные корни, питающие молодые побеги живительными соками знаний и нравственных сил.

Чтобы лучше узнать Горбатовского, понять, откуда берет начало его принципы, отношение к делу и даже какие-то черты характера, надо увидеть его учителя.

Михаил Алексеевич Квашин, бригадир

Пролетарии всех стран, соединитесь!
СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 2 (1384) ЯНВАРЬ 1985

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
оленьевод
Владимир
МАКСИМОВ.

Фото
Сергея ВЕТРОВА.
Репортаж
«ИЕНГРА—
ВЕТВИСТЫЕ РОГА»
читайте
на 3-й странице.

- 1** ЖИВАЯ ПАМЯТЬ. Юрий РАГОЗИН. «СЫН СОЛДАТА».
- 3** «ИЕНГРА—ВЕТВИСТЫЕ РОГА». Фоторепортаж Алексея ВОРОБЬЕВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 6** Михаил ПЕЧЕРСКИЙ. «СУД ДА ДЕЛО».
- 7** Галина АЗАРОВА. «ТРУДОМ НАПОЛНИТЬ ЖИЗНЬ».
- 8** Рассказ Рустема КУТУЯ «БУБЕНЧИК».
- 12** Петр НОВИКОВ. «ПРОФЕССИЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН».
- 14** ПИСЬМО МОЛОДОГО РАБОЧЕГО. Лев КОГАН. «СКУЧНО?»
- 16** К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. ЧЕХОВА. Виктор ДЕМИН. «ГОД ЗАВЕЩАНИЯ».
- 19** Стихи Анатолия ПРЕЛОВСКОГО.
- 20** МОЛОДЕЖНАЯ МОДА. Егор ЗАЙЦЕВ. «НАРОДНЫЕ МОТИВЫ».
- 21** Игорь КОНСТАНТИНОВ. «СИНИЦЕ И БЕЛКЕ—ПО ОБЕДЕННОЙ ТАРЕЛКЕ».
- 22** НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ТРИБУНУ XII ВСЕМИРНОГО. Лев ЕЛИН. «ПАУТИНА».
- 24** «ЛЕД И ПАРУС». Фоторепортаж Александра ХАРЧЕНКО и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 25** Повесть Владимира АЛЕКСАНДРОВА «ВИЛЛА В ЛОЗАННЕ».
- 29** БЕРЕГИ ЗДОРОВЬЕ СМОЛОДУ. И. ШХВАЦАБАЯ. «СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ».
- 30** Новая рубрика «ЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ». Беата БУШЕЛЕВА. «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ВОСПИТАННОГО ЧЕЛОВЕКА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда». «Смена». 1985 г.

комсомольско-молодежной бригады сборщиков-клепальщиков.

Человека, который хоть единожды видел бы Квашина спокойно идущим по цеху, можно смело выставлять в музее как историческую редкость. Квашин по цеху в рабочее время не ходит — всегда бегом. Пробегаю, к примеру, мимо Горбатовского, успеваю бросить пару фраз. «Что-то у тебя, Витя, как я посмотрю, вон те двое не очень-то загружены». «Да они, Миш, еще молодые, осваиваются», — оправдываясь, скажет Горбатовский. «Сам-то ты что-то не сильно долго осваивался», — буркнет Квашин и улыбнется: «Ну-ну, гляди!» Погрозит пальцем и умчится по делам дальше.

Квашин — максималист во всем. «Он из тебя все соки выжмет», — говорит Горбатовский, — и сам так же».

Много ребят прошло через бригаду Квашина; никогда не отказывается он от новичков, хотя всегда это новые хлопоты и нервы.

А вот нынешними ребятами не всегда доволен бригадир.

— Иной, — говорит, — придет в цех, еще молоток в руках держать не умеет, а уж спрашивает: сколько платить будешь? Раньше о зарплате даже и не заикались, вроде как стыдно было вспоминать о ней, о работе больше думали. Раньше начальник цеха сам порой помогал клепать в трудные моменты. Пискунов Леонид Федорович. Сейчас он начальник летно-испытательной станции. Придет часов в одиннадцать вечера, посмотрит, как идут дела, а мы еще и дома-то не были, но работу закончить надо. Снимет пиджак, скажет: «Добьем, ребята». И рядом встает. Когда его от нас переводили — в цехе ревели все...

Сейчас иному молодому скажешь: давай, Саня, я с тобой на два часика после смены останусь, во время работы не успею, — попрактикуемся, я тебе кой-какие премудрости покажу, разряд себе потом повысишь, денег получать больше будешь. А он в ответ: «Да зачем мне, неохота!» А раньше, помню, отправится какой-нибудь опытный рабочий покурить, а ты его за рукав: «Пойдем, Володя, десятка два заклепок забьем!» Просишь, уговариваешь, чтоб вместо курения... Хочется тонкости скорее постичь. А теперь! Свое время для него готов потратить, а он! Рвения маловато. Помню, на Гончарова гляну — ну, до чего ж красиво работал! И думаю: сумею ли так вообще когда-нибудь?..

Когда ко мне Витя пришел, я его сразу приметил. Пронрыливый парень — во все вникал, до мелочей. Пока не разберется — не начнет. Чертежик читать научился — будь здоров, а это очень важно в нашем деле. Да и руки у него на месте. Поработал он, смотрю: нельзя его уже держать рядом, надо самого ставить во главе бригады. Теперь вот и он создал коллектив, можно перебрасывать дальше, новый сколачивать. А в этом, я знаю, и замена уже есть, подготовлена. Даже знаю, кто... — Квашин таинственно улыбается. — Сказать? Юра Калмыков...

Несколько лет назад был на заводе конкурс профмастерства среди сборщиков-клепальщиков. Я участвовал, а Витя пришел поболеть, посмотреть. Дело было, кстати, в воскресенье. Это я к тому, что не каждый захочет потратить выходной просто так. Ну, я ему сказал тогда: смотри внимательней, подмечай, на будущий год сам будешь соревноваться. А на конкурсе очень трудно углядеть разные тонкости: темп большой. Но он, видно, что надо, углядел. На будущий год второе место занял. За мной. И, мало того, в чертеже хитрость была одна маленькая, этаякая изюминка, так я ее просмотрел, ошибочку сделал, а он заметил!..

Квашин говорит об этом с таким азартом и воодушевлением, будто не Горбатовский хитринку заметил, а он сам. Чувствуется, дорог ему ученик, продолжатель его, Квашина, принципов.

Гончаров Анатолий Леонович, бригадир сборщиков-клепальщиков. Улыбку, как у Гончарова, я видел еще

только у одного человека, у Смоктуновского.

Мы шли с Гончаровым к нему домой, и он только успевал раскланиваться на обе стороны улицы.

— Толик, займи три рубля! — остановил какой-то парень.

— Пьянству — бой! — весело сказал Гончаров и пошел дальше.

— Так мне ж на хлеб! — раздалось сзади.

— На хлеб пятнадцать копеек дам! «Пьяниц он не терпит», — пояснит мне потом Горбатовский. — Если знает, что на выпивку просят, ни за что не даст. А вообще он столько раздал в жизни, что, наверно, хватило бы на машину, если б все вернули...»

Щедрый человек Гончаров. До работы большую охоту имеет. Силой чудесной располагает. Рассказывают, в молодости (сейчас ему за сорок), взмахнув кувалдой, ломал у нее рукоять...

«Если человек не умеет работать», — говорит Гончаров, — я не волнуюсь: научится. Если нет желания — ставлю. Ну, а если ничего не получается — придется расставаться. С теми, кто пьет, долго не нянчусь. После первого раза — разговор. После второго — пишет заявление об уходе, и я кладу его себе в шкаф. Третий раз отдаю ему готовое заявление — и привет.

Все работают по-разному. Был у меня парень, так он за пятнадцать минут мог сделать столько, что другой и за четыре часа не одолеет. Клепал, как пулемет. У нас есть правило: пока всю работу не закончили — занимаются делом, а не перекурами. Бывает, кто-нибудь заикнется: а вот, дескать, в той бригаде — свое сделал и отдыхай. В таких случаях отвечаю: не нравится, можете идти в ту бригаду».

Голубая рубашка, джинсы. Седые волосы, загорелое лицо. Белозубая улыбка. Очень быстро ходит.

Летит над нами высоко в небе Як-40. — О! — Гончаров щурится, смотрит ввысь. — Мои крыльшки полетели!

Сколько же крыльшек собрал он за двадцать пять лет работы!.. «И десять лет сверхурочных», — смеется он. Сколько молодых ребят на крыло поставил. Они всегда находили в нем поддержку. Своим подопечным он с самого начала говорил так: «Подходите по всем вопросам, не стесняйтесь. Если я занят, все равно подходите».

Гончаров из тех, кого называют правдоискателями, не вззирающими на лица. «Иной раз, — говорит, — так правду качнешь, что с тобой долго потом не разговаривают...»

Таков Квашин. Таков Гончаров. Учителя Горбатовского. Они уже стали легендарными личностями на заводе. Когда речь заходит о принципиальных людях, то говорят: «Как Квашин». Или: «Как Гончаров».

Секретарь комитета комсомола завода Володя Абросенков, рассказывая мне о молодом бригадире слесарей-инструментальщиков, обронил такую фразу: «Парень очень надежный. Как Горбатовский».

Когда передовики производства вышли с инициативой проведения трудовой вахты «40-летию Победы — сорок ударных недель!», бригада Горбатовского собралась на совет. Решили завершить пятилетку к девятому мая 1985 года. Кстати, сам Виктор заканчивает свой личный план уже восемьдесят шестого года.

После обсуждения пошли переодеваться, и кто-то из ребят, кажется, Миша Курдаков, спросил:

— У тебя, говорят, отец воевал?

— Воевал, — коротко кивнул Горбатовский.

И хотя голос его был обычным, Курдаков вопросов больше не задавал.

Не знаю, вспомнил ли Виктор в тот момент снайперскую книжку отца, или вспомнил материнскую медаль «За оборону Ленинграда». Или подумал вдруг о своих неугомонных ребятах.

Но одно знаю совершенно точно: с войной у Горбатовского свои личные счеты.

Алексей ВОРОБЬЕВ.

Фото Сергея ВЕТРОВА

Н

е-а, не полетим,— хмуро буркнул второй пилот.— Куда столько набрали? Это же вам не КамАЗ, а МИ-8!

Возразить никто не решался. Груза и впрямь набралось многовато, но ведь и нарты, и мешки с комбикормом, и книги, и лекарства, и теплую одежду— все это ждут оленеводы. Разве мыслимо оставить что-нибудь?

Видно, лица у нас в тот момент были такие, что недовольный авиатор, глянув строго, еще больше скривился и без слов захлопнул дверцу кабины. Похоже, все-таки полетим. Всей агитбригадой, с полным грузом.

И вот внизу покатались волнами сопки, редко утыканые черными, словно обгорелыми лиственницами, покатались, уводя к западу от Иен-

К ВЫСТУПЛЕНИЮ ПЕРЕД ОЛЕНЕВОДАМИ ГОТОВИТСЯ ЯКУТСКИЙ НАРОДНЫЙ АНСАМБЛЬ «САРЫАЛ».

гры. Поселок приткнулся к берегу крохотной извилистой речки, которая и дала когда-то имя селению. Иенгра— ветвистые рога. Красиво. И сразу ясно, что живут здесь оленеводы: кто другой смог бы так точно уловить поэзию в причудливых ветках ручьев, уходящих от главного русла, увидеть в них символы своего древнего ремесла.

Оранжевый, как апельсин, вертолет несет нас к верховьям Алдана, туда, где кочуют олени стада совхоза «Золотинка». Владения хозяйства обширней территории иных европей-

ских государств, а в Иенгре— столице— едва за тысячу жителей, и многие из них большую часть года проводят в тайге. Связывают их порой друг с другом лишь рация да вертолет. И хотя расстояния по сибирским меркам и невелики—сто—сто пятьдесят километров между стадами, но, помноженные на бездорожье и глухомань, они порой становятся непреодолимыми для традиционных видов транспорта.

...Савелия, про которого нам говорили, что он бывший шаман, в первом стаде не оказалось. Накануне ушел гонять по тайге оленей, и след на сухом сыпучем снегу еще свежий, а ищи теперь того Савелия, что ветра в поле.

— Может, вернется?

— Быстро, однако, не вернется. Самое время за оленьем смотреть. Луч-

ОЛЬГА УШНИЦКАЯ,
СОЛИСТКА АНСАМБЛЯ.

НАВЕРНОЕ, И ЭТОМУ МАЛЫШУ НЕ ЗАБУДЕТСЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРИЕХАВШИМИ В СТОЙБИЩЕ АРТИСТАМИ.

ИЕНГРА- ВЕТВИСТЫЕ РОГА

ше чай пить садитесь,— пригласил обстоятельный звенк Семен Кириллов.

На улице минус тридцать, а в палатке у него тепло, даже жарко. Хозяин протянул горячую кружку с густой индийской заваркой, отломил маленький кусочек лепешки, чуть мазнул маслом. Думали, поднесет гостям, но он подобрался к раскаленной печке и кинул корку в огонь.

— Так в народе у нас делают, когда кушать садятся. Примета. А Савелий зачем— шаманить будем?

Спросил и усмехнулся хитро. Сразу же подхватив эту улыбку, также хитро подмигнул Семену его молодой

племянник Аммос: мол, что же, сразу вам все секреты открой?

А после чая Светлана Михайлова, методист агитбригады, прочла лекцию о трудовой дисциплине. (Хотя лекция — громко сказано, ведь слушателей и десяти не набиралось.) Баянист Михаил Криштапович, несколько лет назад сменивший родное Полесье на неласковую якутскую тайгу — Сибирь, говорит, потянула, — склонился над любимым инструментом, готовя его к работе. Командир вертолета Геннадий Егоров нетерпеливо поглядывал на часы.

— Сейчас, сейчас, — откликнулась Светлана, — только книжки раздам библиотечные и еще «ехор» спляшем. Танец такой, эвенкийский.

КАЮР МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВ:
«ВЕРТОЛЕТ — ХОРОШО,
А НАРТЫ — ЛУЧШЕ».

просились в это оленеводческое хозяйство.

В Иенгре, то есть в совхозе «Золотинка», о таких условиях пока только мечтают, поскольку генеральный план развития и благоустройства поселка еще предстоит воплотить в жизнь. Но молодые оленеводы из «Золотинки» не уходят. Мы далеки от мысли приписывать совхозной агитбригаде главную заслугу в решении кадровой проблемы. Это было бы наивным. Но все-таки заслуга, наверное, есть, и уважение, которым бригада пользуется у рядовых оленеводов и руководства хозяйства, не одними песнями и танцами завоевано.

Собственно, агитбригада — название весьма условное. Вертолет — слишком дорогое удовольствие, чтобы возить на нем за сотни километров лектора и баяниста. «Мы бы в трубу вылетели, если бы не

окупятся, хотя 140 тысяч рублей в год на оплату полетов вертолета для совхоза сумма солидная.

Как найти путь к душам оленеводов? Не сразу ответила для себя на этот вопрос Светлана Михайлова. Куда только не забиралась она на оленях и вездеходах с агитбригадой, даже в самую глухую тайгу, и вот однажды попала с кинемехаником Татьяной Хмелевской в пятнадцатое стадо. С той самой Хмелевской, о которой в поселке присказку сочинили. Мол, вертолет сломается, вездеход встанет, олень подведет — Татьяна не подведет. То есть из любой глухомани выберется и людей за собой выведет. Но в этот раз не помогла и Хмелевская, слишком уж далеко в тайгу забрели оленеводы. А обратного транспорта не оказалось.

— Ладно, будем ждать, — трянула кудрями Михайлова.

Ждать пришлось полтора месяца. Неизбежно настал момент, когда все лекции были прочитаны, поселковые новости пересказаны, а фильмы прокручены. Тут-то и началась, они поняли, работа, не предусмотренная служебными инструкциями.

Затеяли девчата конкурс на лучшее блюдо из привезенной ими же свежей картошки. Потом взялись на спор испечь древним дедовским способом вкуснейшие лепешки. Помучились — получилась. Потом песни стали вспоминать старые, эвенкийские, вместе с оленеводами разучивать. И так выдумывали без конца.

Хотя, конечно, работу по стойбищу наравне с остальными справляли: дрова рубили, воду из озера таскали, шкуры скребли вместе с бабушкой Аграфеной. Но даже в тоскливые минуты помнили, что они двое — агитбригада. Что должны каждый день хоть чем-то радовать людей, к которым заброси-

Прилет вертолета — событие для оленеводов, праздник. А какой праздник без танца?

— Ладно, пляшите, — махнул наконец рукой Егоров и пошел запускать двигатели.

Тут Михаил рванул меха баяна, и мы не успели спросить у хозяина о примете — корочке хлеба, брошенной в огонь.

Профессия оленевода в Якутии, пожалуй, самая уважаемая. И олень — гордость края. Но тревожит старожилы, что сегодня молодежь не шибко рвется посвятить себя ремеслу предков. Тридцати процентов достигает текучесть кадров среди молодых оленеводов, парни да девушки уходят в город, оставляя на стериках оленей стада.

Причины? Они, кажется, на виду. Нелегкие условия труда, работа часто без выходных и отпусков, техники современной мало, быт устроен плохо и еще, еще... Много проблем надо решить. Значит, требуются время, техника, деньги, деньги немалые, если учесть огромные безлюдные пространства и суровый климат. Правда, уже пытаются решать эти проблемы. Например, в совхозе «Тополином», где разворотливые руководители сумели построить современный поселок для оленеводов. И ведь факт, что более двадцати молодых семей из других районов республики сами по-

**ОЛЕНЕВОДЫ ЗНАЮТ:
КАЖДЫЙ ПРИЕЗД
СВЕТЛАНЫ МИХАЙЛОВОЙ —
ЭТО И НОВЫЕ КНИГИ.**

ЕХОР — ОГНЕННЫЙ ТАНЕЦ.

совмещали в одном рейсе почтовые, хозяйственные перевозки, не отправляли бы с вертолетом врачей и зоотехников. Ну, и, конечно же, артистов! — считает директор «Золотинки» Марк Петрович Николаев. Сам еще человек молодой, совсем недавно — новичок в ответственной своей должности, Николаев уверен, что жалеть средства на обслуживание оленеводов — значит поступать не по-хозяйски. Расходы эти непременно

БУДУЩИЙ ОЛЕНЕВОД

ДЕТИ ОХОТНИКОВ РИСУЮТ ТО, ЧТО ИМ БЛИЗКО И ДОРОГО.

ему почти братья. Вон тот, белый как облако, родился на рассвете, мальчик зовет его по имени, знает, как кличут мать-олениху. Позже он познакомится со всем стадом, будет помнить кличку каждого из пятисот своих тонкорогих братьев. Отправляясь с отцом искать заблудившегося оленка, различит следы среди десятков других и, найдя обрывающимся свежее побег ягеля, ласково потреплет его за ухом. А то, совсем как взрослый, присядет на край нарта и будет долго-долго, не отрываясь смотреть на снег.

Странна для непосвященного жизнь людей, кочующих со стадом. Совсем проста, и все же попробуй пойми ее. Угадай, на что откликнется сердце оленевода. (Как-то в Якутске молодой режиссер студенческого театра жаловался, что не слушают их, плохо смотрят спектакли в оленеводческих бригадах. Но аудитория ли была в том виновата?)

Татьяна со Светланой хотели быть понятыми.

НЕ СТРАШЕН БАЯНУ МОРОЗ.

**УЛЬЯНА И СЕРГЕЙ МАКСИМОВЫ
ВЕРНУЛИСЬ С ОХОТЫ,
ЧТОБЫ ПОСМОТРЕТЬ
ВЫСТУПЛЕНИЕ АГИТБРИГАДЫ.**

ла их судьба. И, делясь тем, что знают и умеют, Татьяна и Света сами глубже узнавали жизнь оленеводов.

Оказывается, здешний ребенок попадает в стойбище, едва родившись. Палатка становится его яслями, детским садом и родным домом. Первые в жизни шаги он делает по снегу и влюбляется в него навсегда. С младенчества он учится понимать тайгу, доверять ей. А олени... олени

Нашел их в пятнадцатом стаде все тот же Геннадий Егоров. Летел с геологами, нырнул на оранжевом своем вертолете за сопку, увидел внизу костры, палатки, оленей. «Ба, а вон и наши девчата...» Девчата увозили с собой массу впечатлений и полезных выводов.

Молодой художник, лауреат республиканской комсомольской премии Юрий Спиридонов рассказывал, что всякий раз, возвращаясь домой к родителям-оленеводам, он ищет глазами гору Харбыл-Хаях. Увидит ее в иллюминаторе, и сердце дрогнет: «Наконец-то дома». Земля предков, на которой родился и вырос, манит до боли знакомыми чертами. Причудливой глыбой камня у подножия сопки, плеском прозрачной воды о берег таежного озера, криком ночной птицы, невидимой из-за пламени костра. И еще песнями своего народа и сказками стариков, тем, что было всегда, существовало помимо воли отдельного человека. Но лишь от самого человека зависит, удержится ли это в памяти его детей и будет ли продолжена традиция рода.

Будущий оленевод, вырастая в тайге, с детства впитывает в себя секреты ремесла, обычая. Только традиция рода, думается, глубже, и отражается в ней особое ощущение мира.

— Знаете, кто прежде был наиболее ревностным хранителем поэтического и танцевального фольклора в Якутии? Шаман! Да, для нас, материалистов, это фигура одиозная. Насчет общения шамана с духами наука сказала свое слово. Но ведь с точки зрения искусства шаманство было театром одного актера. А все образы в этот «театр» приходили из народной жизни, то есть из жизни оленеводов...

Это уже из беседы с заслуженным артистом Якутской АССР, лауреатом Государственной премии республики Геннадием Баишевым. При подборе репертуара художественный руководитель Государственного ансамбля танца Якутии столкнулся с проблемой: исчезли многие танцы, которые веками передавались по наследству и глубоко проникли в фольклор, стали культурным достоянием народа. Сегодня Баишеву и его коллегам приходится по крохам восстанавливать лучшие образцы этого искусства, искать по селам бывших шаманов, расспрашивать стариков. Самые интересные находки становятся потом танцевальными номерами ансамбля. Кое-что из этого репертуара берут на вооружение и агитбригады, обслуживающие оленеводов.

В Иенгре бывшие шаманы в совхозе теперь работают, за оленями ходят. Вроде Савелия или столетней Меланы Олесовой. Но, видно, сильна фольклорная традиция, и старожилы здешние, в том числе и Савелий с Меланьей, по сию пору не устали пересказывать легенды и сказки своего народа, не устали выходить на круг в звенкийской пляске. Настоящий праздник танца, музыки и песни приходит в Иенгру в последнее воскресенье февраля, когда съезжается в поселок на День оленевода из дальних стад молодежь, чтобы показать себя перед младшими братьями, поддержать родителей, не уступить ветеранам. Пожалуй, лишь в тот день и можно увидеть их всех вместе. Потом они снова разъедутся, но на весь год останется у каждого удивительное ощущение народного праздника.

Не эта ли нить привязывает их к своей земле, к ремеслу предков? Нить, любовно сплетенная дедами и отцами, щедрой рукой протянута новому поколению. Не это ли ощущение единства с землей, с народным духом рождает оптимистический взгляд молодых оленеводов на производственные и бытовые проблемы? Что ж, иной вопрос бывает трудней задать, чем на него ответить...

Тише, ты! Услышат...
— Кто услышит-то? Кругом ни души.
— Давайте по-быстрому. Что тут у нас?
— Теодолит и нивелир. Завтра бугор запрыгает от радости...
— Хватай и пошли дальше. Надо и на мою долю чего-нибудь...
— Тут еще шлифовальная машинка.
— Давай. Сенотрусов по ней давно рыдает.
— Стой, ребята! Шлифмашинку я возьму себе. Мой Долгов ею интересуется. Обещал неделю отгулов, если достану...
— Бери! А вот эти штуковины я для Шпинева.
— Ну все, парни, будет. В других вагончиках пошарим завтра. Пошли!
— Холодно как...
— Да вот же ватник висит. Надевай. Место действия—город Старый Оскол, а точнее—вагон-городок на основной строительной площадке Оскольского электрометаллургического комбината.
Еще далеко до утреннего часа, и не скоро появятся возле вагончиков их хозяева.
Сотрудникам уголовного розыска еще неведомы имена загадочного «бугра», Долгова, Сенотрусова и Шпинева, но у них это уже не первый сигнал об ограб-

ные, установленные следственными органами. А вот последующие диалоги—из материалов судебного процесса.

— Скажите, свидетель Сенотрусов,—спросит судья другого бригадира,—вот вы взяли у Евгения Кузьминского два краденых нивелира и шлифовальную машинку. Зачем?
— Нужда заставила... У нас-то ведь у самих год назад украли один нивелир. А мы без него как без рук. Вот и взял.
— Ну, хорошо. У вас украли один нивелир. А вы взяли два. Да еще шлифмашинку.
— Это на всякий случай, про запас...
— Но вы хоть поинтересовались, откуда Кузьминский принес вам дефицитные инструменты?
— Да когда же мне с ним объясняться? На мне бригада—сорок пять человек. И без него забот хватает.
— Ну, а вот вы, Шпинева, тоже ведь бригадир и тоже принимали ворованный инструмент. Как же вы людей-то своих воспитываете, если сами для них не можете служить примером?
— Это все Лукинов, ввел меня в грех...
Суть дела предельно проста. Рабочий приносит бригадире дефицитные инструменты, а тот, прекрасно зная происхождение этих инструментов, дает оплаченные отгулы, закрывает глаза на прогулы и прочие «мелкие» нарушения. Что-то украли и принес «отцу-бригадире»? Давай. Молодец. Не для себя стараешься—о коллективе заботишься. Получай в награду внеочередной отпуск.
Всех молодых взломщиков (их было семеро) осудили на срок от пяти до семи

объединения «Электрометаллургстрой», Валерий Алексеевич Шишацкий.—Бывал, бывал у нас председатель Всесоюзного совета бригадиров товарищ Сериков, много чего рассказывал о подряде.

— Ну и как результаты?
— Развиваем теперь этот метод.
— Доразвивались,—в сердцах пристукнул Сериков кулаком по столу, когда автор этих строк встретился в Москве с Владиславом Пахомовичем.—Были там когда-то хозрасчетные подрядные бригады, да все вышли—ни одной теперь не осталось. Лично в этом убедился недавно. Потому и стройматериалы беречь некому. Так же как и инструменты...
— Много ли тащат?
— Случается,—уклончиво отвечали корреспонденту в «Электрометаллургстрой» руководители различных рангов.
— А если, к примеру, возле каждого гвоздя поставить по сторожу?
— Ой, что вы,—представив себе эту фантастическую картину, рассмеялся секретарь комитета комсомола «Электрометаллургстроя» Вячеслав Семькин.—Где же столько сторожей наберешь, если рабочих основных специальностей не хватает. Надо проводить воспитательную работу, подтягивать отпавших отсталых бригадиров, учить их на примере лучших.
— Есть такие примеры?
— А как же! Вот, скажем, комплексная комсомольско-молодежная бригада Алексея Ивановича Короткого из стройуправления номер тридцать. По нашему ходатайству ей присвоено звание «Лучшая хозрасчетная бригада «Центротяжстроя». Это крепкий, сознательный коллектив.
— Да что ты говоришь, Вячеслав!—не выдержала корреспондент многотиражной газеты «Оскольская Магнитка» Ольга Анклям.—Мы же только что из СУ-30. В замечательной бригаде Алексея Короткого только за восемь месяцев совершенно 35 прогулов, а шесть человек побывали в вырезывале.

Семькин нахмурился, недовольно поглядывая на Ольгу. Чего перед чужим человеком откровенничать?

— Так о каких таких семерых похитителях вы говорите?—переспросил Семькин.—Ты не помнишь?—обратился он к своему заместителю Валентину Медведеву.

— Это у нас тут в конференц-зале проходил выездной судебный показательный процесс. Да ты не бери в голову. Они же не комсомольцы. Так, шантрапа...

— Ну вот, видите: не комсомольцы,—успокоился секретарь комитета.—К нам отношения не имеют...

А ведь показательный судебный процесс не только для того был устроен, чтобы покарать виновных, большинству из которых, кстати, по 19—20 лет. Мыслилось, что он всколыхнет общественное мнение, станет предметом горячих разговоров на рабочих и комсомольских собраниях. Есть ведь о чем поговорить. И не только поговорить—что-то делать надо...

Безнаказанными остались те, кто, по существу, поощрял воровство—даже давал награду за похищенные инструменты. С чем они-то вышли с заседания суда? С намерением продолжать «воспитывать» молодежь в том же духе, раз все так легко обошлось?

Увы, даже в комитете комсомола судебный процесс не вызвал колебания на зеркальной глади безмятежного благодушия. Ну, есть недостатки в воспитательной работе. А где их нет? С хозрасчетом, бережливостью и экономией нелады? Так это не только наша проблема. Не каждый из бригадиров может служить примером кристальной честности?.. Но, говорят, даже на ясном солнышке имеются пятна. Попался кто-то на воровстве? Тащили же не для себя, а для своих благодетелей-бригадиров. Так что волноваться не о чем...

Неужели не о чем?

*Страшно по ночам, когда бессонница
Донимает несмыкаемым век.
Страшно, когда ночь
К утру уж клонится,
Как к концу спешит двадцатый век.
Страшно одному себя почувствовать,
Положась, как прежде, на авось,
В темноте лежать
И молча буйствовать,
Слыша, как скрипит земная ось.
Страшно мне,
Что вдруг она не выдержит:
Слишком тяжкий груз лежит на ней,
Изогнется, лопнет, землю выбросит
Из орбиты праведной своей.
Полетят все блоки, коалиции
Мертвым грузом меж остывших тел,
Потому что кто-то из амбиции
Ось земную нашу не жалел.*

*Верните музыканту ноты,
Судожнику верните кисть,
Сравняйте тесные окопы,
Воине скажите:
— Прекратись!
На свалке место для патронов,
Отбросьте колкие штыки,
Не забывайте только стоны,
Не забывайте долго стоны....*

*Розовые гуси
облаков лохматых
Истекают кровью
в берегах горбатых,
А над головою,
в ситце неба стилого,
Нервною рукою
ночь уж звезды вынула.
Вынула, почистила,
по одной подвесила
И лунной заржавленной
в воду ноги свесила.
Свет катится по волнам,
утопая в него,
Делит волны пополам
в непрерывном беге.
И, куда ни еду я,
все она со мною,
Эта светлая струя
мирного покоя.*

Иван КИУРУ

*Как медлителен в поле апрель!
Но... с грачиной толпой нарастает
Шум из роц...
Влажный бархат блистает
Борозды—в окна трех деревень!*

*Травы первые кинулись в рост
У канав—под березы корни,
От грачей теплый цвет переняли
Строки ласково-черных борозд.*

*Виснет теплая влажная мгла,
Лес, деревни и поле связуя,
В странно-вечном как будто лесу я
Все бреду от села до села!*

*Не скрипит, мягко прядая, мост—
Меж полей—
в лозняковой низине.
Тускло светятся звезды трясины,
Кочки в близком
соседстве борозд.*

СУД ДА ДЕЛО

лении хозяйственных вагончиков. Там неизвестные налетчики унесли кислородные редукторы и 150 метров кислородного шланга. Здесь утанули электрокаччик, сапоги и валенки. Третьи хозяйева недосчитались иных дефицитных инструментов и предметов. 5560 рублей 50 копеек—в такую сумму улеглись результаты ночных грабежей.

Пока милиция ищет преступников, в СУ-28 объединения «Электрометаллургстрой» между бригадиром Митяевым и его молодым подшефным Сергеем Коваленко тянется неторопливый разговор.

— Тут вот какое дело, Виктор Иванович,—пристывает к делу Коваленко.—Неделку бы отгулов, а? А я вам за это—теодолит. И еще нивелир в придачу.

— Слимонила где-нибудь?
— Обижаете, Виктор Иванович.
— Ладно, договорились. Три дня тебе «восьмерки» в табеле ставить буду.
— Маловато, недельку бы...
— Тихо! Нарсуд тебе добавит до полных норм. Иди попроси.

— Шутки у вас, Виктор Иванович...
— А ты хорош—спер и еще торгуешься! Нет бы принести бригадире чего-нибудь просто так, от чистого сердца.

— Ты об чем, бригадир?—интересуется каменщик Виктор Матвеевич Пономарев.

— Да вот этот мазурик принес чужие инструменты и еще просит за них неделю отгулов.

— Три дня за глаза хватит,—советует Пономарев.

За стенографическую точность приведенных диалогов я, понятное дело, поручиться не могу. Но факты—подлин-

лет, а против тех, кто принимал краденое, решили было возбудить уголовное дело. Но потом сочли, что это было бы слишком жестоко и даже, может быть, нетактично. Все-таки бригадиры. Опять же—строят супергигант металлургии и уже много чего понаделали. Пусть с ними общественность разбирается.

Разобрались... Шпинева, к примеру, избрали заместителем председателя профсоюзного комитета СУ-28. Председателем же здесь тот самый Пономарев из бригады Митяева, с которым он не разлей вода. Усилили, стало быть, воспитательную работу...

— Еду я однажды с дачи в пригородном поезде,—рассказывал мне автокрановщик Владимир Бабкеев.—Сидит старушка, хвастается перед попутчицами: «Мой сынок-то на стройке теперь работает. Напривозил мне оттуда чего только надо: и тачку-тележку, и шланги, и красных кирпичиков, и даже громадную цистерну для воды». Психология у многих такая: у государства стибрить не грех, что плохо лежит. Оно не обеднеет...

— А почему лежит-то плохо?—горячится известный в Старом Осколе бригадир Иван Дмитриевич Федорович.—Вот строил я металлургический комбинат в Темиртау. Там у бригады был полнейший хозрасчет, я расписывался и отвечал за каждый гвоздь. А тут бригадой командуют все, кому не лень. Сейчас—сюда, завтра—туда. Постоянных объектов нет, и за стройматериалы мы тоже не несем никакого ответа. О бригадном подряде речи тут уже сколько лет гремят красивые. А на деле...

— Бригадный подряд? Ну как же!—сказал один из руководителей

Александр ШАТАЛОВ

*Пока еще жизнь моя длится,
мне нужно хотя бы на миг
вглядеться в любимые лица
сограждан моих дорогих,*

*за их незатейливым видом,
за резкой морщиной на лбу,
за непритязательным бытом
увидеть чужую судьбу.*

*Тревожа загадочным светом,
чуть-чуть воспарив над землей,
они, как большие планеты,
плывут и плывут надо мной...*

*Я выпрямлю голос, чтоб резче
звучал он для милых моих,
став словом, став пламенной речью,
став жизнью короткою их.*

Тишинская площадь

*Запах снега вязкого и талого
над Тишинской площадью плывет.*

*Жанна Александровна Шаталова
по двору с колясочкой идет.*

*На виду у старого и малого,
личико заботой осветя,*

*Жанна Александровна Шаталова
в одеяльце кутает «дитя».*

*О войне химической и атомной
трудно ей пока еще понять.*

*Жанне Александровне Шаталовой
нынче лишь бы в куклы поиграть.*

*А когда придет домой усталая,
как пушинка малая легка,*

*Жанна Александровна Шаталова
выпьет вместе с мамой молока.*

*Ей уже три годика без малого,
так бы с мамой жить и не тужить...*

*Жанне Александровне Шаталовой
столько еще в жизни пережить!*

*Летом чибис звенит, и кружить
Здесь любил мой старинный приятель.
Жаль, не знаю, гнездо где он прятал,
Только дружбу умел он ценить:*

*На дорожке встречал — не в кустах,
Где свирель соловьиная бродит...
Постоянство и верность
В природе
Неприметного племени птах.*

*Кланялся лихо он
и танцевал
До собранья лоз и березок,
Где рассвет был пронзительно-розов
И где в полдни косец пировал!*

*...Как медлителен в поле апрель...
Но летит из Египта мой чибис —
Страж дурмана болотистых зыбей.
И мостков — между трех деревень...*

*Вечно радостен весен приход.
Перелет отступлений не знает.
Терпеливо равнина лесная —
Необъятная! — чибиса ждет...*

*До родного домчит ли болота?
Строить хрупкую прочность гнезда?
Птицы выше условий полета...
Как художник — условий труда!*

ТРУДОМ НАПОЛНИТЬ ЖИЗНЬ

Письмо
в редакцию

ПРИГЛАШАЕМ
К ОБСУЖДЕНИЮ

Есть вещи, человеку для жизни совершенно необходимые. И прежде всего это труд. Если для здоровых людей труд — насущная потребность, то для инвалидов он статья особая. Недаром существует даже такой термин: трудоустройство. Работа лечит в прямом смысле слова, помогает, поддерживает морально.

Для тех, кто перенес тяжелую болезнь или имеет врожденные недостатки, труд не только общественно полезная деятельность и способ получения зарплаты — это и главный источник нравственного удовлетворения. Работая, мы не остаемся в стороне от людей, не теряем сопричастности ко всему, что происходит в жизни. Поверьте, это не ради красного словца сказано. Чувствовать себя никому не нужным, одиноком в мире, где все движется, не стоит на месте, буквально кипит, — это страшнее любого недуга.

Вот почему мы хотим работать. И те, кого болезнь лишила возможности самостоятельно передвигаться. И те, кто имеет самый замечательный уход и ни в чем не нуждается. Мы хотим быть членами трудового коллектива. Рабочую дружбу, трудовые связи не заменят ни интересный собеседник, ни книга, ни телевизор.

Кто-то может возразить: заставляя инвалидов работать? Особенно тяжелых, как говорят у нас, «физически разгромленных», — это по меньшей мере негуманно. Но в том-то и дело, что трижды гуманно, и не заставляя — мы сами того желаем! Негуманно считать нас ни на что не способными.

Особенно это относится к молодым людям. Ведь их не так уж и мало среди нас. И с врожденными пороками, и после перенесенных болезней, и после несчастных случаев. Современная наука научилась побеждать многие заболевания, даже предсказывать и предупреждать их, но увы, пока еще ученые не прогнозируют снижение числа инвалидов в обозримом будущем. Посмотрите, сколько увечий приносят одни только дорожно-транспортные происшествия и несчастные случаи...

Трудно, тяжело в молодости переживать собственную беспомощность. Но несравнимо тяжелее сознание иждивенчества. Недолго власть и в отчаяние. А ведь надо как-то устраивать свою жизнь, надо спорить с судьбой, не покоряться ей. Что может стать поддержкой, не заменимой ничем? По исследованиям ученых, примерно восемьдесят процентов инвалидов могут вернуться к активному образу жизни. Могут! И хотят.

Надо жить. И хотелось бы жить с пользой. К тому же, если учесть, что в стране существует определенный дефицит рабочих рук, наше посильное участие в труде вовсе не стало бы лишним. У молодых сильна тяга к самоутверждению. И надо им в этом помочь.

Государство проявляет большую заботу о нас. Так, например, для инвалидов I и II группы — слепых, а также для других инвалидов, работающих на предприятиях, в цехах и на участках, использующих труд этих лиц, предусмотрен ряд льгот: шестичасовой рабочий день, удлиненный отпуск, причем в летнее время, и т.д. В РСФСР есть более пятидесяти профтехучилищ и техникумов для инвалидов, где можно получить профессию по сорока двум специальностям, таким, например, как бухгалтер,

экономист, радиотелемастер, портной, цветовод и другие. На содержание инвалидов в стране отпускаются значительные средства.

Но вот работают не все желающие. Не всегда удается устроиться на работу, которая бы учитывала, так сказать, нашу специфику.

Органы социального обеспечения на местах обязаны помогать нам устраиваться на работу, решать бытовые вопросы. Но даже в крупных городах, где есть предприятия, использующие труд инвалидов, мы, случается, слышим в себе: «Сами занимайтесь поиском работы, которая вам подходит. Мы вам потом подготовим ходатайство, чтобы вас туда приняли».

Надо добавить, что работать на этих предприятиях могут в основном инвалиды, живущие дома, в семьях.

А что могут нам предоставить для работы? Человеку, у которого здоровые руки, светлая голова (среднее, а то и высшее образование), предлагают клеить пакеты или катать на допотопном станочке этикетки. Или, скажем, штамповать наконечники для портновского сантиметра.

Сможет ли человек тут работать с полной отдачей, если он способен на гораздо большее? Ведь подобное под силу простейшему автомату. Рационально ли делать заведомо меньше, чем можешь? А и останется ли после такой работы хорошее настроение?..

Предвижу, казалось бы, резонный вопрос: а что, собственно, могут тяжелые инвалиды, много ли они наработают?

Тут самое время рассказать об опыте Воронежской мастерской, организованной при доме инвалидов лет пятнадцать назад.

Инвалиды первой группы сначала работали там по 2—3-му разряду слесарей-сборщиков — собирали выключатели, а потом освоили работы и 3—4-го разрядов. Это те, кто, по заключению врачей, нетрудоспособен и нуждается в постоянном постороннем уходе. А ведь вон как работали! Собирали так называемый аккумуляторный пробник, и ведь сколько заказов было!..

Эти люди с полным правом не считали себя иждивенцами, зарабатывали достаточно для самообеспечения, то есть могли нормально обходиться без государственной помощи да и определенный доход мастерской приносили.

Оказалось, что почти все инвалиды, даже самые тяжелые с точки зрения медицины, могут работать и, более того, могут выполнять высококвалифицированные операции. Тот, кто очень хочет, способен даже на большее, чем тот, кто просто может.

Приборостроение, точная механика, оптика, электроника — вот, пожалуй, наиболее подходящие для нас сферы труда.

Как же быть? Как обеспечить всех нас подходящей работой? Где?

Вот почему мы задумываемся о создании экспериментальной — в рамках, может быть, пока одной области или одной союзной республики — общественно-производственной организации для всех без исключения инвалидов наподобие обществ слепых и глухих. Для примера коротко расскажу о Всесоюзном обществе слепых (ВОС). В 1923 году был утвержден Устав ВОС. Если вспомнить, какие трудные это были годы... Не было

средств даже на перепечатку документов, представляемых в различные учреждения. Не было помещения. Общество еще только начинало искать формы существования — создавались артели шеточников, корзинчиков. Первый съезд общества собрался шестого апреля 1925 года. Государство выделило большие дотации, члены общества получали деньги и от местных властей. Однако к 1951 году ВОС отказалось от дотации: доходы от производственной деятельности стали перекрывать расходы. (Четверть века потребовалось для этого. Но ведь и время было другое, и опыта никакого не было.) А к 1956 году ВОС стало крупной хозяйственной единицей.

В «Положении ВОС», утвержденном Совмином РСФСР, сказано: «...центральные и местные органы ВОС представляют по делам Общества и его членов в центральные, местные, кооперативных и общественных организациях». Поэтому ВОС может решать вопросы, связанные с организацией труда и быта своих членов. У ВОС есть свои предприятия, библиотеки, специальные магазины, высылающие товары своим членам в разные города, есть даже дома культуры. И главной задачей общества, как и общества глухих, является — я подчеркиваю — приобщение к труду. А для инвалидов это самый насущный вопрос.

Что если создать подобную ВОС организацию и для инвалидов? Организовать производственные комплексы, включающие в себя самопроизводство, жилье, учебно-производственные комбинаты, и все это под единым управлением общества инвалидов?

Безусловно, потребуются расходы. Но они окупятся, как это было и с ВОС. Кстати, в домах инвалидов не хватает кадров обслуживающего персонала: маленькие ставки, все упирается в финансы. Но если бы все инвалиды были обеспечены работой, то можно было бы самим, без помощи государства содержать обслуживающий персонал.

Производственный комплекс хорош еще и потому, что не потребуется далеко ехать до работы (что для нас крайне важно) — производство под боком, либо в этом же здании, либо вообще рядом в комнате.

В этой связи не могу не сказать о специальном транспорте для инвалидов. Вот уже многие годы нам приходится довольствоваться в основном мотоцикляской, аппаратом очень неудобным. Примерно так же неудобны и наши комнатные кресла. Я не говорю уже о каких-либо технических помощниках инвалидов: их попросту нет. Кое-что мы изобретаем сами, приспособляем, но некому все это технически оформить, некому наладить выпуск хотя бы небольшими партиями...

Существует такой порядок: те, кто не вылезли в специальных детских интернатах, в шестнадцать лет возвращаются в семью, а если нет такой возможности — в дом инвалидов, где, как я уже говорила, нет условий для работы. А ведь молодой человек ищет себе опору прежде всего в труде. Труд дает веру в себя. А дома для молодых инвалидов или хотя бы отделения, увы, существуют пока в основном на бумаге. Хотя собрать молодых вместе и создать им условия для работы вроде бы не составляет трудностей.

Я намеренно не хочу останавливаться на каких-либо других наших проблемах, потому что, мне кажется, при организации общества инвалидов можно было бы решить их гораздо легче. Хорошо бы, чтобы Минсобрес РСФСР совместно с подведомственными ему НИИ изучил возможность создания общества инвалидов.

Уверена, что работа, жизнь в трудовом коллективе станет лучшим лекарством для большинства из нас, поможет обрести веру в себя и смысл жизни. Ничто не заменит хлеб трудовой.

Галина АЗАРОВА,
Зеленоград

Среди голого поля стоял этот рубленый дом. Ничего дом, теплый, без печки. Зимой, видно, в нем не жили. А может, обогревались «буржуйкой», или, как там ее по нынешним временам называют, «железкой», «скупердяйкой», «тулупчиком». Скорее все же заколачивали дом на зиму, чтобы ветер по сумасшествию не побил стекла и дверь не смахнул. Поглядеть, сиротливый дом, а как заселили, задрал козырек вверх.

Еще вагончик жался рядом, «малосемейка»: шторы на окнах, половик у порога — приют на сквозняке. Сам зеленый, на толстых колесах, а окошки белой краской обведены для украшения.

Вокруг — поле в обнимку с небом, даль без памяти, хоть бы деревце одно, кустик вялый — пустота зеленая и голубая, с ума сойти, какая ширь.

Печку потом склади, сочинили добавочное тепло, так оно надежнее, рассудили, заодно и умелость проверили.

Дом задышал, повеселел разом, дымок протянул, как сухопутный пароход, и оживленно стало подле него, потому как, что же это за дом без печки.

Изнутри дом походил на каюту общего пользования, по обеим сторонам его, по широким стенам, ползли двухэтажные нары, устеленные соломой, — там и спали друг возле дружки, ряд к ряду, без всяких хитростей, бытовых излишеств, перегородок и занавесок парни и девушки, как семья большая, перегруженная занятостью.

Однако студенты занимали побольше места, заводских было меньше.

Студенты были из университета, желторотые в большинстве, со школьной скамьи, — их и студентами только-только называли для радости открытой. А как смогли они прочесть свои фамилии в списке принятых на обучение, тогда и сказали им приподнятым для торжественного момента голосом:

— Поезжайте, дорогие, в колхоз. Мозоли для рук не тяжесть.

послушалась с нечаянной улыбкой и присела на лавку, куда он показал. Спрятала кудряшку за ухо, провела пальцем по бровям.

Лицо ее не знало краски, не успело узнать — тихо светилось.

Он живо управился с едой, с наваристым хлебом и принялся обглаживать кость. Если бы раздалось довольное урчание, она бы не удивилась. «С утра, наверно, голодный». — подумала вскользь.

Она глядела, как он насыщался, как разрывал зубами мясные волокна, вскрипывал радостно, совсем забывшись, а думала, как мечтала, уносила вдаль за несильным ветром, думала, как лила бесконечную воду, о том ласковом покое, который она застанет дома, расслабится, принакрывшись пледом, и будет отсыпаться влась, словно высвободиться из тесных одежд, легкая во сне, умытая и свежая после ванны, но еще с кой-какой тяжестью во всем теле при одной мысли о темных утрах вот в этой, пока еще дряхлеющей жизни среди неудобств и обязанностей. Была одновременно и тут, и там, и как бы посерединке, нисколько не напрягаясь душой. Глядела на уверенного, крепкого едока и думала, думала, думала, снимая невидимую паутину со щеки бегущими по забывчивости пальцами. Но вот брови нахмурились, сошлись, обозначив первую нелегкую морщину, она осмысленно присмотрелась к человеку напротив себя, вспоминая, кто же он, когда пришел и зачем тут: схватила пустую миску и принесла мятой картошки с жирной котлетой. А как он взялся за ложку, опять поплыла дальше по реке той же мечты.

Но тут этот нагло жующий, небритый мужлан оглушил ее:

— А чай пить будем вместе!

Да кто он такой, чтобы знать все наперед, помыкать ею, хоть бы попросил с подходом... А голос-то, голос!

— У меня два пряника есть. Ваш чаек, мое угощение.

Он достал из кармана газетный кулек, разлохматившийся, обсыпанный крошками табака, вывернул из него два ослепительных пряничка несказанной белизны, подтолкнул на середину стола.

— Приберег, — сказал.

Он был хитрый, легко переменчивый в лице, глаза то сужались, то расширялись до ясной голубизны белков, хитрый, находчивый, как мужик деревенский, который за овес выменял кобылу, а у чайной забыл по причине опьянения, привязав к телеграфному столбу. Слыхали про таких?

Ну и пусть его, забавно, однако. Пошла за чаем, отметив: с пряником подмазывается!

БУБЕНЧИК

И поехали. поплыли по Каме до неожиданной для биографий пристани Мурзиха. Тут их посадили на машину и увезли в просторное поле — оказалось, на середину земного шара.

И здесь на разлете поля он увидел ее, и отчего-то пришла жалость: «Эта измазана. Вон какая ненакормленная...» Слово само собой возникло, выпорхнуло.

— Ты вот чего, — сказал он ей на ходу, в суматохе, — не простужайся только.

Почему так случилось, что выразил именно такое участие, сам бы не ответил. Она глянула на него и отвернулась. Он, конечно, усмехнулся, но глазами все следил, следил за ней, как из прикрытия, куда пристроится, удобно ли, какое соседство. Потом выбрал для себя угол неподалеку, потеснил кое-кого недовольного и окопался.

— Жить можно, — сказал всем сразу.

И зажили, не озираясь и не привередничая.

С утра приходила машина, давала сердитый гудок, тархтела, потораливая, и увозила кого куда, по надобности — зерно ли лопатить, или провеивать, грузить ли, освободить ли поле от урожая лука, картошки, свеклы, другого чего необходимого, ямы ли рыть для силоса.

Их размыкали. Он спроворился таскать мешки, она взялась держать половник при полевой кухне, помощницей поварихи. И он обрадовался за нее: не надорвется, запахами насытится. Сам он считал себя способным к любому крестьянскому труду, его не удивить, не пригнеть, у него кость широкая, кровь в жилах сильная, с распеваем в мускулах, земля перед ним сама расслаивается. На флоте отслужил к тому же, как из деревни ушел, на море поглядел с кораблей военных и пришел к выводу: жить везде хорошо, только надо иметь терпение, чтобы не соскучиться на белом свете. А для этого всего необходимее яростно дышать и чувствовать, как бьется сердце. Чего-чего, а нелепости безделья он для себя не предвидел. Приступил к знаниям и зачислился в студенты университета, когда исполнилось двадцать три года.

— Буду изучать всю мировую культуру, — сказал себе.

Поступил он на филологический факультет.

— Егор Сударушкин! — громко проговорил подле списка поступивших. — Это, значит, я!

И окружающие посмотрели на него с уважением, потому что человек в темно-синей робе, с тельняшкой под горлом, с красивыми значками на груди не стеснялся обнаружить удовольствие и удовлетворение частностью происходящего...

Она же его не заметила даже вблизи поля, в упор не заметила. «Близорукая, наверно...» — предположил он.

Но все же встретились, и Егор Сударушкин отчего-то озаботился ее, как ему показалось, несчастьем. Несчастье он понимал, как физическую немощ при наличии устойчивого преувеличения факта собственной жизни.

И когда она пододвигала для него, совсем не усталого, а только пропылившегося, миску с супом, он сказал:

— Веселого в тебе что-то мало. Не вижу...

И опять она не удостоила Егора интересом.

Но на этот раз он взял ее за хрупкий локоток, остро оголенный углышком, потянул к себе и попросил:

— Ты сядь напротив и отдохни, а я тебе потом замечательные слова скажу. Очень люблю я, когда женщина на меня смотрит.

— Я же еще не женщина, — сказала она. — Я вон какая... даже странно: женщина! Конечно, если разобраться...

Может, она и вправду устала, находилась в досталь с первого луча солнца, но

Пили из алюминиевых кружек. Она спохватилась:

— Спасибо за пряничек!

— Ешь на здоровье, — сказал он.

И все изучал, изучал ее до малой подробности, как будто она картина какая великолепная.

— Вареву что надо! — сказал он и закурил. Папироска была тонкая и маленькая до смешного. — Я хотел с тобой одной остаться. Повариха ушла, оглоеды накормлены, ты при мне сидишь. Хорошо!

— Так и при тебе?

— А где же! Ты хоть скажи, подхожу я для тебя? Для прогулки, скажем?

— Мне посуду надо мыть, — испугалась она.

— Я помогу, — сказал он с готовностью. — Мы ее живенько, не повалацаемся.

Горы перемоем в один момент.

И засучил рукава.

Миски звякали, ударялись доньшками. Воды было достаточно, ею можно было залиться. Егор плеснул ей в лицо с ладони, и она, засмеявшись, ответила ему тем же. Вода соединила их.

Тепленько веяло с поля. День увядал на закате, как большой цветок. Видно было, как небо склонялось к земле. По розовому краю лежало длинное облако. Оно будто стелилось. И померещилось: дойди туда, и не будет ничего проще прикоснуться к его шелковистости, даже не подпрыгнув. Так близко прочитывалась даль. Там только-только провалилось солнце, а свет еще вздымался, образуя сияющий купол, где могли летать птицы перед прощальными сборами.

Егор Сударушкин залюбовался дальней беспредельностью, он ее воспринимал сызмала каждой клеткой тоскующего тела, именно в закатные часы пламени неизъяснимую власть имела эта высь над ним с малолетства.

И она вслед за ним поглядела в алую сторону и увидела языки огня, лижущие траву, четкую, простертую длань поля и восхитилась с нежностью:

— Сколько живу, а как солнце садится, не видела. Даже не думала: а как оно там? Теперь каждый день — и восход, и закат.

— Я как родился, слежу, — сказал он. — Будто из меня оно в мир выходит, в меня же и опускается. Заглядишься. Жить не откажешься.

Еще немножко постояли в задушевной близости, соединенные одной причастностью к большому пространству освещенного поля. А зарево заката постепенно оседало.

— Рушан! — сказал он. И она вздрогнула. — Видишь, я знаю твое имя. Меня зовут Егором. Егор Сударушкин я.

— Иди, Егор, — сказала она. — У меня тут еще дела.

— Теперь мы с тобой, как брат и сестра, — сказал он. — Для начала. Вечером еще поговорим. Не таись только, найду. В поле далеко видно.

— Ну, а...

— Позову — выйди. У меня до тебя необходимость.

— Выражаешься ты, я не понимаю, — сказала она растерянно.

— Объяснимся, — сказал он.

— Но при чем же здесь необходимость?

— Как раз она и есть, растолкую.

Посомневался: может, сейчас ее, как несмышленища, погладить по головке?.. Да побоялся отпугнуть, он для нее темный — выискала напасть. А вслух добавил:

— Мешки тяжелые таскал, а легко. Такая сила во мне задыхается. И ты вот на земле, что божья коровка. Боязно притронуться.

— Навязался ты на мою голову, — сказала она.

От него шла тревога, притягивал он ее взглядом, охватывающим все вокруг.

Рисунок
Владимира
СВЕТЛАНОВА

«Надо же, прянички сохранил чистыми», — подумала она с прихлынувшей радостью. И нахмурилась опять, подобралась, чтобы отдалить его, дать ему холодное нравоучение. Голос окреп.

— Не приставай, — сказала она. — Тебе не все можно. Я не божья коровка.
— Поглядим, — лихо ответил он.
Прежде так с ней никто не разговаривал.
— Ты, Егор, о себе много думаешь.
— А ты хотела, чтоб мало? Не там пашешь. Я здесь свой, а ты прислоненная. Управляйся поскорее, — сказал он. И пошагал.

2

Удивительно безмятежное поле точно бы кругами расширяется, расходится по мелкой, едва шевелящейся траве глубже, легче, свободнее, дальше, шибче, и человек среди чуть дышащего движения по сторонам становится виднее, на ровности и пустынности то ли сам себя возвышает, то ли приподымает его кто — понять невозможно. Вроде бы не зеркальна даль, а ясен человек в самом сокровенном, ничто не ускользнет из прошлого и настоящего, собранное в одной горсти, как в одном вздохе. Длинная тень бежит впереди...

Вышли они в поле. Обнял он Рушан, подхватил и подбросил. Свету было так много, что казалось, все небо с глазами. Земля шепотом побежала, и даль вздохнула. Отбилась Рушан.

— Ты что это выдумал?
— Я-то? Неужто больно сделал, не может быть. Маленько крыльями помахала.
— Взят и прикинулся дурачком. И как с гуся вода.
— Задумался я.
— О чем же?
— Полюбить тебя или другим оставить?
— Фу, как грубо! Ужас какой-то. Откуда мысли у тебя такие?
— Весело. Широко. Воля! Прищемил крылышки, ты и взвилась. Соловьяха! А курицу с бубенчиком видела? — усмехнулся Егор.
— Зачем? Бубенчик... — распахнула глаза. — На что он?
— Чтоб не потерялась. Была у нас курица, на всю деревню одна. Яички где попало несла. По-соловьиному петь умела.
— Курица?
— Она.
— Забирала ты. Плетешь, чего на язык идет. И про курицу и про бубенчик.
— Погоди, не распляйся. Пошутить нельзя.
— Пошляки только могут сравнивать женщину с курицей.
— Все-то знаешь: кого куда. Грамотная.
— Сразу и обижать, — сказала Рушан.
— Да нет, — отмахнулся Егор. И помягчел, вздохнул: — Больно ты сознательная, а воли не чуешь.
— С тобой страшно, — сказала Рушан.
— Ошалел немного, прости. Чужой я для тебя. Не напарница ты мне. Сколько бубенчиков ни привязывай, а курица по огородам шастает.
— Я могу обидеться. Всею есть предел. Выманил, а для чего?
— Не обижайся.
— Еще стихи пишешь. Ска-за-ли...
— А кто их не пишет?!
— Конечно. И не зазнавайся. Я без них обойдусь.
— Ну, и ладно. Голова не болит.
Достал он складной нож, высвободил лезвие. Глаза заблестели.

— Ой! — крикнула Рушан.

Егор полоснул перед собой, а другую руку подставил, как под струю.

— На! Ешь!

Чуткая раскрытая ладонь придвинулась к лицу Рушан. А нож, щелкнув лезвием о колено, нырнул в карман.

— С ума сошел!

— Да я ж кусок воли тебе отрезал. Эх ты, деревенщина!

— Я городская с рождения.

— А я деревенский, — сказал Егор. — Деревенщина как раз в городе живет, жевать любит, в куриный пух зарываться, а то и в лебяжий. Или гагачий. Во-от и деревенщина! Ты хоть слышать-то умеешь, а то мы с тобой, как иностранцы...

— Дурак!

Он засмеялся. Красивый, неожиданный, развернул плечи.

Приподнял ее. Поцеловал в несопротивляющиеся губы, как укусил немного. И мягко опустил на землю.

Она не сразу избавилась от испуга. И зачистила:

— Кто тебе дал право, кто... Распоясался. Грубый! Грубый!

— А самой понравилось. Пожаром схватилась. Я же ворожить умею, меня бабка обучила. И в темноте вижу. По пятам за мной пойдешь, не устанешь. По траве поскачешь царевной-лягушкой. Да только пожалую я тебя. А что поцеловал да обнял, так ведь все одно, как деревце живое. ольху, может, или калинку-малинку. Вот как! От полноты земной.

— Говоришь, как дикарь.

— Жизнь люблю. Нюхать ее, душой прослышивать. Тебе по-писаному надо. Дурь в тебе словами обросла, весь и сказ. Чужими мыслями не напитаешься. Ты бери, как цветок берет, — где с холмика сухого, где с низины. На болоте-то какие красивые цветки плавают. По-книжному мне не надо.

— А ты меня не учи! Нашелся тоже!

— Ну, неотесан я малость, а ты прощай. Женщина вся из прощения должна состоять.

Егор вдруг заговорил возвышенно, задышал глубоко всей грудью. Рушан притихла. Прохладный ветер ударял в спину.

— Женщина грудью поит, милосердием откармливает. Из нее нельзя веревки вить. В гнезде ее дыхание. Ее нежность убережет от сглаза — первое дело, а от порчи уж тем более. Очень я жалею женщину.

Он стоял, повернувшись лицом к безоглядности стелющегося, не узанного в дальнем далеке поля, и грудь его наполнилась воздухом: даже видно было, как вбирает она в себя сытную благодать раздолья, эта неизбывная, спрятанная где-то в глуби душа, как гармонь вбирает удаль. В ношенных-переносных сапогах, крепколобий, он точно загорелся внутренней невысказанностью.

— Пугливая...

Взял он ее за плечи, приблизил к себе.

— Не надо, — сказала она.

— Да я же на тебя, как на травинку, дышу. Или не чувствуешь? Никуда не денусь теперь.

— У меня уже голова кругом, — сказала Рушан.

— Ты меня почувствовать должна. Слухом пробуй...

От дома закричал кто-то.

— Эй, не простуди барышню!

— Захлопни амбар! — не задержался Егор. — Из заводских, — повернулся к ней, — любопытный, как суслик. Хочешь, огонь в поле покажу?

— Какой огонь?

— А увидишь, не обману. Дойдем до костра.
 — Кто там?—расплылись ее зрачки.
 — Нам не все равно, что ли. Зато красиво. Глаза зальешь светом. Не трусь,—громко сказал он.—Курицей с бубенчиком неужто жить собираешься? А надо бы—Сольвейг!
 — Какие-то непонятные имена произносишь.
 — Ибсен,—серьезно сказал Егор.— Не читала. Я старше тебя, в этом загвоздка. Да и дистиллированная ты водица. А я хочу волю в тебя вдохнуть. Плохо разве?
 — Тебя зовут «морячок», почему?
 — Плавал я, не понравилось. Однако служба, долг. Мне по земле ходить надо. Отслужил, что же. Пока ты тувельки примеряла. Вот мы и распогодились: у меня—север, у тебя—юг...
 — А, пристал...
 — Пристают пароходы или баржи. Для меня пристани не придумано. Скорая ты—«пристал»! Не по той мерке берешь...
 — А сам-то, чуть что—сравнения; курица с бубенчиком, и такая и сякая... Зачем тогда на руках носишь, хоть я сопротивляюсь?
 — А ты и должна сопротивляться. Природа!
 — Понимал бы...
 — Как темнота соберется, пойдем.
 — Пропаду я с тобой.
 — Забудь и думать.

3

Ночью поле вздыхает или стонет едва слышно, хотя и тяжесть на нем не лежит, а пробегает лишь ветер, да мелюзга животная помаленьку передвигается. Какую печаль несет оно под нависшими звездами? Может, земля томится, когда небеса ее разглядывают, прорастая из мглы крошечной зеницами,—разглядывают, как большое гнездо, где притихла жизнь. И вот вздыхает поле, постанывает где-то там, вдали, собирается темный воздух и восходит столбами вверх, пробегает дрожью травы, вскрывается скорыми потоками. Живое оно, поле, все равно что грудь человека, а в ней, в груди, все рядом; и скорбь, и радость, и мука тайная. Во всем есть душа живая, вовек невысказанная, и болит она и врачует себя, а лица ее не видеть, рукой не осязать, мыслью не достать.

Боязливо Рушан приняла темноту на лицо, а понемногу и обвыкла, различать стала окружение—никакой предмет не угрожал тенью черной, все было пустынно, непроглядно, однако обозначилось движение—робкий пробег шороха, задевающий слух, и мелькание звездного света, будто обретшего малую звучность. Рушан уже не тянулась постоянной думой к городскому дому, не тяготилась запахом сгорающего керосина в лампах, хрустом соломы в изголовье, случайное жильё больше не пугало ее, а скорее, наоборот, обещало надежное укрытие: вот оно, за спиной остается, совсем рядом, и там идут бесконечные беседы вполголоса про то да се, что раньше вовсе не имело значения, и жизнь обрывает подробностями, как древесная кора морщинами; здесь пьют крутой кипяток вприкуску с сахаром, колотым на неровные куски, приснишь—не поверила бы, их надо разгрызать зубами, голубоватые куски, ставшие теперь необходимостью; и хлеб едят, кидая крошки в рот, как забавляясь,—все это вместе, до трещин и перекосов на потолке, преобразовалось, слилось в крепкую, слаженную жизнь, сбитую тут же, при ней,—образ жизни, где никто не возвышается и не отстраняется. «Ну что же,—сказала она про себя,—там я была другая, а здесь собиралась потерпеть, когда надо, а оказывается, надо просто жить и ничем не брезговать. Там, в городе, выходит, я лакомилась...»

В ночь она входила тоже впервые, как в черную воду. И ведь послушалась, подчинилась настойчивости человека чужого, он для нее загадочный, яростный, пахнущий звериной шкурой, горелым табаком и в то же время свежестью антоновских яблок. «Странно и чудесно!»—подумала она.

— Егор!—приостановилась.—А если ты бросишь меня в темноте, в какую сторону я пойду?

— Нельзя мне тебя бросать,—просто ответил он.—Дороги здесь нет.
 — Как же ты путь находишь? Огня не видно, а идешь.
 — Слышу,—сказал он.—Доверься, и все. Не мне. Идешь и иди. Земля сама понесет. По волошке ходить—не маяться. Гляди, сколь звезд-то насыпалось к твоей голове, украшают тебя. Ты, поди, столько и не видела. Столько видеть только в поле можно.
 — Не видела столько,—призналась она.

И получалось так, словно бы он, Егор, распахнул перед ней эту мерцающую мглу, выдохнул из себя по желанию.

— Вот как!—сказала она.
 — Про что ты?
 — А то спали бы,—сказала она. И поймала себя тут же, что давно уже будто подпевает ему—он ведет песню, а она подлаживается к протянутому звуку, и голос ее не выдается вперед, не забегает покрасоваться, но принимает, как подарок, тепло зародившейся песни, вбирает и ясность и глубину и журчит в соседстве нехлопотливо, дабы не нарушить лада.
 — Вот и огонь,—сказал он.—Давай-ка присядем и поглядим издали.

Из темноты вырос он, огонь, как радостный сполох, приподнялся, просиял и закачался. Он, видно, прятался в ложбине, потому что открылся вдруг, так свечу прикрывают ладонями от сквозняка, открылся и больше не проладал, приманивая.

— Может, ближе подойдем?—сказала она отчего-то шепотом.
 — Тогда считай двести шагов, и постелю я тебе телогрейку.
 Ее пугнуло это коротенькое «постелю», но она постаралась потеснить смутное представление о незнакомом предчувствии, которому все равно когда-то сбыться. Ей удалось пригасить врожденную настороженность перед тайностью, отвлечь себя. Она шла на огонь и шевелила губами, считая.

Егор бросил на траву телогрейку. Остался в фуфайке. Пламя не добегало до них теплом, но глаза согрело.

— Ты в фуфайке,—сказала она. И засмеялась.
 Рушан произнесла, пробормотала это мимолетное слово точно так же, как произнес его перед ночной дорогой он, Егор: «Ты плотно оденься, а то сырость падет. Я, вишь, в фуфайке да телогрейке, пройми-ка росой...»

И глядели они на огонь, припадающий к земле жаркой кудлатой головой. Ночь одела видение перепархивающим дымом, взметенными искрами, оттого оно и воспринималось не просто пламенем, а живой, неслабеющей силой.

— Без огня все померло бы,—сказал Егор.—Глядеть на него, не наглядеться. До чего волшебство. На земле неземное.

При нем плавал жалкий светляк сигареты, коротко освещал лицо, укрупненное ночью, нереальное лицо, всплывающее точно ниоткуда.

И пробились слова:

*Я не ведал в жизни страха
и не шел на поводу.*

*Зло—не сват, вражда—не сваха,
чуял сердцем я беду.
Вот и дол вокруг распахнут.
Вся в крови моя рубаха.
Я по полюшку иду,
под уздцы беду веду...*

Голос его взволнованно, сбиваясь на хрипоту, падал в ночь, и та подхватывала распев, не отпуская к высоте,—так поле прижимает птицу к траве, притягивает крылья книзу, когда густеет сумерки.

— Ты поэтом хочешь стать?—спросила Рушан.
 — Я и есть он. Запишу и отнесу, чтобы книжкой... У меня сложностей не будет. Я знаю, для чего это мне.

— Больно ты скорый,—сказала Рушан задумчиво.—Тебе сразу подавай.
 — Чего сразу?
 — Да все. Меня вот обидеть не боишься.

— Не стремлюсь я к обиде,—тихо ответил он.—Для того сюда увел, чтобы ты живое не с чужой руки брала, а сама. Увидел тебя, с чего и жалость подошла. Ступала ты, может, как по кочечкам, а все гладко было кругом. Растерялась перед пустотой, а ее-то и не было. Полнехонький ковш поднесли тебе: «Пей, девка!» А ты поморщилась. Вот и жалость. Надо же ко всему щекой приласкаться, сердцем вытерпеть. Ну, чего страшного? Видишь—ночь, дальше—огонь, и ты не хворостина. Мне даже, знаешь, как интересно чужая себя.

— Ты со мной, как с маленькой...
 — Скажу, скажу... Привяжу-ка я тебе бубенчик, чтобы не потерялась.
 — С ума сошел,—сказала Рушан.

— Пощупай, какой он. А как звенит! Я его из дому унес, нет-нет да послушаю. А теперь тебе дарю. Где он только не был, и в океане даже купался. Бери, бери, спрячь куда, но не вздумай выбросить. Безделица, а со смыслом.

— Спасибо,—сказала она, не поняв, радоваться ли, загоревать ли от подступившей бесприютности. Будто на самом деле уготовлено ей потеряться, а бубенчик призывает заплакав, на помощь. Его звук в ладони поместится.

— Ты только в городе и жила?—спросил Егор.
 — Куда денешься.
 — Ну, родня, может, есть в деревне?
 — Нету.

— Бедная. Так и есть красотой не накормленная. Эх ты, запоздалая!—сказал он грустно, придвинувшись теплом.

Приобнял ее и поцеловал в щеку, как полусонное дитя.
 — Устала совсем,—сказала она.—Ты измучил.
 — А мы с тобой,—сказал Егор,—только прогулялись. Подойдем чуток ближе к огню и назад. Совсем близко не станем подходить. На что тревожить...

— Как ты узнал про этот огонь?
 — В поле пусто не бывает. Ночь одинокий огонь любит. Во всяком поле язык пламени есть, непременно.

Приблизился к костру тихим шагом. И приостановились поодаль. Сидели у огня двое—мужчина и женщина,—сидели сомкнувшись, подремывая, без слов. Позади чернел трактор да желтели завезенные дрова укрытой поленицей.

— Вот тебе и счастье,—сказал Егор.—Одиночество в мировом пространстве. Погрелась глазами, и хватит. Не будем нарушать.

— Я у тебя как в плену.
 — То-то я думал, на кого ты похожа. На полоняночку. Рушан—полоняночка.
 — Ой, светает!—слабо удивилась она.

Свет разливался, едва просачиваясь сквозь мглу, точно сам себе мерещился,—разливался по всей равнине, как бы робея и смущаясь. И становилось зябко.

— Ты меня веди прямо на кухню,—сказала она.—И чаю там попьем.
 Постояли они недолго в жидком свете пробуждающегося дня и пошли к светлеющей кромке неба, казалось бы, наугад пошли, прислонясь друг к другу.

Польночь пахло поле под капельками росы. Звезды словно сдвинулись, всплунутье настигающей зарей.

А дошли Рушан с Егором только до риги, не стало больше желания куда-либо спешить. Истомились.

Рушан прилегла на гору зерна, закинулась головой.
 — Погоди,—сказал Егор. Разрыл пшеницу до нутряной теплыни.—Ложись сюда. И спи спокойно.

И Рушан заснула с улыбкой, слыша текучее движение вокруг—то Егор присыпал, обкладывал ее со всех сторон шуршащим зерном. А потом и сам примостился рядышком.

Так и проспали они до выскользнувшего солнца.

4

Катились дни, пьяные от обилия воздуха. Она к тому времени отбилась от кашеварки. Качало ее от вечного недосыпания—где приткнется, там и задремлет,—осунулась. Беженка будто или из стаи погорельцев, так он определил ее ущербность. В глазах плыл туман.

Егору же все было нипочем, он даже радовался ранней пробудке, общей суете—и тотчас видел ее, задержавшуюся в сладостном сне. Она чаще стала запаздывать, медлить, спускалась с полатей, излишне вздыхая и поеживаясь. Жалко было глядеть на ее безучастность.

И вот погладил Егор ее руку и сказал:
 — Пойдешь на ток, там весело. И поспишь в удовольствие. Я договорюсь, ты не мешивайся, моя это забота. Не могу глядеть, как ты мучаешься.

И уладил с бригадиром. Тот был мужичонка скособоченный, однако бойкий.
 — Она те зазноба, что ли?—занозился бригадир.
 — Разницы нету.
 — Ну, полюбимка?
 — Я тебя с другого боку подровняю, перестанешь скакать,—сказал Егор.

— Печку ты складывал?
 — Я.
 — И почему себя туда не заложил? Вот и пыжил бы там для общего согрева. А то тут тратишься.

И захохотал и захохал, привскакивая, как подраненная птица. Успокоился насилу, такой был неугомонный да ерепенистый.

— Кого кашеваркой пошлем вспомогательно? Замена требуется.
 — Сам и выбери, у тебя глаз вон какой крученный.

— Ладненько. Подругу, значит, с завтрава на ток посылай. Пусть зернышкѡм обсыплется, золотая станет. Татарочку свою ненаглядную.

На том и договорились.

И стала она пахнуть хлебным духом, провевало воздухом одежду, посвежела Рушан.

И выбегала к Егору вечером совсем как жена, не дожидаясь зова. Угадывала — у крыльца ждет, усталость стряхивает. Ее Егорша.

А тут и крупа посыпалась белая, подморозилась земля, схватило ее знобкими утренниками. Умывались ледяной водой.

Поле посерело, стало как не в себе — то его туманом окинует, то инеем колючим покроет, а то тверже камня земля.

Оставалось добрать кукурузу на силос да свеклу.

Рушан запылала к вечеру. Сгрудились вокруг девушки, зашептались. Подошел Егор, увидел огромные горячие глаза.

Утром лошадь заржала у дома, жеребенок стучит копытцами по мерзости, телега пришла за больной.

Собирали Рушан в дорогу обстоятельно — одели, обули, но главное, что не забыл Егор тулупчик, пахучий и сдобный, для холода. Как ушла Рушан в овечью шкуру, глаза блеснули: северянка северяночкой.

— Как домой начнем возвращаться, заберем из больницы, — говорили.

Но лошадь прытко пошла не в райцентр, где больница, а к пристани. Конох было возразил, но бесполезно потратил слова, потому что вожжи держал Егор и правил, куда хотел. А он вон какой — желвак на желваке, не вставай поперек.

Отмахали верст двадцать по свежести. Рушан не спрашивала ни о чем: Егор знает, у него своя смекалка.

Прибыли на пристань, съехали под гору. Запахло рыбой, речной травой.

Егор сбегал в магазинчик, посыпанный со всех сторон семечной шелухой, купил три чекушки.

Конох Петр отколупнул легкую пробку гнутым ногтем и забулькал. Половины как не было. Закусил корочкой.

— Теперь и по воде можно ехать, — показал радость, пряча бутылочку под бок.

Рушан смеялась на него. А Егор уже вернулся с билетами.

— Будет пароход «Калинин», поплывем. Ты, Петр Необходимыч, обожди малость, пока тулуп освободится. Опустошай посуду, вот огурчики принес и стакан, поперхнешься из горлышка хлебать.

И они выпили мало-помалу каждый из своей чекушки. А третью четвертинку Егор надежно спрята под флотский ремень.

Конох Петр запел понемногу, затянул какую-то дребедень, глядя далеко в излучку. А как допел, и пароход показался.

И вошли они в двухместную каюту второго класса со шторкой на окне. Плеск воды долетал сюда отчетливо, мелодично ударяла волна.

И поплыли и залюбовались лицами по Каме.

Пароход шел полупустым по причине осенних холодов. Страда отошла, остыла потом, но время гостеваний не наступило. Отдыхающих же просто так, по легкости, не притолпилось к окончанию осени. Опять же кому студиться захочется на постоянном ветру. Да и берега потеряли наряд трепещущий. Осиротели бугры с голыми рожицами, захолодали низины.

Но в каюте было — после нар и соломы — прекрасно.

Застелили постели и сели напротив, как в давний день на полевом стане за грубо сколоченным столом. Но здесь была музыка падающей воды.

— Я тебя лечить буду, — сказал Егор. — Со спины разотру водкой и ступни. Потом так глотнешь. И как рукой. Еду сюда принесу. Утром приплывем.

Он отвернулся, пока она раздевалась и забиралась под одеяло.

— Не стыдись только, — сказал он. — Вроде как доктор я, а ты страдающая. Притворись, что заснула, скоро я управлюсь.

И стал мочить руки водкой. Она лежала тихая, горяченькая. Один раз лишь вздохнула в полную силу. Он оглаживал ее худенькую спину, мял, стараясь не повредить нежной кожи. Спина вспыхнула мигом, пошла розовым, красным полымем. И тогда Егор этот хороший, неожиданный огонь закинул одеялом.

— Перевернись и выпей, хоть маленько. Огурцом закусишь.

Рушан запахла одеялом, быстро высвободила руку и глотнула из стакана. Пожевала огурец. Слезы потекли из глаз.

— Ой, пьянюша! — сказал он. — С перепугу и не разобрала. Тогда и я поблагодарствую за твоё здоровье.

А пароход несло, как на пуховой перине, вздымало, опускало.

Ресторан работал, и там пело радио. Егор упросил полкастриоли борща и бефстроганов с собой. С непривычной охотой послушал радио. «Одичали в поле-то», — подумал.

Они устроили себе незатейливый праздник, тихое уединение, благодать после трудов праведных. Близкие перемены обещала жизнь.

И решили поспать.

— Как во сне все было, — сказала Рушан. — Поле, поле, поле.

— Лучше наяву, — сказал Егор. — А снится пусть другое.

Он медленно отпуская себя ко сну — шел и шел по свежей пахоте, и набегала на него голубая сила ветра, охлаждала распахнутую грудь, а потом вдруг пахота сменилась волнами и превратилась в море, а он все шел как ни в чем не бывало по воде, как посуху.

Егор не слышал, как проснулась Рушан, удивившись сухости и безмятежности во всем теле. Не слышал, как она сидела и глядела на него, долго-долго, тихо-тихо, как будто навсегда прощалась. Егор не слышал ничего, слишком трудно он бежал через ночь, тратился вчистую, чтобы вот так заснуть по-младенчески беспорядно, без единого звука, без вдоха и всхлипа, потому что не было в этом мире силы, способной оторвать его от хрупкой соломинки любви, кроме сна. Сон погрузил его в нереальность и убаюкал.

Егор очнулся только к вечеру. Рушан сидела одетая. Улыбнулась ему виновато. Сидела строгая, с белым лицом. Глаза глядели ясно, но словно издали. На груди повис бубенчик.

5

Егор устроился в общежитии. От угла до угла пролистал город. Он был любопытен до азарта, как истинный очарованный странник. Он любил свое отечество с раздумьем и болью в сердце. Оттого любовался жизнью. Он готов был жить вечно, чтобы не затихала эта любовь под ветрами и снеговьями, чтобы не забило ее траурной музыкой забвения. Хотел объяснить свою любовь людям и трудился, складывая звучные стихи, как непринимчивый печник складывает для тепла просторную печь.

Рушан не показывалась, и понемногу Егор затомился.

В городе он был чужой незнакомец. «Наверно, я ей больше не нужен, — подумал он. — Тут свои затеи. Приблил ее ко мне, а срок и вышел. Хозяйка она здесь, а я чужак. Нашла бы, знает, в общаге я. Показалась бы только...»

Начались занятия. И свиделись. Плечики заострились, губы заморщились.

— Тебе не надо меня? — прямо спросил Егор.

Она уклонилась от вопроса, рукой повела в воздухе, потом к щеке прижала — зуб ли болит, дует ли откуда... В коридоре не настоишься.

— Как ты жил?

— Думал, искал. А ты куда же забилась? Поиняла вон, выдохлась, видать.

— Ты за мной не ходи, Егорша, — сказала просительно.

— Перешли поле, — сказал он.

— Исхлестали меня. Подружка письмо послала.

— Ну?

— Дома война. Да и отвыкла от тебя я. Здесь не поле.

— Отвязываться, значит?

— Съедят. Мала еще, говорят.

— Милая ты моя, — выдохнул Егор.

— Глаза теперь всюду будут.

— Сама-то ты?

— Как во сне все было, Егорша, — вздохнула Рушан.

Он бы ее, конечно, не выпустил, если бы почувствовал, как она подается навстречу, не блекнет. Встряхнул бы, чтоб звон пошел из души. Но только горечь скопилась вместо приговоренных слов.

— Вот ты какой молодец!

Откуда и появился человек при шляпе в помещении. Тронул Егора за рукав, твердо ухватил, попробовал развернуть на себя.

— Сударушкин, кажется? А я думаю, что за морячок!

— Дуй ты, дядя, знаешь куда! — сказал, щерясь, Егор.

И приметил, как скользнула Рушан тенью за колонну и там схоронилась. Понял — отец ее, выпытывал, стало быть, а может, и ремень выгягивал для убедительности.

Такой хряк — манжеты выпустил, одеколоном набрызгался.

— Я бы хотел с тобой поговорить, моряк.

— Не желаю, — сказал Егор.

— С университетом хочешь расстаться? Мы устроим.

— Не твоя сила, — сказал Егор. — А ну сойди в сторону!

Повел плечом и сошел по ступенькам вниз охладить зашумевшую голову. Сел на лавку в саду напротив мрачного Лобачевского в бронзе. Затушила душа. Скажи Рушан хоть слово, да что слово, вздох один оброни из глубины, и он бы камень раскрошил в руке. «Здесь не поле...» Вишь как. Сдалась, а бубенчик в ладошке зажала, чтобы не гремел... Люто сделалось. Налиться? У себя можно было бы выйти за деревню и наораться вдосталь, гармонь переломить, потешиться, чтобы треск по кустам рассыпался.

— Так не пойдет! — сказал резко и стукнул кулаком о колесо...

Потекли, потащились зимние дни.

Егор учился добросовестно, как гречку перебирал. Горбатая, сугробная зима обособилась в судьбе мерзлотой, а распогодилось лишь к маю. Полегчало. Понесло теплым ветерком и сдышало с места.

Рушан уклонялась веткой, стала гибкой, округлила коленками.

Здоровались — и дальше, мимолетные соседи только и всего. Ох, народу-то сколько на земле, голова закружится от любования.

Померла мать Егора. Поехал проститься, поцеловал восковой лоб. С отцом не заладилась беседа, покоробился отец.

— Ничего житуха? — спросил отец, темный от горя.

— Плохо, — сказал Егор.

— Брось ты эту волынку! Одному-то мне как же?

— Я тоже один.

— У тебя появится, молодой.

— Была, — сказал Егор. — Не пришелся.

— Этого добра бог навалил с верхом — и для беды и для праздника. Лихоманок больше. Гляди, обнищаешь, концов не соберешь. С учебной-то крепко?

— Крепко.

— Как знаешь. Бабу приведу к хозяйству, не осуждай.

Наутро провожались...

Через год на осень Рушан заневестилась, блеснула колечком.

Егор перевелся на заочное и пропал.

Бубенчик смолк. Где там расслышать его лепет в суматохе дел. Егор набирал силу. Село знал как мать родную. А к университету наведывался от сессии до сессии. Мельком справлялся: жива... дочь родила...

6

Но однажды, когда протолпились дни, сложившись в годы, — однажды посыпалось дождем в поле. И пробился какой-то неясный голос, зазывающий, бедный, — то ли там песня была мучительная, бесслезная и бессловесная, что и звук-то как будто примерещился, не проявившись до конца. А только — звон был. По всему пространству как дохнуло.

Егор лежал у огня, видел зернистое небо, черное, затаенное, — откуда и дождю быть? — обдумывал житье-бытье, скорее нескладницу. Мотает почем зря по земле, однако нужда: пи-са-тель. Эх-хе-хе, выломило из дуба ясень! Где и жить — все равно вроде...

И тут проросло, заплескалось издали, защемило: песня ли такая странная, бубенчик ли...

На другой день поехал в город. Как ветер, пронесся по друзьям. Молва уху настоже держит и ведет куда надо.

— Егорша! — ахнула Рушан, суверенно пятясь от раскрытой двери.

Девочка светленькая за подол ухватилась.

— Одна?

— Сам видишь... Садись, садись... Раздевайся.

— Не потерялась. Потускнела маленько. Зашибло?

— Ты и не изменился, — застеснялась Рушан.

Он походил взад-вперед по кухне, в комнату не пошел.

Дитя стояло перед ним — во все глазенки. «Такая же ненакормленная», — сказал про себя.

Мать позади блуждала улыбкой, искала, обо что опереться. Чистое лицо не уходило в тень от прямого взгляда.

Дитя делось куда-то и моментально возвратилось. И протянуло навстречу пришельцу покореженный бубенчик.

А Рушан вдруг заплакала...

Петр НОВИКОВ.

Фото автора

М агниткой качественного металла» называл Серго Орджоникидзе подмосковный завод «Электросталь». Ныне его продукция «работает» и в небе, и в космосе, на земле и под водой, в научных лабораториях и наших квартирах.

Нет такого способа варки металла, которым не владели бы специалисты и рабочие «Электростали».

«Пенка» Валерия Алымова, кавалера знака ЦК ВЛКСМ «Трудовая доблесть», в сравнении с мартенами и домнами невелика, издали похожа на летающую тарелку пришельцев, поставленную на ребро и опутанную лесами. На самый нижний «этаж» кран подает сырье для очередной плавки, на втором — смотровые окна и пульт управления выпуском металла, на третьем, возле шкафов с приборами и окнами самописцев, — «капитанский мостик», рабочее место Алымова. Металл в вакуумной печи получается чистым, как слеза, но «красоту горячего металла», как поется в песне, мы, — любит пошутить Валерий, — и не видим, все происходит без нас».

— С Алымовым легко работать, — рассказывал один подручный сталевара. — Спокоен. Сосредоточенно весел. Несуетлив. В нужный момент всегда на своем месте...

— Главное в работе современного сталевара — это мысль, — растолковывал мне Алымов.

Рабочий человек, коренной электросталец, он строил свою жизнь просто и прямо. С отличием окончил 33-е городское профтехучилище и, спрятав в шкаф именные часы, которые получил одновременно с красным дипломом, пошел в шестой сталеплавильный цех подручным сталевара. За тринадцать лет (с перерывом на армию) вырос в мастера — не по должности, а по классу работы.

И все же категорическое утверждение Валерия о творческом характере его работы вызвало у меня определенный внутренний протест. Ведь плавка — процесс непрерывный. Работа в цехе идет в три смены. Сталевары бдительно следят за процессом внутри печей, ибо каждой операции, будь то измерение температуры расплава или введение очередного компонента, отведено свое строгое время. И, придя на смену, сталевар не начинает все сначала, а с ходу включается в непрерывный привычный конвейер. А на конвейере какая же может быть творческая самостоятельность?

Сомнений своих я не скрывал. Валерий в ответ добродушно усмехнулся:

— К концу смены больше всего устает голова и кончики пальцев. Ведь хотя компоненты будущего сплава и одинаковы, но ложатся они в печь каждый раз по-разному, и соответственно никогда нельзя предсказать, каким путем пойдет плавка на этот раз. Поэтому держишь в голове вариантов не меньше, чем шахматный гроссмейстер...

Брат Валерия, подручный сталевара из этого же цеха, говорил так:

— Доведенная до автоматизма техника плавки позволяет уделять ей минимум рабочего времени. Остальное — для творчества.

Когда-то оба брата работали вместе, на одной печи, сталевар и его подручный. «Экипаж машины боевой» разрушило чье-то мнение, что, мол, нечего разводить «семейственность»...

На пульте управления вакуумной печью я насчитал не менее трех десятков кнопок. Нутро печи, скрытое от невооруженного глаза, чутко реагирует на каждую из них. Так что причины, по которым после работы болят пальцы у сталевара и пианиста, становятся в принципе одинаковыми. Конечно, вряд ли когда-нибудь спецовка сталевара превратится во фрак. Но грань между

ПРОФЕССИЯ НАСТОЯЩИХ МУЖЧИН

**НОВАЯ
РУБРИКА**

Кем быть?

трудом умственным и физическим стирается все больше...

Узнав Алымова поближе, я подумал о том, что стирается и еще одна грань: между «человеком на работе» и «человеком вне работы». Время требует натур цельных, характеров сильных, последовательных в убеждениях и поступках. Двухликие в нашей жизни дается все тяжелее. Все сложнее слиться на работе творцом, а за проходной с радостью превращаться в обывателя.

Четвертый год Валерий Алымов руководит цеховой комсомольской организацией. Сто двадцать самостоятельных молодых людей — сила. Но... и хлопоты! Алымов, честно говоря, о комсомольской выборной должности не думал. Разгадка бесконечных секретов профессии, четырехлетний сын Матавейка, работа на стройке заводских домов заполняли, казалось, всю его жизнь без остатка. Но вот заметили старшие товарищи, коммунисты, адумчивого сталевара и выдвинули.

Хозяйский глаз Валерия давно «слышался» о живописную свалку неподдающую от цеха, но спотыкался как-то все мимоходом: не дело, конечно, но один тут не воин. Да и разбрасываться Алымов никогда не любил. Вот поставил себе задачу стать классным сталеваром — стал. Не раз уже побеждал в заводском социалистическом соревновании. А когда стал секретарем — не освобожденным! — дошли руки и до пустыря и до многого другого. Где-то сам идею бросил, где-то вовремя послушал своих ребят.

На расчищенном пустыре возле цеха строится теперь — в свободное от работы время — зона отдыха. Цеховые спортсмены во главе с секретарем (в футбольной сборной — нападающий) выиграли и зимнюю и летнюю спартакиады завода.

Сталевар, конечно, главная фигура в цехе, но рядом трудятся рабочие десятков специальностей. От многих из них в той или иной степени зависит успех плавки. Поэтому Алымов обрадовался как собственной удаче предложению слесарей, занятых теплоэнергоснабжением цеха. Они придумали специальное табло, благодаря которому дежурный слесарь в любой момент может контролировать расход воды, газа, их давление и температуру в любом участке цеха.

Итог: полторы тысячи рублей экономии лишь за первые три месяца. Кроме того, стала ненужной беспрерывная беготня по цеху длиной в несколько сот метров.

Чтобы точнее оценивать вклад комсомольцев в общее дело, — говорит Алымов, — надо иметь в виду: примерно четыре пятых молодых рабочих закончили прошлый год с показателями, например, по количеству брака гораздо меньшими, чем средний цеховой.

Странным должно показаться утверждение, что молодые, полные сил люди уже готовят себе достойную смену. Но это именно так. Не исключено, что толчок для развития идей в этом направлении дал проект школьной реформы. (А может быть, и наоборот: именно здесь родилась какая-то часть ее.) Желание помочь старшеклассникам быстрее и прочнее «стать на ноги», почувствовать реальности трудовой жизни заставило Валерия Алымова и его ребят подставить плечи под тяжелую ношу — шефство над подростками.

Причем шефство это в понимании молодых рабочих отнюдь не заключается в вечерних беседах по душам и проверке дневников. Алымов стал комиссаром городского педагогического отряда в надежде, что дорога «класс — группа — бригада», за которую они ратуют, никогда не зарастет. Когда обсуждались формы взаимоотношений с подрастающим поколением, лучшие рабочие цеха предложили именно такую схему приобщения школьников к труду. И думается мне, что если не сразу на заводе, то уж в базовом ПТУ вскоре перестанут уделяться наплевую выпускникам из подшефной школы.

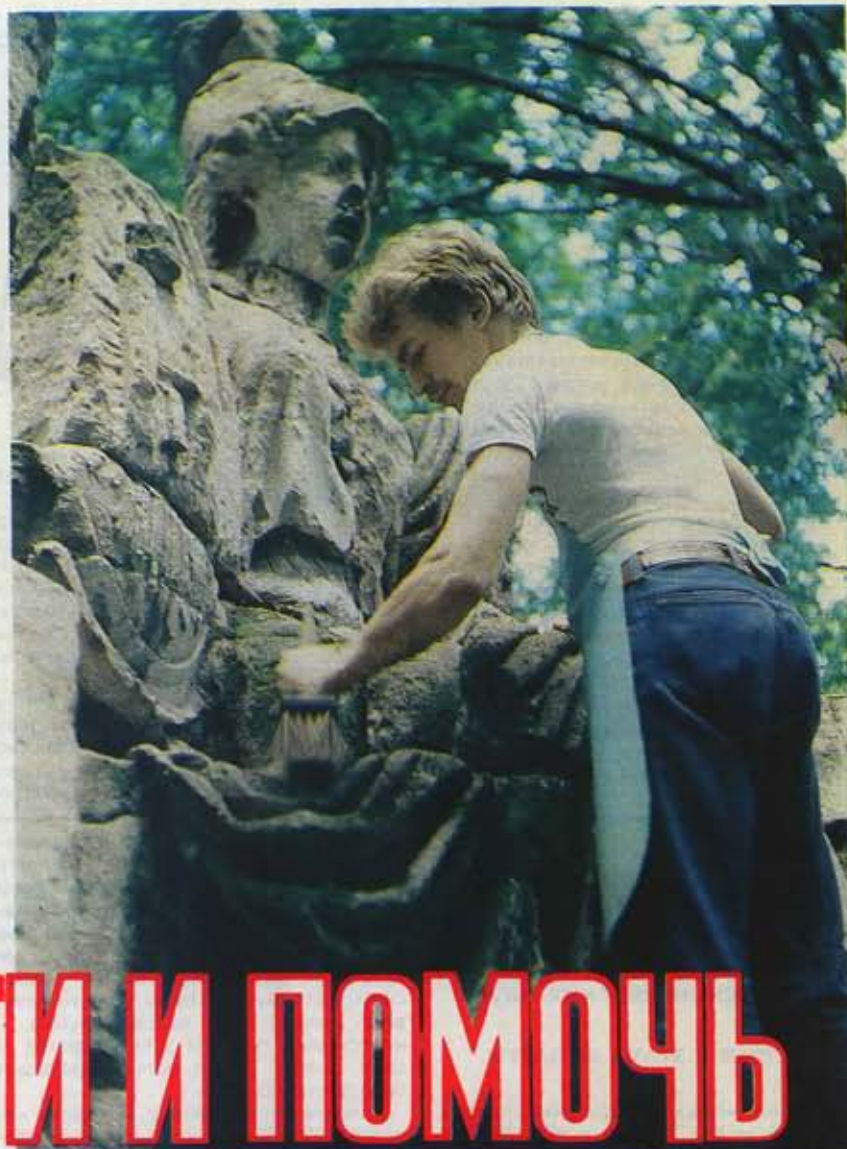
Петр БОРИСОВ.

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

В то воскресное утро у старинной ограды московского парка в Кузьминках, отлитой еще на уральских «государственных» заводах, собралось около ста человек. Людей самого разного возраста и профессий. Они пришли сюда по объявлению в молодежной газете. Московское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры приглашало тех, кто почтает историю не на словах, а на деле, выйти на воскресник. Помочь реставраторам. Первый опыт оказался удачным. Прошло не так уж много времени, а идея нашла уже более двух тысяч активных сторонников.

Чем же могут быть полезными неспециалисты в тончайшем искусстве восстановления памятников? Миллионы рублей выделяется государством ежегодно на реставрационные работы. Нет нужды рекламировать золотые руки тех, кто возвращает к жизни, сохраняет для потомков бесценные произведения искусства, архитектуры. Но — вот беда! — рук этих не хватает. По некоторым подсчетам, только на территории Москвы две с половиной тысячи исторических объектов нуждаются в помощи.

«Освободите наши руки от лопаты, — говорил один старый позолотчик, — дело от этого лишь выиграет». Действительно, не по-хозяйски использовать большого мастера — их,

ПРИЙТИ И ПОМОЧЬ

кстати, не так уж много — на выноске мусора. Но ведь всякая реставрация начинается именно с этого — с расчистки объекта, то есть с черновой работы.

Именно эту работу и берут на себя энтузиасты, настоящие ценители старины. Под руководством специалистов (самодельность тут, разумеется, недопустима) они, например, восстановили откосы прудов, «починили» газоны Царицынского дворцового комплекса XVIII века. Расчистили прилегающую территорию и вынесли мусор из самого здания на Крутицком подворье. В поисках фундамента уникальной старинной беседки сняли большой слой грунта в Куское. Можно привести и конкретные цифры, характеризующие бескорыстную помощь. Из подвалов только дома Уварова, расположенного в черте бывшего Белого города, участники воскресника вынули пятьдесят кубометров грунта, двести пятьдесят квадратных метров помещений подготовили для дальнейших работ.

Чем же привлекательны воскресни-

ки? Да, люди хотят помочь реставраторам. Но не ошибусь, если скажу, что у каждого из добровольных их помощников есть и свои, личные мотивы. Какие? «Увидел в газете фотографию девчонок с тяжеленными носилками, и стыдно стало: я-то, здоровый мужик, почему в стороне, — признался токарь одного из московских заводов Борис Швыдкий. — Да и расширить круг не деловых, а именно дружеских знакомств захотелось». Медсестра Татьяна Никанорова обрадовалась возможности «приобщить своих детей к бескорыстному труду». Совпали интересы курсанта военного училища Павла Боровкова и переводчика Георгия Ивановича Кузьменко: оба они хотят «получить моральное удовлетворение от выходного, проведенного на свежем воздухе, с лопатой в руках».

На помощь реставраторам приходят не только жители самой столицы, но и многих подмосковных городов. А в одном из воскресников в подмосковной деревне Болдино Солнечногорского района, на Рождественском погосте, где похоронен русский ученый, автор известной «Истории российской с самых древнейших времен» Василий Татищев, приняла участие даже группа молодых рабочих Ярославского шинного завода из клуба «Любителей истории Отечества».

Памятники старины есть практиче-

ЭТИ СНИМКИ СДЕЛАНЫ ЛЕТОМ. НО И В ЗИМНИЕ ДНИ ПРИХОДЯТ НА ВЫРУЧКУ РЕСТАВРАТОРАМ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ.

ски в каждом древнем городе. И в каждом из них найдутся энтузиасты, которые с душой возьмутся за дело. Примеры уже есть. Например, в Ереване действует туристская дружина по охране исторических памятников. Под руководством инженера одного из ереванских НИИ Арама Оганесяна группа его единомышленников не первый свой отпуск проводит на расчистке очередного шедевра прошлого, которыми богата земля Армении. В Таллине около десяти лет существует движение, аналогичное тому, что развертывается в Москве, — постоянно действующая операция «Кодулин» («Родной город»). Среди его участников много молодежи. Кстати, не одна супружеская пара обязана своим счастьем именно «Кодулину» — в общей работе знакомства заводятся непринужденно. И ныне нередки случаи, когда на воскресники в Старом Городе выходят сразу два поколения таллинцев, неравнодушных к истории. Так известная формула «Человек есть сумма своего прошлого» приобретает еще один оттенок, добрый и оптимистичный.

Хотя клуб не на замке

Суббота, вечер, на улице пасмурно, одному возиться со своими делами надоело... Что предпринять?

Только не подумайте, что нет у меня ни увлечений, ни друзей. Есть. Увлекаюсь радиотехникой (свободно могу телевизор собрать), резьбой по дереву. Но копаться с паяльником или с деревом в одиночестве что-то не тянет. Зато с удовольствием бы поговорил обо всем этом с другими любителями или показал людям свои работы—как они им покажутся? Что они посоветуют? Сам бы научил кого своим «фирменным» секретам. Только где таких людей искать?

Есть у меня и друзья, но нам за двадцать, большинство уже люди семейные, значит, и заботы соответствующие. Встречаться по своим домам теперь не всегда удобно, хлопотно. А вот было бы место, где мы могли бы встретиться, поговорить, обсудить наболевшее...

И вот подумал вдруг, что все это вполне могло бы быть в клубе. Но что клуб? Одно благо—через дорогу. Меня

ведь никто там не ждет. Ни друзья, ни клубные работники. Бывал я там... Кружок балльных танцев, кружок игры на гитаре... Другого выбора нет. А все, кому были интересны эти кружки, свое любопытство давно удовлетворили. Кроме кружков—лекции и кино. Лекции на темы давно известные, читают их скучновато, сухо.

Сейчас «звездь программы» клуба—дискотеки. Выглядит это так: стекла дрожат от грохота, темнота, духота, разговаривать бесполезно: все равно никто не услышит,

только голос сорвешь. Да там никто и не пытается говорить...

Недалеко от моего дома—общественные. И вот ребята из него куда чаще заглядывают в пивбар, чем в клуб, именно там они и встречаются, даже заранее не договариваясь. Конечно, пиво им кровь чересчур горячит, но, кстати, многие идут туда не только выпить, но и поговорить, пообщаться.

Почему же идут туда, а не в клуб? Я как-то читал, что клубы должны быть уютным домом для общения». Уверен, что побывать в таком доме затеялось бы многим, но где он?

Понимаете, что получается? В кино и театре—смотрим, на стадионе—бегаем сами или смотрим, как бегут другие, в дискотеке—танцуем, в кафе—едим... Может, как раз в клубе-то и можно было просто встретиться с людьми, с которыми тебе интересно, с кем тебя связывают общие увлечения? Или сейчас такое время, что к клубам совсем другие требования? Жаль, если так... Недаром же сказано, что единственная роскошь на свете—это роскошь человеческого общения.

Алексей ОНУЧИН,
радиомонтажник, Новосибирск

Лев КОГАН, заведующий кафедрой Уральского государственного университета, доктор философских наук

СТРАЖ У ХРАМА КУЛЬТУРЫ

Летний вечер. Воскресенье. Около входной двери Дворца культуры, над которой висит полинявший плакат «Добро пожаловать!», на скамейке томится от безделья группа подростков, учащихся соседнего ПТУ. Наконец, они подходят к двери.

— На какое мероприятие пожаловали?—не самым гостеприимным тоном спрашивает вахтерша, подозрительно оглядывая пришедших.

Ничего конкретного ребята сказать не могут.

— Не пушу! Нечего зря по фойе шляться!—выносит приговор грозный страж.—К нам на мероприятия ходят! Ребята удаляются в сторону сквера.

Куда они пошли, чем закончится для них этот вечер? Не знаю. Я умышленно не называю город, где произошла эта сцена, ибо она, увы, типична. Что может быть более абсурдным, чем вахтер, охраняющий Дворец культуры от посетителей?! Но это факт: к заводской молодежи, особенно к учащимся ПТУ, в клубах, как правило, относятся с подозрением: на мероприятия они не ходят, а от бесцельно шатающегося по коридору подростка, не знающего, куда приложить энергию, добра не жди...

А если сделать так, чтобы «сомнительный» подросток знал, зачем он пришел в Дом культуры?..

«БАЛДЕНИЕ», ИЛИ МОЖНО ЛИ УБИТЬ ВРЕМЯ?

Жителям больших городов свойственна тяга к общению. В транспорте, на улице, в магазине, в кино мы ежедневно видим сотни людей, а свободный вечер, бывает, и провести не с кем. Дефицит общения... Проблема социальной психологии номер один. Особенно остро переживает его молодежь.

Где же общаются сегодня молодые рабочие? Дома (хотя друг к другу в гости), во дворе (улица, подъезд, сквер, «где детские грибочки»), реже в кафе. И стоит ли удивляться, что во всех этих случаях, как Санчо Пансо Дон Кихота, их постоянно сопровождает бутылка?..

Часто мы спорим о том, как лучше

организовать свободное время молодежи, но не задумываемся, как научить самого молодого человека оптимально использовать часы досуга. Как ни старайся, «заорганизовать» все нерабочее время молодежи не удастся, да и не нужно это. Свободное время—время свободного выбора. Надо научить человека делать этот выбор разумно, с наибольшей пользой для общества и себя самого. Это и есть организация свободного времени.

Главное—пробудить у молодого человека потребность в непрерывном развитии, в постоянном обогащении своего духовного мира.

И откуда только взялось у нас слово «балдение»? Что оно означает? Одумывание разума, искусственное взвинчивание нервов. Балдение бессмысленно; человеку кажется, что он убивает время. Но убить время невозможно. Не время убивает он, а свою личность, разум, чувства!..

Закончилась смена в пятницу, впереди—два с лишним свободных дня. Чем бы их занять?.. И появляется «угроза» свободного времени: оно представляется пустым пространством, бесконечной пустыней, которую надо скорее пройти. Так возникает вражда со временем, стремление «убить» его. Отсюда и балдение...

Учреждения культуры должны не только дать человеку выбор интересных, полезных занятий, но и последовательно формировать в нем потребность в саморазвитии. Появление такой потребности—гарантия того, что человек будет стремиться к разумному использованию досуга.

«А что клуб?—горестно восклицает Алексей Онучин в своем письме.—Одно благо—через дорогу. Толку-то!..» Да, надо признать, стремление к саморазвитию клубы воспитывают у своих посетителей пока еще крайне редко. Почему? Давайте попробуем разобраться.

КАК ПОПАСТЬ В КЛУБНУЮ СТАТИСТИКУ

Крупская называла рабочий клуб «общественным домашним очагом». Выполняет ли он эту функцию сегодня? Вот результаты социологических исследований, проведенных в 1982—1983 годах сектором социологии культуры института экономики Уральского научного центра АН СССР. Исследование проводилось на трех крупных заводах: «Уралмаш», резинотехнических изделий (оба—в Свердловске) и Северском трубном заводе (г. Полевской Свердловской области).

Было опрошено 254 молодых рабочих в возрасте до тридцати лет. У этих предприятий есть прекрасные новые дворцы культуры, в каждом из которых вам охотно покажут стенды почетных грамот и призов, полученных на конкурсах самодеятельности, планы работы здесь насыщены, набор кружков—только выбирай. И все же...

ЧАСТОТА ПОСЕЩЕНИЯ ДВОРЦА КУЛЬТУРЫ Посещают из числа опрошенных (в процентах)

	Урал-маш	РТИ	СТЗ
почти каждую неделю	4,1	11,0	14,3
1—2 раза в месяц	18,4	24,0	35,7
несколько раз в год	41,8	41,0	44,6
практически не посещают	34,7	15,0	5,3

Чаще всего бывают в своем Дворце культуры молодые рабочие трубного завода: у них мал выбор—клуб или кинотеатр. Но и здесь половина молодых заводчан во дворец ходит редко или вообще не ходит. 63,3 процента молодых уралмашевцев посещают клуб реже, чем другие учреждения культуры, на трубном—46,4. Однако эти цифры еще не говорят о том, с какой целью человек идет в клуб. Более того, всегда ли посещение клуба способствует духовному развитию молодого человека. Увы, не всегда. Алексей Онучин пишет о дискотеке, в которой недавно побывал. Грохот, духота, топтание на месте вместо танцев... Действительно, что нового, интересного и полезного узнает человек во время такого отдыха?.. Да и отдохнет ли?

Клубными посетителями считаются те, кто посмотрел в нем кинофильм или концерт артистов филармонии, и участники специальных вечеров, диспутов, встреч, наконец, постоянные активисты клубной работы—члены кружков, коллективов и любительских объединений.

Оказывается, среди клубных посетителей резко преобладает сегодня первая группа. Среди молодых рабочих трубного завода не бывали за год на просмотре кинофильмов только 3,6 процента. Остальные побывали. Что же касается участников клубных кружков и объединений, то наиболее высокий процент их среди молодежи завода РТИ—6,9. Как видно, случайные, эпизодические посетители преобладают ныне в составе клубной аудитории. Обыч-

но мы не придаем значения тому, где посмотреть новый фильм—в кинотеатре или во Дворце культуры. А для статистики это, оказывается, очень важно: придя на сеанс в ДК, мы уже оказываемся «клубными посетителями»!

Если взять участников вечеров, организованных клубом, и актив клубных коллективов, то они составят не более трети от общего числа побывавшей в клубе молодежи. В чем же причина? Клубные работники видят ее в инертности определенной части молодежи, в упорном нежелании повышать свой культурный уровень, посещать учреждения культуры... Так ли это?

Анкетный опрос убедительно опровергает подобную точку зрения. По нашим данным, всего 1—2 процента молодых рабочих трех предприятий вообще не посещают учреждения культуры. На вопрос, в каком случае молодежь стала бы чаще посещать дворцы культуры, участники нашей анкеты выделили три главных условия—если клубные мероприятия будут: проводиться на более высоком уровне, создавать более благоприятные возможности для общения с друзьями и знакомыми, если улучшится информация о них.

Совпадение мнений молодых производственников трех различных предприятий, относящихся к разным отраслям народного хозяйства, заставляет задуматься. Очевидно, причина того, что клуб не стал еще постоянным местом встреч и общения молодежи, проведения ее свободного времени,—в самой организации клубной работы.

АЛЛО, МЫ ИЩЕМ ЭНТУЗИАСТОВ!

Судя по материалам нашего исследования, молодой человек привык ждать приглашения в клуб. «Просто так», если выдалась пара свободных часов, в ДК не пойдут. Да и что делать в пустых залах и фойе? Наивно полагать, что стоит только собрать группу молодых людей в клубе, сказать им: «Общай-

тесь»—и дело сделано. Общения «вообще» не бывает. Оно всегда имеет в основе какое-то совместное дело. Клуб может стать настоящим организатором свободного времени. Для этого нужно, чтобы каждый молодой рабочий знал: приходи туда в любой вечер—обязательно найдешь дело по душе. Тогда не потребуются тонны дефицитной бумаги на пригласительные билеты и афиши.

Давайте немного помечтаем.

Мы пришли во дворец. В одном из фойе—сеанс одновременной игры в шахматы, в зале—лекция крупного ученого, в одной из гостиных сегодня собираются любители музыки, рядом—обучение танцам, в другой гостиной—филателисты, в третьей—диспут о новой книге, в четвертой—дискотека на высоком уровне. В читальном зале—свежие газеты и журналы. А завтра—клуб рационализаторов, вечер любитель психологии, викторина «У карты мира», кафе любителей поэзии... И так каждый день. Даже тогда, когда в зале проводится клубный вечер, все равно работают две-три гостиной.

Утопия? Нет, придите во Дворец культуры металлургов Свердловска, и вы убедитесь, что здесь осуществлено многое из того, о чем мы мечтаем.

Позвольте! — скажете вы. А где же взять штаты для обеспечения работы таких гостиных, любительских объединений, кружков? Конечно, силами одних только штатных работников клубов сделать это невозможно.

В середине двадцатых годов в Свердловске работало более двадцати клубов с двадцатью пятью штатными работниками. Рабочий клуб — самостоятельная организация, и работать он будет хорошо только тогда, когда основную часть всей его деятельности возьмут на себя сами активисты.

Снова предвижу замечания скептиков. Многие директора ДК убеждали меня, что ни один руководитель кружка или клубный организатор не будет работать бесплатно. Так ли это?

Приезжайте в свердловский клуб молодежного жилищного комплекса «Комсомольский», здесь все руководители кружков работают без всякой платы. И как!..

Надо только суметь найти и привлечь таких энтузиастов. Основной частью клубной аудитории должны стать не случайные, пассивные посетители, а постоянный, деятельный актив, во главе его — выпускники факультетов общественных профессий вузов. Мы проверили эффективность использования знаний, полученных на таких факультетах, и оказалось, что из вчерашних выпускников деятельное участие в работе учреждений культуры принимают не более двух-трех процентов. Остальные отвечали: «Не звали нас в клуб». Конечно, стоит посоветовать на пассивность этих ребят. Но комитеты комсомола предприятий и сами сразу должны брать этих людей на заметку и стараться привлечь к работе клубов. Словом, каждый должен сделать шаг навстречу друг другу.

СТЕРТЫЙ ПЯТАК, ИЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

От частого употребления иные слова тускнеют, стираются, как монеты, теря-

делом дома. На вопрос, при каких условиях они занимались бы в кружке, на первом месте стоит: если бы в клубе были условия для постоянного общения с людьми, имеющими сходные интересы. Опять общение! Ни получение общественного признания, ни пополнения коллекций, ни совершенствование навыков в занятиях не привлекают в кружок так сильно, как возможность общения!

Между тем руководитель кружка заботится не столько об общении кружковцев, сколько о том, чтобы получить первенство на очередном конкурсе или смотре. В результате количество грамот и кубков на стендах дворца растет, а число членов кружков падает...

ТРИ КИТА, НА КОТОРЫХ ДЕРЖАТСЯ ОШИБКИ

По крайней мере есть три причины, объясняющие, почему молодежь предпочитает заниматься любимым делом дома, а не в ДК.

Во-первых, с легкой руки телевидения девизом многих руководителей коллективов стало: «Алло, мы ищем таланты!» При этом забывается, что клуб не консерватория и не театральная инстанция, чья задачей действительно является поиск талантов. В кружок же самодеятельности должен поступить любой желающий. Между тем каждый десятый из не участвующих в клубной самодеятельности хотел бы участвовать в ней, но не был принят. Руководители кружков предпочитают найти пару «талантов», которые наверняка будут приносить грамоты со смотров.

Но нам ведь важно не Шалапина вырастить в клубе, а дать возможность человеку приобщиться к творчеству. По мере сил. Сделать его свободное время полезным, интересным.

Переманивание с одного предприятия одаренных людей на другое, устройство на работу спортсменов, выступающих за завод, но отнюдь не стоящих у станка, как записано в трудовой... Сегодня с этим стало труднее, чем, скажем, лет десять — пятнадцать назад; зачислить

кружки и платные курсы хотели бы видеть молодые рабочие: кройки и шитья, обучения игре на музыкальных инструментах, любителей спорта, книголюбов, машинописи, фото- и кинолюбителей, коллекционеров и т. п. Об узком, традиционном наборе кружков пишет и наш новосибирский читатель...

Возникает законный вопрос: надо ли стремиться всех любителей обязательно вовлечь в клубные кружки? Разве плохо, если молодой человек занимается, предположим, кинолюбительством или литературным творчеством в одиночку, у себя дома? Конечно, никто и не стремится привлечь в клуб каждого любителя. Но жизнь показывает, что домашнее любительство подчас не только не развивает личность, но порой и наносит ей серьезный ущерб. Не секрет, скажем, что у нас появился новый вид хулиганов — радиохулиганы, хулиган с кинокамерой, снимающий безобразные, унижающие достоинство человека кадры (вспомните фильм Рижской киностудии «Эта опасная дверь на балкон»). А сколько убогих, пошловатых, антихудожественных «туристских» песен создают подчас так называемые «барды»!.. Первые шаги в творчестве требуют опытного руководителя, советника, общения с единомышленниками. В кружке или студии всегда помогут начинающему раскрыть свои способности, направят в нужное русло.

ВОЗМОЖНОСТЕЙ МНОГО, БЫЛО БЫ ЖЕЛАНИЕ!

В конце прошлого года Свердловский горком ВЛКСМ пригласил клубных и комсомольских работников на показательный вечер клубных форм воспитания политической культуры. В первом отделении состоялся конкурс ансамблей политической песни и агитбригад факультетов и строительных отрядов Уральского университета, а во втором — «политбой» между командами исторического и философского факультетов. Такие «политбои» уже много лет систематически проводятся в университете и всегда вызывают большой интерес у студентов. «Политбой» организуется по известной схеме КВН — домашнее задание, вопросы командам, конкурсы капитанов и болельщиков. Только все вопросы и задания, подготовленные компетентным жюри, посвящены актуальным проблемам внутренней и международной политики. Организовать такой конкурс несложно, а эффективность его в формировании политического мышления молодежи огромна.

Давно пора покончить с предубеждением, что клубная самодеятельность сводится только к художественной. Заводской клуб должен стать центром не только эстетического, но и политического, экономического, нравственного воспитания, научно-технического творчества.

Сколько интересных, увлекательных для молодежи дел может быть в рабочем клубе! Было бы только желание настойчиво искать и проводить в жизнь новые формы.

В клубной работе недопустимы кампания и штурмовщина, одноразовые, готовые на все времена решения. Очень важен для нее и дифференцированный подход к каждой из групп населения. Например, отрядно, что ныне в клубных учреждениях проводятся вечера «Для тех, кому за тридцать» или сорок, для пенсионеров, работают службы знакомств и женские клубы. Но как ни странно, очень редко встретишь у дверей ДК афишу о вечере для тех, кому «до двадцати». Не считая же, в самом деле, такими вечерами только дискотеки... Что они дают подростку?

Подростки чувствуют себя обычно в клубе неуютно. В детские коллективы они уже не пойдут, во взрослые еще не пускают. По данным нашего исследования, самих молодых рабочих особенно интересует автомобилестроение, кружки радиозлектроники, радиоспорт, занимательная физика, психология, спортив-

ные секции, народный цирк... Техническая самодеятельность, по нашему мнению, в клубных учреждениях должна быть в первую очередь рассчитана на молодежь.

Снова вижу перед собой скептическую мину на лице читающего эти строки клубного работника. Легко, мол, ему писать, а где достать заводскому клубу автомобили и мотоциклы, радиоаппаратуру, руководителей для таких кружков? Конечно, одному клубу без помощи организации ДОСААФ такие коллективы не создать. Значит, надо создавать их совместно с этими организациями. Нужна совместная инициатива. Я уверен, в каждом городе такие энтузиасты есть. Сколько любителей радиоспорта подготовил, например, замечательный учитель истории одной из свердловских школ, мастер спорта, кавалер ордена Ленина Дмитрий Чакин!

Важно, чтобы в работе с подростками клуб действовал не в одиночку. Формальная организация в нем подросткового сектора еще мало что дает, если этот сектор не будет повседневно связан со школами, райкомами ВЛКСМ, добровольными обществами, ДОСААФ.

ЕСЛИ ГОРА НЕ ИДЕТ К МАГОМЕТУ...

Подчас спрашивают, как совместить в одном здании клуба скрипку и токарный станок, этюды Шопена и таракание мотоцикла. Такое совмещение чаще всего невозможно да и не нужно. Мы говорим о том, что молодежь должна идти в клуб, но и клуб, в свою очередь, не должен пассивно ждать молодежи, а идти к ней. Как говорится, если гора не идет к Магомету...

Эффективно организовать свободное время молодежи сможет лишь тот клуб, который имеет сеть своих филиалов по месту жительства (клубы и красные уголки в микрорайонах), в школах, профтехучилищах, рабочих общежитиях и т. д. Такая сеть может быть создана лишь совместными усилиями всех учреждений культуры, включая учебные заведения, кинотеатры, стадионы и т. п. Она станет основой для создания социально-культурных комплексов, которых в стране насчитывается уже свыше двух с половиной тысяч. Да и клубы разных предприятий с этой целью должны создавать централизованные клубные системы (их сейчас около пятнадцати тысяч).

Если работа с молодежью будет вестись кустарно, в рамках одного ДК, пусть даже самого крупного, она заведомо обречена на провал. Вероятно, любительские киностудии, если есть для этого возможность, должны создаваться при кинотеатрах, кружки молодых краеведов — при музеях, литобъединения — при редакциях газет, радио, телевидения и т. д. Важно, чтобы все они работали не разрозненно, а в едином комплексе, с единым руководством, по единому плану.

Решающая роль в создании таких социально-культурных и социально-педагогических комплексов принадлежит районным и городским комитетам комсомола. И, думается, эти комплексы — ключевое звено во всей работе, связанной с организацией свободного времени молодежи. Пока существует ведомственная разобщенность учреждений культуры, местничество, отсутствие единого планирования и перспективы, до тех пор самоотверженная работа отдельных любителей-энтузиастов к желаемым результатам не приведет. Молодые рабочие предпочтут пивбар, как пишет Алексей Онучин, где можно «пообщаться» и убить время...

Мы остановились лишь на некоторых проблемах поистине неисчерпаемой темы: клуб и рабочая молодежь. Но даже если эти вопросы будут решены, плакат «Добро пожаловать!» у входа в заводской клуб не будет восприниматься как простая формальность, а вахтер не станет гнать из здания пришедшего туда подростка.

ют свой первоначальный смысл. Так случилось и со словом «самодеятельность». Делаем сами, а не силами специально призванной для этой цели армии профессионалов! Вот заводской драматический коллектив выпускает очередной спектакль. Декорации готовит профессиональный художник, танцы ставит специально приглашенный балетмейстер, костюмы и бутафорию заказывают в театральных мастерских. В результате стоимость такого спектакля подчас не меньше, чем в профессиональном театре. Но дело не только в перерасходах средств. Вольно или невольно этим воспитываются иждивенческие настроения у участников самодеятельности. Теряется инициатива, интерес. Появляется этакая профессиональная самодеятельность. А ведь рабочий клуб — школа общественного самоуправления. Пройдя ее, молодежь приобретает навыки управления делами своего трудового коллектива и общества в целом.

НЕ НАДО СЛАВЫ — ДАЙТЕ ПООБЩАТЬСЯ!..

Интересно, что из молодых уралмашевцев, не посещающих клубные кружки, почти треть занимается любимым

меццо-сопрано слесарем-наладчиком сегодня сложно, но односторонняя ориентация на таланты еще сохраняется.

Во-вторых, участников художественной самодеятельности обычно называют самодеятельными артистами. Значит, готовят их к выступлению перед публикой. В свое время при дефиците профессионалов этот недостаток в деревне и малых городах восполнялся самодеятельностью. А сейчас? «Артист» — кое-кого это и отпугивает. Молодой рабочий нередко не идет в самодеятельность именно потому, что хотел бы научиться петь и играть на аккордеоне «для дома, для семьи», а не для широкой публики. Вероятно, отнюдь не обязательно каждого участника самодеятельности считать самодеятельным артистом. Многие могут вполне ограничиться студийными занятиями. Да и, кстати, стоит ли вообще стремиться всю самодеятельность вести на сцену — при возросшем-то уровне профессионалов? Вряд ли она составит серьезную конкуренцию профессионалам, да и не в этом ее задача.

И, наконец, **в-третьих**, узок еще набор кружков и коллективов даже в самых лучших Дворцах культуры. Вот какие

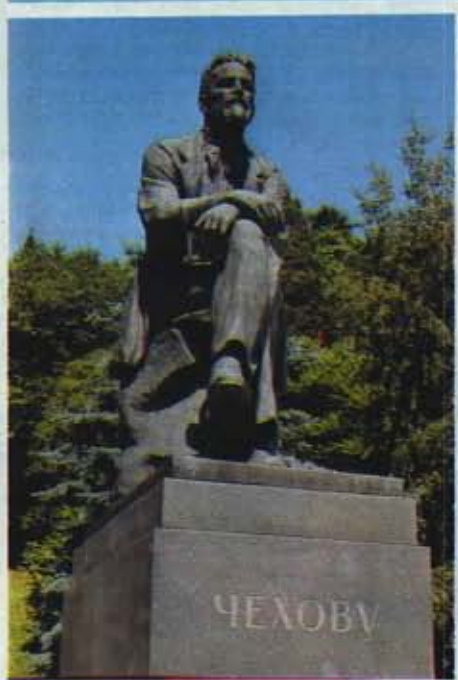
К 125-летию со дня рождения А. П. Чехова

ГОД ЗАВЕЩА

БЕЛАЯ ДАЧА.
ТЕПЕРЬ ЭТО ДОМ-МУЗЕЙ.

ПАМЯТНИК А. П. ЧЕХОВУ В ЯЛТЕ.

СТРОГ И ИЗЯЩЕН
ИНТЕРЬЕР БЕЛОЙ ДАЧИ.

ЧТИТЬ И ЧИТАТЬ
ЕГО БУДУТ, ПОКА ЖИВА
РУССКАЯ РЕЧЬ...

ормально никакого завещания не было. Был скромный перечень хозяйственных распоряжений. Чехов назвал этот документ «завещательным письмом». После смерти писателя Ольга Леонардовна, его жена, обнаружила этот листок в красном сафьяновом портфеле вместе с другими бумагами. Помеченное августом 1901 года, письмо было прочтено спустя три года с лишним.

«Милая Маша,— писал Чехов, обращаясь к сестре, всегдашней своей помощнице,— завещаю тебе в твое пожизненное владение дачу мою в Ялте, деньги и доход с драматических произведений...» Дальше — в этом же духе, точно, определенно, недвусмысленно. И только в самом конце, перед подписью, как последний привет и завет: «Живите мирно».

Есть в этой ситуации что-то странное, дразнящее, ускользающее. Адресованное Марии Павловне, письмо почему-то отдается супруге и едет с нею из Ялты в Москву, чтобы надолго залечь в сафьяновом портфеле. Человек не совсем здоровый, но, по общему мнению, совсем небезнадежно больной, молча, на бумаге, прощается со своими близкими,

которые не догадываются об этом. Добавим еще, что этот человек — молодой, всего два месяца прошло со дня его венчания с тридцатилетней красавицей, прославленной актрисой... Да о том ли ему сейчас думать?

Он не любил, когда его спрашивали о самочувствии. Если очень уж допытывалась мать, Ефросинья Яковлевна: «Антоша, тебе нездоровится?» — он морщился, хмуро и коротко бросал: «Все хорошо. Голова немного болит». Но вот Максим Ковалевский занес в тетрадочку его слова, сказанные в ночном дорожном разговоре в самом начале этого же 1901 года: «Не могу задаться мыслью о большой работе, так как знаю, что жизнь моя будет непродолжительна». Да еще памятный Бунин сохранил нам его иронический прогноз: «Читать меня будут недолго, всего семь лет. А жить мне, должно быть, осталось еще меньше, шесть».

У него бывали трудные ночи. Бессонницами он страдал чуть не с юности, теперь к этому добавился кашель после малейшего ветерка, иногда кровохарканье. Сестра и мать по несколько раз подходят к его спальне, прислушиваются. Даже Арсений, дворник, посвящен в эти обстоятельства. «Всю ночь кашлял», — предупреждаяше шепчет он,

помогая в прихожей раздеться кому-то из друзей дома. Каково же просыпаться после подобной ночи!

...Возможно, его разбудил луч солнца в окне, а может быть, сирена большого парохода: он, любитель дальних путешествий, все еще мечтает «полюбить палубу». Ему всего только сорок один год, но выглядит он старше, изнурен. Протянул руку к карманному часам, лежащим рядом на тумбочке, отыскал пенсне. Пригладил перед зеркалом бороду, волосы на лбу, уши, стремительно редуцируя с каждым днем.

Таков он наедине с собой.

Таким его никто не видит.

Его видят тщательно причесанным, даже надушенным, аккуратно, несколько чопорно одетым, никогда в халате, по-домашнему, но всегда в костюме от хорошего портного, в изящном галстуке. Доходит до смешного — собираясь на встречу с Львом Толстым, он переодевается несколько раз, с улыбкой бракуя брюки: «Нет, воля ваша, эти слишком узки. Подумает — шелкшер. А эти — необъятны, как Черное море. Подумает: нахал...» Ничего этого, конечно, Толстой никогда не подумал бы, любивший Чехова и как писателя и как человека с какой-то трогательной нежностью «Совершеннейший безбожник, а — до-

Виктор ДЕМИН.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

ЖИЗНЯ

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ
АНТОНА ПАВЛОВИЧА
В ЕГО МОСКОВСКОМ ДОМЕ.

УЗНАТЬ,
ПОЧУВСТВОВАТЬ,
ПОНЯТЬ...

брий!» — с некоторым даже удивлением помечал Лев Николаевич в своем дневничке.

Солнце высоко. В легком летнем пальто, в шляпе, с палочкой Чехов неторопливо идет по городу. Ему надо заглянуть на почту, потом он задержится в «Русской избушке», книжно-табачной лавке Исаака Абрамовича Синани, мрачного человека, сочиняющего прибаутки, которые он выдает за турецкие пословицы: «Везде Антон Павлович, гуси ходят босиком» — говорит Иса-

И ДОМ-КОМОД
(ЗДЕСЬ ЖИЛ ПИСАТЕЛЬ)
И АФИШНАЯ ТУМБА
ВОЗВРАЩАЮТ НАС В АТМОСФЕРУ
СТАРой МОСКВЫ.

ак Абрамович и вздыхает. Недавно покончил с собой его сын-студент. Прибавки Синани стали еще печальнее.

Чехов любит прогуляться в городском саду. Здесь за ним обязательно увяжутся, держа чуть поодаль, несколько застенчивых девиц. Поклонницы — в семье их прозвали «антоновками». Они по любому поводу навязываются с помощью — поднести что-нибудь, выполнить поручение, а то просто безо всякого дела караулят писателя, разглядывая сквозь чугунную решетку, что происходит во дворе Белой Дачи.

На набережной с Чеховым многозначительно раскланивается не очень молодая дама в шляпе и с собакой на поводке. Эльвира Валентиновна уверяет всех и каждого, что «Дама с собакой» писала с нее, она якобы показывала автору свои интимные дневники.

Мода на собачек, мода на Чехова...

Да, было и это — мода. На витрине «Русской избушки» выставлен его портрет рядом с Тургеневым и Гончаровым. Раньше висел и Толстой, но в марте нынешнего года священный синод отлучил его от православной церкви как еретика, полицейская инструкция обязывала магазинчиков убрать портреты. В гостиницах, в киосках продаются открытки с изображением Чехова и сами по себе, и в виде почтовой карточки. На Волге, говорят, бегает пароходик с названием «Антон Чехов». На другом пароходе интеллигентного вида человек представлялся писателем Чеховым и, ссылаясь на дорожные трудности, просил у знакомых денег в долг. Проходима разоблачили. Чехов узнал об этом из газет. В личном письме какой-то разгневанный отец отчитал его за недостойные уловки, которыми он якобы завлекал его дочь, — оторопевший Чехов с недоумением разглядывал совершенно незнакомый ему адрес.

Бремя славы. Исподтишка месье пошлости, обличаемой им много лет.

Между тем год чеховского заветного был годом первого общегосударственного хозяйственного кризиса. К стачкам начинали привыкать. В официальном сообщении был признан катастрофический неурожай. К голодным бунтам добавились религиозные — вольнодумцев загоняли в храм с помощью розог и артиллерии. После беспорядков в Киевском университете 183 студента были отданы в солдатчину. В ответ грохнул выстрел в министра просвещения Благолепова. Министр скончался в больнице. В Петербурге, на Исаакиевской площади, тридцатитысячная толпа схватилась с казаками. Горький был в гуще битвы, он вынес радостную уверенность: «Хоть рыло в крови, но еще неизвестно, чья взяла!» Эту мысль он повторяет повсюду, подстегивая интеллигенцию к протестам. Все кончается Нижегородским центральным. Толстой пишет в высокие инстанции: он возмущен, что чахоточного Горького до суда могут убить антисанитарными условиями темницы. Он, впрочем, сам перенес тяжелейшую болезнь и собирается на юг подлечиться. Он поселится в Гаспре, всего в нескольких километрах от Ялты. Позже туда прибудет Горький, опущенный до суда под строгий полицейский контроль. Ему не разрешено жить в крупных городах, в Ялте тоже. Но чеховская Белая Дача располагалась за тогдашней чертой города, с адресом: поселок Аутка. Тут-то и провел неделю Алексей Максимович в специальной комнате для гостей, на первом этаже, пока не снял для себя и прибывающего семейства дачу «Нюра», тоже совсем рядом, в Симеизе.

Для нас они классики, их многотомные собрания сочинений соседствуют на книжных полках. А они были живые, ищущие, спорившие друг с другом. Выражаясь тогдашними словами, эти «властители дум» радовались случаю проверить свой образ мыслей на талантливого и уважаемого собеседника и подвергнуть умственному анализу круг его ответов и идей.

Историки литературы выявили каждую из их крымских встреч, установили

точные даты, поместили, насколько это было возможно, примерные или вполне конкретные темы бесед. Добавьте страницы позднейших воспоминаний, свидетельства очевидцев, пусть даже отрывочные! Какой богатый материал для пьесы или фильма! Нет, в самом деле, разве не заманчиво из пестрых этих клочков сложить широкую мозаичную панораму?

Ведь это, по сути, сошлись вчерашняя, сегодняшняя и завтрашняя Россия. Граф, офицер, деятельный и удачливый помещик... Сын полунцига купца, внук крепостного, студент из самых бедных, лекарь с практикой... Черноработный всех мастей, от маляра и пекаря до грузчика, сторожа и деревенского батрака, люмпен, с подростком отправленный в «люди», запойный книголюб из самоучек... Что, казалось, могло их сблизить, таких разных по жизненным позициям, — апостола «очищенного» евангелия, для которого сама российская церковь была недостаточно христианской, и спокойного атеиста естественной науки, позитивистской складки или стихийного бунтаря, клонящегося постепенно к марксизму, но с уверенностью, что нужен «новый идеализм», «новая вера» в возможность перестроить мир сообща, по разумным, человеческим началам.

Общим для них было ощущение подземного вулканического гула, предвещающего будущих катаклизмов. Чехов жадно дожидается газет, в письмах уточняет не до конца понятные сообщения. Горький печатно предвещает бурю, зовет ее, прославляя «безумство храбрых». Толстой в который раз пишет письмо государю с призывом отменить частную собственность на землю, но пишет также и «Памятку» для солдат — чтобы они не стреляли в народ. Революция, «со всеми ее ужасами», по его мнению, «уже неизбежна».

Ему семьдесят три года, он только что опубликовал «Воскресение», мгновенно переведенное на десяток языков. Горькому — тридцать два, он немалого моложе Чехова, но громкая слава к нему пришла совсем недавно, после выхода двух томов «Очерков и рассказов», и он держится перед старшими писателями как почтительный ученик. Он находит слово «гений» бедным по отношению к Толстому, после каждого рассказа Чехова с трудом переключается на обычную беллетристику: «Все кажется написанным будто не пером, а поленом». Толстой называет Чехова «Пушкиным в прозе», но часто находит у него «мало содержания». Над повестью «В овраге» он расплакался, а драмы решительно бранит: «Я не люблю Шекспира, только ваши пьесы еще хуже». Чехов признается друзьям: «Вы знаете, я его боюсь. Ведь это он написал, что Анна чувствовала, как блестят ее глаза в темноте... А? Каково, батенька мой?» Для него это рекорд писательского переселения в чужую душу. Но догматичность «Воскресения» его смущала: «Вести, вести рассказ, да и свалить все на тезис из евангелия... Почему из евангелия, а не из корана?» Горький просит безжалостной критики, Чехов выдает из себя два слова насчет «некоторой консервативности формы», позже добавляет: «У вас неграмотный цыган разговаривает, как Шопенгауэр». Толстой, со своей стороны, упоминает о том же: «Какой-то у вас вселенский сбор умников», сетует, что многое присочинено, «а придумывать можно все, кроме человеческой психологии». Зато оба старших собрата по перу ценят свежесть и несомненную оригинальность молодого таланта. Толстой добавляет об особой его заслуге: «Тургенев и Достоевский показали нам человека в крепостном и в каторжнике, а Горький — в босяке».

Они спорили о народе, о будущем и истории, о социализме, о том, что есть добро и доброта, в чем смысл жизни. Горький заносил по вечерам в записки: «Зачем ему меня заирать? Я ведь пока еще ребенок». Это Толстой поддразнивал его: сомнительный вы социалист, романтики, кстати, большей частью мо-

нархисты, а что до конституции — не надейтесь, ее у нас не будет никогда. Чехов осторожно предполагает, что, может быть, «будут драться, драться и в конце концов как-нибудь додержатся до конституции». Горький вскидывается: но ведь это кровь? И Чехов, якобы индифферентный и якобы аполитичный Чехов снова удивляет его. А какого же хирурга пугала кровь? — спрашивает он. — Принимать роды — тоже не больно эстетическое занятие, только не это главное, главное — новая жизнь...

Знаменитая чеховская сдержанность виной тому, что внутренняя работа, происходившая в нем, часто ускользала от внимания. Потом следовал неожиданный поступок, и люди, стывшие с ним пуд соли, не сразу приходили в себя от изумления. Биографы до сих пор спорят насчет первотолчка к труднейшему путешествию на Сахалин. Сколько гипотез для объяснения многолетних душевных отношений с нечистоплотным политиком Сувориным! А какая вспыхнула волна кривотолков вокруг его женитьбы! Он сообщает Ольге Леонардовне, что едет в Москву с целью обвенчаться, но матери и сестре не говорит ни слова. Приходит телеграмма, потом письмо, в них повторяется одно и то же: «Все будет по-старому». Как же оно может быть по-старому, недоумевают обе. Мария Павловна не удержалась от обиженого, запальчивого письма. Ефросинья Яковлевна рыдала, она вдобавок была под властью предрассудков насчет «актерок». Александр Куприн ликует: какая пара — замечательный писатель, лучший современный драматург и лучшая, интеллигентнейшая актриса его, чеховского театра! А Бунин, только что сам переживший семейную драму, настроен мрачно: «Это будет каторга почище Сахалина...»

Чехов с детства входит в наш душевный обиход — с «Каштанки» и «Белолобого», с «Лошадиной фамилии» и «Тонкого и толстого». Для человека, живущего в Таганроге — а там родился и рос, — Чехов одновременно и святенья и красочная примета окружающей повседневности. Театр имени Чехова, библиотека имени Чехова, которую сам же он и строил, заказав проект своему другу, архитектору Шехтелю, домик, где он родился, гимназия — сейчас это средняя школа номер два и, конечно, его имени, лавка Павла Егоровича, где Антоша терпеливо стоял у прилавка, дом дворец миллионера Алфераки — сюда на музыкальные вечера по благотворительному билету ходил худенький гимназист, чья фамилию учитель латыни переделал для веселья в «Чехонте». Над портом и гаванью, над обрывом стоит чугунный Петр Великий, основатель города Таган-на-Рогу — это Чехов заказал скульптору Антокольскому проект монумента, заботился об отливке за рубежом, перевозке, установке. У рынка уцелели развалины так называемых Торговых рядов — теперь они восстановливаются, включенные в единый комплекс Государственного музея-заповедника. Тут же, проходя по улице Чехова, бывшей Полицейской, таганрожец видит многометровое каменное изваяние — Антон Чехов представлен здесь молодым, широкоплечим, полным сил и буйной русской удали в иронически прищуренных глазах.

Школьник растет, читает «Степь», потом «Даму с собачкой», потом смотрит Чехова в театре. И все, что он успел узнать, невольно складывается в солнечную, благодатную картинку. Реальная боль, реальные драмы писательской биографии отступают на второй план, подсвечиваются сладкой лазурью. Уже начинает казаться, что и провал «Чайки» в Александринском театре скорее должен бы польстить молодому драматургу, оказаться этакой Голгофой к вящему его возвышению... А для него это была травма на многие годы.

Уже и о фразе из письма («по каплям выдавливают из себя раба») хочется думать как о деле безболезненного, даже как бы лестного. И только потом, если лежит перед тобой суровое письмо

к брату Николаю — об обязанностях воспитанных людей, — откроется, как сложно то, что имелось в виду, какого постоянного тренажа, какого атлетизма души оно требовало.

По ощущениям Антона, Николай был добр до тряпичности, великодушен, не эгоист, поделится последней копейкой, жалеет людей и животных, не эхиден, не злопамятен, доверчив. Кроме того, он одарен истинным талантом живописца, который ставит его выше миллионов людей. Недостаток же у него один — «крайняя невоспитанность». Между тем, чтобы чувствовать себя в своей тарелке в интеллигентной среде, чтобы не быть в этой среде чужим и самому не тяготиться ею, нужно быть известным образом воспитанным. Трудность в том, что «сказывается плоть мясцанская, выросшая на розгах. Победить ее трудно, ужасно трудно».

Нет сомнения, говоря о Николае, он имеет в виду и себя, тоже выделенного талантом из миллионов других людей, тоже живущего и обитающего не в той среде, в которой был воспитан и рос, но нашедшего в себе силы «выдавливать по каплям раба». Письмо большое, в нем обязанности воспитанного человека рассмотрены в восьми пунктах с некоторыми подпунктами и живыми деталями недавних, хорошо известных адресату происшествий. Мы возьмем из написанного несколько принципов.

Они, то есть воспитанные люди, «уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, уступчивы... Они прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты, и присутствие в их жилище посторонних... Они уважают чужую собственность, а потому и платят долги... Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках. Из уважения к чужим ушам они чаще молчат... Они не суетны. Делая на грош, они не носятся со своей папкой на сто рублей и не хвастают тем, что их пустили туда, куда других не пустили... Истинные таланты всегда сидят в потемках, в толпе, подальше от выставки. Даже Крылов сказал, что пустую бочку слышнее, чем полную... Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него породе, женщинами, вином, светом. Они горды своим талантом. К тому же они брезгливы... Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу, питаться из керосинки... Они не трескают походя водку. Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, достаточно прочесть только Пиквику и вызубрить монолог из Фауста. Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, студировка, воля. Тут дорог каждый час».

Случай, особые обстоятельства, увлеченность пишущего помогли открыться перед нами потайной части айсберга. Видевшие знаменитую «чеховскую деликатность», «чеховскую отзывчивость», связанную с общеизвестной «чеховской добротой», не всегда замечали их порождение — чеховскую волю, упорство, железную самодисциплину. И не отсюда ли, кстати, не имеющие себе аналогий в мировой литературе поступательное перерождение юмориста-поденщика, бесшабашного, а порой и развязного, в кроцкого и пронзительно-го «Пушкина в прозе»?

Толстой с удивлением уточнял у него: что он думает, есть ли какая-то жизнь за гробом или там нет ничего? Для Чехова тут не было роковых загадок. «Когда-то меня не было, а мир существовал. Потом меня не будет, а мир останется. Это так же просто, как геометрия. Пугает другое: зароят гроб, придут с кладбища, сядут чай пить и будут говорить обычные в таких случаях пошлости...»

Вопрос, как видим, был для него давно решен. Он даже будто предугадал восстание пошлости, подсунившей его останкам вагон с надписью «для

устриц» и много-много сладких, ненатуральных слов на кладбище Новодевичьего монастыря.

По поводу сроков, указанных Бунину, легко сегодня, задним числом, развести руками: ах, как он ошибся! Прожил не шесть, всего только три неполных года, читают же его и будут читать не семь лет, а доколе сохранится русская речь. Да, это так. Но фраза в мимолетной беседе не исповедь, не тайная запись для самого себя. Можно смело допустить, что Чехов мысленно поправил обе цифры. Одну — из понятной скромности, другую — чтобы не тревожить молодого друга, не предстать перед ним нытиком, ждущим утешений.

Он, правда, не был особенно одаренным диагностом. Переоценил здоровье Николая, упустил тяжесть положения отца, просмотрел, что к самому подкрадывается кровохарканье. Но, вне всякого сомнения, он был знающий, дельный, много практиковавший врач, гордящийся этим званием, до последнего дня с интересом изучавший медицинскую литературу. Мог ли он наивно обманываться на собственный счет? Надежда могла быть самой отчаянной, но в делах, в учете реальных обстоятельств он по его характеру скорее положил бы самый скоротечный срок.

Между Белой Дачей и собранием сочинений, проданных издателю Марксу, обычно видят только прямую зависимость: без этих денег не удалось бы хоть сколько-нибудь уютно поселиться на юге, а надо было, здоровье подгоняло. Возмужав и обратный поворот: от пошатнувшегося здоровья к своду, выверке, пересмотру своих сочинений, а уж отсюда к Даче, ставшей убежищем, где только и можно было заниматься титаническим трудом последних лет — частью переписать, частью отредактировать, частью отбросить, пересмотреть свежим взглядом все, что было опубликовано до той поры. В законченном, доработанном виде представить главное свое наследство, завещанное нам.

В империи вызревала эпоха канунов. Для Чехова это были годы подведения итогов, последней битвы, с отдачей тела в плен болезни по миллиметру в день.

Хотелось бы, ах, как хотелось бы, чтобы сама свадьба была началом нового периода! Но уже и в том был ее сокровенный смысл, что она тоже была своего рода подведением итогов, решением проблемы, выходом из сомнительной для Ольги Леонардовны ситуации. Все оставалось «по-прежнему», потому что ничем другим стать не могло.

По письмам, по позднейшим воспоминаниям можно установить, что прославленная актриса была готова перечеркнуть свою карьеру, поселиться в Ялте «мужней женой». Чехов отклонял разговоры на эту тему. Возможно, ему слышком этого хотелось, но он не желал подобной жертвы. Возможно, как решила Ольга Леонардовна, он по натуре своей был «человек-одиночка»...

Только вот в чем она была неправа — раньше он не был таким. Теперь, съезжаясь не одной, а сразу несколькими хворями, он только в затворничестве мог обрести то достоинство, без которого не мыслит себе «воспитанного человека» даже в самой отчаянной ситуации.

«Завещательное письмо» кончается словами:

«...После твоей смерти и смерти матери все, что окажется, кроме дохода с пьес, поступает в распоряжение Таганрогского городского управления, на нужды народного образования, доход же с пьес — брату Ивану, а после его, Ивана, смерти, — Таганрогскому городскому управлению на те же нужды по народному образованию. Я обещал крестьянам села Мелихова сто рублей — на уплату за шоссе; обещал также Гавриилу Алексеичу Харченко (Харьков, Москлевка, свой дом) платить за его старшую дочь в гимназию до тех пор, пока ее не освободят от платы за учение. Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно. Антон Чехов».

Любовь к природе

Любовь к природе
нынче входит в моду,
хоть страсть к охоте
стала посильней,
а страсть к рыбалке —
массовой и жгучей...

Какою модой
ты себя ни мучай,
но надо б так любить
свою природу,
чтоб быть достойным
раствориться в ней.

Шория

Я помню, в пятьдесят седьмом
близ Тейских рудников ломали
скалу для трассы — пыль столбом!
(Мы для кино тогда снимали
последний взрыв.)

Ох, этот взрыв!
Сосняк рубили для обзора,
тащили в гору аппарат, штатив...
А взрыв — как будто кучу сора
встряхнули — прошуршал: скала
осела...

Первозданно
гольцы сверкали. Нас несли
дрезина с гор в долину Абакана.
И тут, с души смывая злость
и стыд, что съемка завалилась,
до нас, усталых, донеслось:
«Смотрите-ка, звезда явилась!»
По-на земле стугилась мгла,
по-над землей светлело небо,
а там меж звезд — одна! — плыла,
сияя дерзко и нелепо:
восход луны опередив,
звала нас из туманца за собою...

Тот плохо снятый нами взрыв
был, как последний отзвук боя,
что в Горной Шории уже стихал
и, уходя на запад, в гору,
давал толчок мечтам, стихам
и выходу путей к простору,
где, логике верна своей,
из насыпи рождалась трасса,
подвизывая Енисей
к железным кладовым Кузбасса.
А вот звезда плыла, плыла,
на фоне звезд иных сверкала,
как раскаленная стрела,
что, к счастью, мимо пролетала —
так и подумалось тогда,
так и кричалось в том туманце:
«Эй! Рукотворная звезда!
Здорово, братцы-марсианцы!»

Незавершен был мир вокруг:
едва обжитые отроги,
едва приткнутые к зяби плуг,
едва залитые опои,
едва отжитая война,
едва пробитая дорога, —
едва шагнувшая страна
на стройки своего Востока...

И только в Абакане мы
узнали от людей попутных,
что из земной следили тьмы
в свету небесном
самый первый спутник.

То был великий, славный стык
двух эр: космической и прежней.
Среди пихтовников густых,
среди безлюдности безбрежной,
в середине Азии,

в среде
первопроходцев всех калибров
я благодарен той звезде,
что этот век для жизни выбрал.
Что стык заделов и мечты
сварило наше поколение
тем рукотворным швом звезды,
в котором — и мое горенье.
Что был свидетелем того,
как в мир тайги (при мне! со мною!)
вступало

мысли торжество,
и воплощалось в звездное — земное.

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

Память родного

Пока я помню города,
людей и годы,
пока я верю в то,
что жизнь дала,
стоят нетленно горы, плещут воды,
растут хлеба,
заводятся заводы,
и так прекрасна
благодать Природы,
как, может,
только в детстве и была.
Кого знавал,
о ком слышал, кого пытался
из книг и песен вызвать,
голосам
чьим я внимал,
с кем вровень стать старался,
никто из вас
в забвенье не остался,
но живы все, пока живу я сам.

Кипрей

Здесь, на пожарищах лета,
на горях, среди пепелиц
и поселений,
забытых давно и навечно,
розовощекий кипрей утвердился.
Цветочное пламя
гордой волною огня
от земли поднимается к солнцу,
чтобы без дыма гореть.
А когда отгорит и поникнет —
белый пушок, точно пепел,
пылит над усталой поляной:
жаркое семя огня
возвращается в темную землю,
чтоб замереть до весны
безгреховно и тихо.
Чтоб из разъятого родами
нового лета
выйти навстречу лучам
и колючею пикой
облако дерзко проткнуть
и чтоб робким и теплым
ливнем оно пролилось
на спаленную землю...
Нет без кипрея пожарищам
отдыха, сна и забвенья!

Желание

Хорошо бы помереть в дороге
посреди невиданной земли,
чтоб тайги заботливые боги
по своим угольям провели
к месту, где бы тело отдыхало
от своих пожизненных забот —
от всего, что знало и видало,
да не рассказало в свой черед.
Чтоб полет души не прекращался
меж корней неузнанных деревьев.
Чтоб я, распротиться не успев,
и тогда расстаться не старался
с миром,
с кем как с равным обращался,
а воспеть, как должно, не успев.

Сувенирные тапочки

Сувенирные тапочки даме
из Хабаровска друг мой привез.
Не пришлось ей промысел давний,
а меня вот растрогал до слез.
Нет, не тем,

что прекрасно похожи
на прообраз лаптей лубяных,
а что камуса, жилки и кожи
не хватило нанайцам на них.

Величавость и древность узора,
тайный смысл и разбег завитков
открывали пылливому взору
опыт жизни и мудрость веков,
но само —

дерматинном по плюшу
на клею канцелярском! — шитье
растревожило бедную душу,
к состраданью толкнуло ее.

Мокрый поход

Машина сломалась.

И кони легли.
А мы все идем да идем
без тропок,
по самому краю земли,
под частым, как щетка, дождем.

Он шлепает мокрой рукой
по спине,
как ноша — всегда за спиной.
Он вырос стеною на горной стене,
он встал меж Россией и мной.

Наверно, представил,
что нас разделит,
что я без поддержки согнусь,
что если он в траве
тоску расстелил,
то я в эту сеть попадусь.

Он ждет, что, размокнув,
охаю страну,
но я костерю сапоги.
Он ждет, что, размякнув,
я вспяту поверну,
но я не уйду из тайги.

Я с этой мокрестью еще поборюсь!
И, чтобы не рухнуть в траву,
во влажных владеньях дождя —
таборюсь —
в палатке сквозь ливень плыву.

И с мокрым приемничком
в мокрой руке
на ложе из мокрой травы
дрожу я в разбухшем,
студеном мешке
и слушаю голос Москвы.

Он еле пробился сквозь тучи ко мне,
сказать ничего не успел —
прошамкал на длинной,
промокшей волне
и грустное что-то запел.

А что — под дождем ни понять,
ни назвать.
Но песня — как вежа в пути,
как ниточка к солнцу...
И стоит вставать
и в проливень дальше идти.

Романтика

Ушла зима. Ушел бетон.
Ушли строители. Дорога
их снова увлекла далеко,
где вечный лес со всех сторон!

Ушла романтика в тайгу,
как повзрослевшая подруга,
нашедшая по сердцу друга
и дом на дальнем берегу.

Ты — женщина: люби, рожай,
не расставайся с новым краем.
Мы не стареем, но мужаем.
Будь счастлива. Прости. Прощай.

ВСЕГДА
СОВРЕМЕННА
ОДЕЖДА
В НАРОДНОМ СТИЛЕ.

Егор ЗАЙЦЕВ,
художник-модельер.
Фото Владислава ЛОКТЕВА

Фольклор стоит у истоков почти всех известных нам видов искусства. Искусства костюма в первую очередь. Возникновение понятия «народная одежда» специалисты относят к эпохе Возрождения. Народная мудрость пронесла через века красочность цветосочетаний, простоту кроя, сдержанную жизнерадостность одежды: пульсации моды отражались главным образом в costume представителей имущих классов. Естественно, что и народный костюм изменялся во времени, но именно ему удалось сохранить своеобразие, национальную окраску.

На шестидесятые годы нашего столетия приходится повышение интереса к фольклорному стилю, на Западе оно совпадает с молодежными движениями протеста. Молодые бунтари иных стран использовали элементы народной одежды как символ неприятия официальной моды. А вслед за стихийным возрождением национальных костюмов к ним обратились и художники.

Сегодня фольклорный стиль столь же популярен и самостоятелен, как классический или спортивный. В народном стиле могут быть выполнены и просторные комплекты для отдыха, и зимние вещи из мягких пальтовых материалов, и вечерние ансамбли из шелка и бархата.

Сочетания в costume черного, белого и красного цветов, декоративный плоскостной крой деталей, контрастная подчеркнутость конструктивных швов, новый подход к вышивке и аппликации на обычных тканях — все это характерные особенности предложений художников-модельеров. Интересно проявление фольклора в головных уборах и обуви. Маленькие шапочки-купола ассоциируются с

древнерусской архитектурой; сапоги с слегка переходящей вверх подошвой напоминают национальную обувь азиатских народов.

Материалы для верхней одежды современные: шерстяные, ворсовые, букле, драп. А силуэт и крой исконно русские: в основе сарафан с узким лифом, расклешенный книзу, конструкция рукавов идет от обычной крестьянской рубахи. Ткани новые, но формы традиционные. А вот в ансамбли из шерстяной редины очень гармонично и свежо вписывается старинная вышивка мережкой.

Многослойность — характерная черта нынешней женской и мужской одежды, и как не вспомнить любимые в старину огромные многослойные платья с фартуками и нижними юбками. Сколько веков народы северных областей нашей страны одевались именно по этому принципу.

Народный костюм в наши дни стал интернациональным достоянием. Французские и итальянские модельеры разрабатывают коллекции в русском стиле, американские фирмы взяли на вооружение принципы японского кимono, а наши молодые художники решают свои модели в стиле «кантри».

Пример подобного заимствования — одежда для отдыха: комплекты из легких льняных и хлопчатобумажных тканей, состоящие из свободных блузонов, рубах-косовороток, бесподкладочных пиджаков, двойных или тройных запашных юбок, туник, брюк и косынок. Вновь упрощенный геометрический крой, наполненные объемы и всевозможные цветовые сочетания. Дополнения — легкие панамы из этих же тканей или большие соломенные шляпы, прямоугольные сумки-мешки, мягкая и открытая обувь.

Вновь популярны вышивки и аппликации, которые способны придать нашей одежде неповторимость и индивидуальность.

Народный костюм вечно молод, это нить, которая связывает людей с их природой, землей, традициями предков. А художнику он дает крылья, точку опоры в творчестве, учит и воспитывает.

НАРОДНЫЕ МОТИВЫ

СИНИЦЕ И БЕЛКЕ-

Игорь КОНСТАНТИНОВ.

Фото автора

ПО ОБЕДЕННОЙ ТАРЕЛКЕ

До чего же мудра природа! В годы, когда случаются большие холода, птицы, зимующие в наших лесах, а это синицы, дятлы, поползни, сойки, выводят очень много птенцов.

Как-то в школьном лесничестве села Желанное на Рязанщине мне показали дуплянки, в которых гнездились синички. В некоторых были яйца, в других уже оперившиеся слетки. Удивляло количество яиц и птенцов — в каждом домике более десятка.

«Жди холодную зиму» — сказал мне тогда Николай Терентьевич Кошелев, руководитель лесничества, и, как бы подкрепляя свою мысль, показал на усыпанную ягодами рябину. Урожай рябины — к большому морозам». И в этом тоже мудрость природы, ведь сытому и в стужу легче. Рябиной кормятся многие птицы, но на всех рябины даже в урожайный год, конечно, не хватает.

Чтоб облегчить птицам зимовку, заботливые люди устраивают для них столовые. И по типовым, так сказать, проектам, и по индивидуальным. Перевернутые бутылки, пакеты из-под молока, фанерные навесы, резные домики с наличниками и террасами, выдолбленные ниши в пнях — каких только кормушек не встречается в лесах и парках! Посетители столовых постоянны — синички, поползни, пищухи, воробьи, сойки. Заглядывают и дятлы, но для них стол специально накрывают — подвешивают на веревочке к ветке дерева кусочек несоленого сала. И уж если дятел его найдет, станет завсегдатаем. Подлетит из-за деревьев, быстро осмотрится по сторонам, зажмет лакомый промерзший кусочек когтистыми лапками, изогнется и давай клювом долбить. Наестся — и в лес. А в это время на сало синички набрасываются — одна, вторая, третья. Целая очередь желтогрудых. Но они быстро наедаются — ковырнула первая раз-другой клювом, и уже следующая на кусочке раскачивается. Сало подвешивают для того, чтобы вороны или сороки не могли его утащить. Ведь они в акробатике ни с дятлом, ни с синицей сравниться не могут.

В Лосиноостровском лесу видел я передвижную столовую, сделанную в виде колеса обозрения и подвешенную к сучку березы. Птицы садились на узкие площадки, и от этого колеса с разноцветными стаканчиками, куда были насыпаны семечки, крутилось.

Хозяин кормушки, немолодой уже человек, каждый день наполнял ее угощением. Птицы, вероятно, узнавая гостя, с

И В ГОРОДАХ, И В ПРИГОРОДНЫХ ЛЕСАХ ЗАБОТЛИВЫЕ ЛЮДИ УСТРАИВАЮТ КОРМУШКИ.

теньканьем мчались к нему со всех сторон. За заботу синички платили доверием: они склевывали с ладони корм, а некоторые, наиболее смелые, садились к нему на подбородок и аккуратно вынимали специально зажатые для них между губами семечки.

Порой доверие поражает. Белки берут орехи из рук и позволяют себя гладить, синички садятся на плечо, от туда перепархивают на ладонь и кормятся. К краю полыньи подплывают утки, тянутся к протянутому кусочку хлеба.

На литовском озере Жувинтас как-то осталось зимовать несколько лебедей. Мороз сковал последнюю полынью, и неизвестно, что стало бы с отважными

зимовщиками, если б не пришла вовремя помощь. Пилами и ломами люди взломали лед около берега и по соседству поставили деревянный ящик с комбикормом. И лебеди благополучно пережили зиму.

Устраивают люди кормушки и для четвероногих. Завозят в них сено, веники, ветки, соль. Зайцы, олени, косули, лоси, кабаны — постоянные гости в таких столовых.

Уже много лет зимними воскресными днями я хожу в Ботанический сад Академии наук СССР кормить птиц и белок. И замечаю, что с каждым годом растет число столовых — теперь их можно встретить буквально на всех аллеях.

Стоишь под мохнатой сосной, вытянув ладонь с насыпанными семечками. Вот с веток на нее падает мягкий разноцветный комок — знакомая птичка меня встречает. Схватила семечко и улетела. А за ней тут же другая на ладонь уселась — с ней мы тоже давние друзья.

Враги мира и дружбы народов — это всегда и враги Всемирных фестивалей. На политической трибуне крупнейших международных форумов молодежи страстно и гневно разоблачаются силы, которые пытаются увести молодое поколение с путей дружбы и сотрудничества, разобщить его, подчинить своим целям.

Политическая трибуна XII Всемирного — мы в этом не сомневаемся — даст возможность молодым посланцам планеты провести глубокий, точный, доказательный анализ причин обострения международной напряженности, вынести обвинительный приговор силам, сеющим зло в нашем сложном и противоречивом мире, не останавливающимся ни перед какими преступлениями против людей и народов.

С этими мыслями мы открываем новую рубрику «Смены» — «На политическую трибуну XII Всемирного».

Лев ЕЛИН

В начале 60-х на Запад пришла мода на индийские божества, учение йога, одежду буддийских монахов и прочую восточную экзотику. Бенгальский проповедник Прабхупада создал в Нью-Йорке международный орден кришнаитов. Индийский йог Махариши Махеш основал общину, с которой имели контакты даже участники ансамблей «Битлз» и «Роллинг стоунз».

В коридорах власти Запада к «индиомании» отнеслись одобрительно. Блаженство, которое предлагали — и предлагают — приезжие учителя-гуру, бесконечно далеко от политической борьбы, от бунтарства. Самосозерцание — не забастовка и не демонстрация. Кроме того, знакомства с гуру стали искать западные спецслужбы. Свобода вероисповедания во многих азиатских странах натолкнула их на мысль использовать секты как прикрытия для своей шпионской деятельности. Так на веревочке ЦРУ оказались, например, популярные ныне секты Бхагвана и «Ананда марг»...

Убийство премьер-министра Индии Индиры Ганди 31 октября 1984 года и последовавшие за ним явно спровоцированные волнения показали: антиправительственные религиозные, шовинистические секты и организации — действуют они по указке иностранных спецслужб или самостоятельно — объективно становятся орудиями врагов Индии.

1

Маленький человек подпрыгивает от возбуждения на плетеном стуле.

— Смысл жизни — насилие!
— Цель жизни — насилие!

За окном стоящего вплотную к железнодорожным путям домика застучал поезд. Момент был испорчен. Человек провел платком по блестящему от пота черепу и обвел глазами комнату. Пятнадцать человек. Пяток жирных матрон, которых мужское общество привлекало больше, чем его идеи. Несколько мелких клерков, вообразивших, что болтовня в квартире станционного служащего — что-то вроде светских раутов, о которых они иногда читали в газетах. Трое полусумасшедших, которых побаивался сам хозяин. Но именно эти придурки создавали своим монотонным причитанием нужную ему атмосферу. Конечно, пока его не выгнали из местной газетенки, где он вел еженедельную колонку, аудитория была побольше. Но ничего. Это было только начало. Саркар откашлялся и приготовился продолжать...

«Йог из Индии Махариши Махеш, основатель Науки созидательного разума и Технологии объединенного поля, приглашает правительства Земли обратиться к нему за советом.

Всемирное правительство Века просвещения провозглашает свою готовность решить проблемы любого правительства вне зависимости от природы и сложности проблемы — политической, экономической, социальной или религиозной — и вне зависимости от системы, существующей в данном государстве...

Правительства приглашаются вступить в контакт с Всемирным правительством Века просвещения с условием оплаты услуг по достижении цели. Следующий год может стать годом успеха для каждого правительства».

Государства, правительства... Бэрт захлопнул журнал. Он был глубоко уверен, что и те и другие разберутся и обойдутся без него. А ему — ему бы найти своего Махариши Махеша, который бы разъяснил, да попросе, что ему, Бэрту Лэйну, 18 лет, Чикаго, Иллинойс, США, делать со следующим годом. Заглядывать в конец «Века просвещения» Бэрт не собирался. Это уж пускай делают господа яйцеголовые во главе с палочкой-выручалочкой Махешем. Впрочем, никакой антипатии к изображенному на фотографии седому старцу с огромным лбом Бэрт не испытывал. Он слышал, что у этого йога учились даже «Битлз». Интересно, с ними он тоже разговаривает на птичьем языке?

Загорелась надпись «Пристегните ремни». Бэрт посмотрел в иллюминатор. Как раз так любит начинать свои путевые очерки Лэйн-старший. «Из окна иллюминатора эта страна кажется жемчужиной, выброшенной волнами на берег...» Ну-ка, а что маэстро

писал об Индии? Кажется, серию критических очерков для «Чикаго трибун». А был там — Бэрт знал точно — всего три дня, транзитом. Это было одной из причин, по которым Лэйн-младший купил билет до Дели, а, скажем, не до Манилы или Сингапура. В Дели он был застрахован от встреч с паленькиными друзьями и приятелями.

— Чем занимаешься, Бэрт?
— Пора взяться за дело, старина!
— Твой отец в восемнадцать уже...
И так чуть ли не каждый день!

Новую секту Саркар назвал «Ананда марг» — «Путь к блаженству». Главное, рассуждал он, предложить людям цель — конфетку, и они пойдут за тобой. Из обрывков философии йоги, индуизма, мистицизма бывший бездарный журналист соткал «Прогрессивную утилизационную теорию», сокращенно — «проут». «Проут» обещала новый мировой порядок, «свободный от коммунистических и капиталистических идей», и, конечно же, блаженство. Его обеспечат «моральные интеллектуалы» — лидеры секты. Они же избавят Индию, а потом весь мир от демократии, которую Саркар с ухмылкой называл в своих речах «толпократией». Место всеобщих выборов, утверждал он, должно занять насилие. На его острие «интеллектуалы» и планировали прийти к власти. Для себя Саркар заранее определил место «ананд мурти» — «воплощения божества»...

Из здания аэропорта Палам Бэрт вышел быстро. Таможенные формальности заняли минимум времени. Теперь надо было добраться до Вишва Ювак Кэндра — Международного молодежного центра (ММЦ).

Согласиться на уговоры энергичного водителя-сикха в голубом тюрбане и поехать на такси? Нет, в Индии надо пользоваться чисто индийским транспортом. Бэрт решительно направился к выстроившимся вдоль тротуара трехколесным «жучкам» — скутерам, иначе — моторишкам. Влез в первый и назвал адрес.

— Ачча, сахиб! — подмигнул в зеркальце водитель, решительно жжал клаксон, который издал низкий, басовитый гудок, и крутанул ручку газа. Однако мотор только пару раз чихнул и заглох. Когда же скутер наконец отполз от тротуара, Бэрт понял, что прогулки «с ветерком» не получится. На крутых подъемах водителю приходилось даже вылезать из скутера и идти рядом с ним. Мимо пронеслись другие «жучки» — яркие, размалеванные портретами святых, альными сердцами с обязательной стрелой и обязательно с надписью на бампере или брызговиках: «Гудите, пожалуйста!». Этому призыву следовали все — и те, кого обгоняли, и те, кто без тени сомнения шел на двойной, а иногда и тройной обгон, — и даже водитель Бэрта, которому никак не удавалось вписаться в веселую и бесшабашную жизнь индийской дороги, гудел не переставая.

У Вишва Ювак Кэндра Бэрт вылез из скутера, расплатился и вернулся метров на сто назад — туда, где он заметил приоткрытую под развесистым деревом табачную лавку. Долго рассматривал пачки и наотрез отказался от предложенного мальчишкой-продавцом «Данхилла». Заплатил 50 пайс и взял маленький кулек биди — папиросок, сделанных из свернутого табачного листа.

В Международном центре отдельных комнат уже не было.

— Вам повезло, что осталось хоть это место, — объяснил клерк, направляя Бэрта в комнату, где месяц назад обосновался другой иностранец. — Он просил наделить ему отдельный номер, но тут уж ничего не поделаешь. — Клерк протянул Бэрту ключ от № 253.

— Второй этаж, налево.
Бэрт постучал и открыл дверь. Небольшая — метра четыре на три — комната. Большой балкон. Под потолком бешено вертится огромный вентилятор. Две параллельно стоящие кровати. На одной из них, поджав под себя ноги, сидел плотный невысокий мужчина. Шапка курчавых черных волос и огромная борода.

— Сосед? Ну что ж, познакомимся. — Мужчина легко соскочил с кровати и протянул руку. — Пепе. Полностью — Хосе Мигель Лопес Кордеро. Но это слишком сложно, правда? «Кордеро», кстати, по-испански — «козленок».

Пепе беззвучно засмеялся и тут же мягко отскочил на пару шагов назад. Полунапряженные руки прикры-

ли корпус и голову. Чуть согнуты колени, носок одной ноги подтянут к ступне другой, едва касается земли. Еще мгновение — и странный сосед уже стоял рядом с Бэртом, похлопывая его по плечу.

— Испугал? Не обращай внимания. — Опять тот же беззвучный смех. — Американец?

— Да. — Бэрт был слегка ошеломлен. — Бэрт Лэйн.
— Ага, большой братец. А я — чуть южнее. — Пепе опять захохотал. Казалось, он просто не умеет — или не любит — ставить точки в предложениях и заменяет их смехом. Бэрт улыбнулся.

Через полчаса, приняв душ, он с удовольствием разлегся на кровати.

— Одно спасение. — Сосед показал на огромный вентилятор. — Да еще вот это... — Он потрогал свою одежду. Бэрт присмотрелся. Свободный балахон шафранового цвета, спадавший, когда Пепе вставал, до самого пола. Действительно, гораздо практичнее его джинов, панцирем облепивших тело. Впрочем, о шафрановых балахонах он уже был слышан.

— Буддист?
— Нет что ты. — Пепе замахаля руками. — Хотя... Я как царевич Гаутама — знаешь, так звали Будду, пока он не отправился искать нирвану.

Пепе откинулся на подушки, изображая неземное блаженство.

— Он удрал от жены, и я вроде того. Только у него она была одна, а у меня — шесть. Правда, бывших. Зато дети настоящие.

Пепе опять потянулся к стоящей рядом тумбочке, но передумал и откинулся на кровати.

— И всем нужны деньги. Я и уехал. Напишу здесь книгу, стану знаменитостью. Я ведь психолог.

Бэрт повернул голову на подушке и посмотрел на соседа. Пепе воспринял это как знак недоверия.

— Доктор психологии и гипнотизер. Самый настоящий. Каратэ — это так, в прошлом. В тридцать пять лет интеллектуальная жизнь должна преобладать. Вот, смотри. — Пепе вытащил из тумбочки какой-то журнал и, развернув, бросил Бэрту. — Чтобы не сомневался.

С огромной, в разворот, цветной фотографии на него смотрел Пепе. Только без бороды, аккуратно постриженный да вместо робы — эlegantная белая «тройка». Пепе стоял в центре круглой площадки, театрально раскинув руки. Стена, огибавшая ее, наводила на мысль о греческом амфитеатре. И еще площадка напоминала арену корриды, где Пепе был удачливым тореадором. Сходство дополнялось тем, что у ног нового знакомого Бэрта лежал человек. Колени подтянуты к подбородку, рука сжимает внушительных размеров микрофон. С плеча свешивается на землю аккуратная коробка диктофона. Человек спит. Вокруг — ошеломленные люди...

— Это я могу. Усыпить, показать пару фокусов — и все. Пустяки. — Пепе соскочил с кровати и заходил по комнате. — А есть тут одна организация, вернее, секта. — Пепе ткнул пальцем в яркую ткань своего хитона. — Это их наряд. Называют себя «Ананда марг» — «Путь к блаженству». Так вот, они слушаются своего гуру — учителя — как бога, беспрекословно.

ПЛАУ

во всем. Он умеет полностью подчинить их волю. Ты представляешь: секта похищает детей, и уже через месяц те не признают родителей и отказываются возвращаться домой!

Через несколько дней Пепе взял Бэрта с собой. Скутер свернул в районе Саус Икстэнши, напротив торгового центра, и запелтал по узеньким улицам.

— Приехали.
Пепе показал на двухэтажный особняк. Он то и дело резко всем телом оборачивался, но на улице за ними не было ни души. Бэрт недоумевал.

— Ты что, боишься чего-то?
— Да нет, просто... — Пепе замаялся. — Понимаешь, я хожу не только в «Ананда марг». Тут рядом есть еще одна интересная контора. И они, как назло, что-то не поделили. Раньше было совсем плохо — резали друг друга, как Монтекки и Капулетти. — Пепе засмеялся, но тише, чем обычно. — Теперь поутихли. Но все-таки...

Пепе опять оглянулся и нажал на кнопку звонка. Дверь открылась почти мгновенно. В проеме стоял высокий худой мужчина в таком же, как у Пепе, шафрановом хитоне и в того же цвета тюрбане. Только если сосед Бэрта в этом одеянии был похож на загулявшего монаха, то анандамарговец производил впечатление неистового аскета.

— Прошу. — Он жестом предложил следовать за

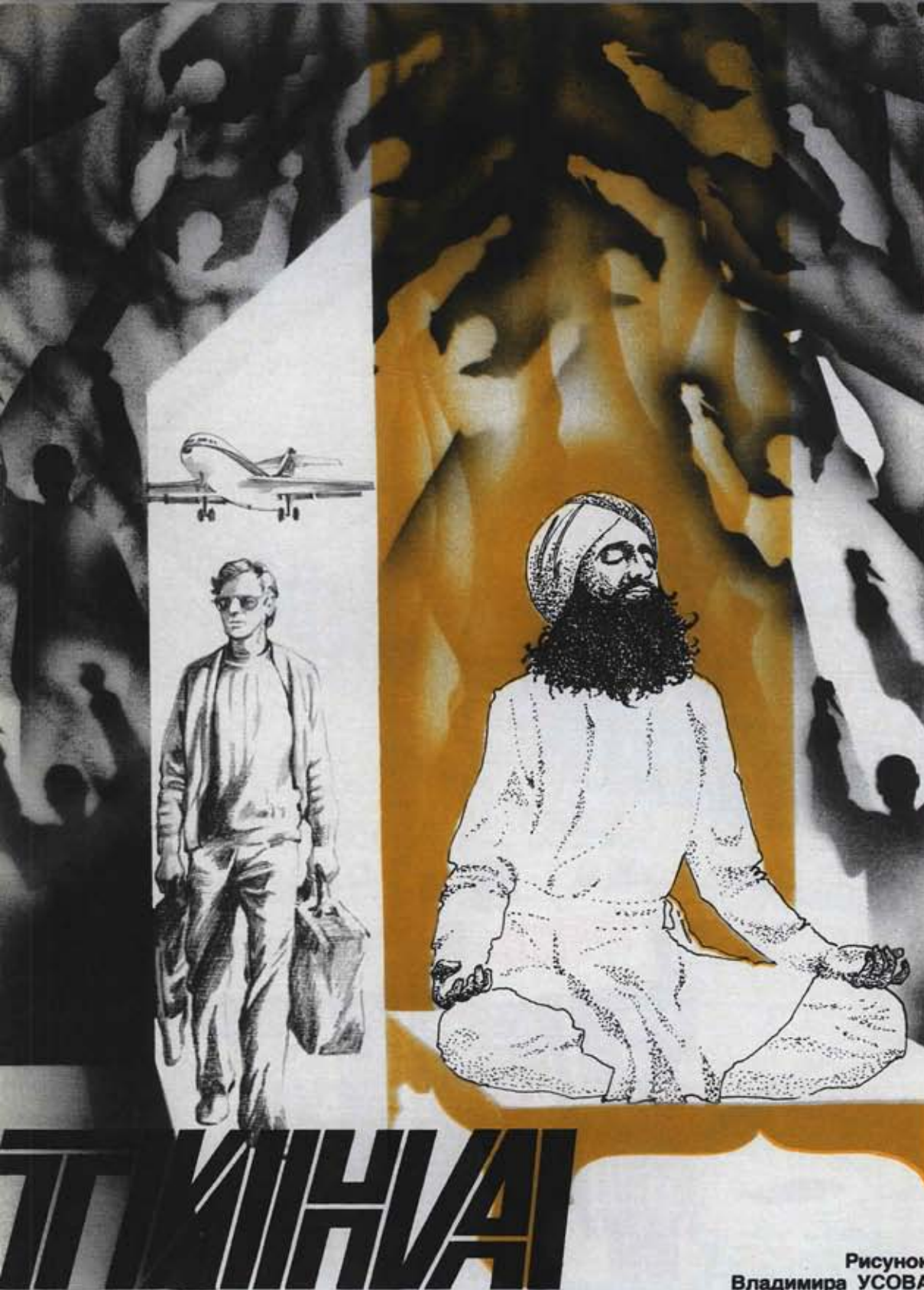

Рисунок
Владимира УСОВА

собой. По винтовой лестнице поднялись на второй этаж. Сколоченный из досок стол. По бокам — две скамьи. Сели.

— Я понял, что юноша хочет вступить в нашу секту, — начал анадмарговец.

Бэрт удивленно глянул на Пепе. Тот прикрыл глаза — соглашайся.

— Да, — Бэрт еще не решил, как ему себя вести. Если это интересно, то почему бы, собственно, и не попробовать? Могут же «Битлз» заниматься у того же Махариши Махеша...

— Я, правда, еще мало знаю о вас.

— Ничего. — Мужчина благожелательно кивнул. — Мы все объясним, а уж затем вы сделаете свой выбор. Мой титул — ачария, то есть наставник. Приходите, начиная с завтрашнего дня, около двенадцати.

...Бэрт с удовольствием ежедневно проделывал путь в дом «Ананда марг». Вещи, о которых толковал ему ачария, казались смешными и безобидными. Прежде чем войти в секту, учил ее основатель Саркар (его портрет висел в одной из комнат), нужно «очистить и успокоить тело». А для этого выполнить 18 ритуалов, один нелепее другого. Отказаться от лука и чеснока? Пожалуйста. В этом Бэрт был готов подчиниться. Но забыть про чай и кофе, когда в каждом магазинчике сотня сортов и того и другого? Правда, ачария предупредил: не все ритуалы соблюдаются так, как предписывалось во времена основа-

ния секты. Это, конечно же, относилось и к пункту, предписывающему, что новичок в ночь посвящения должен сидеть на свежем трупe.

— Романтика плюс экзотика, — рассуждал Бэрт, листая свод правил и законов «Ананда марг». — То, что мне и нужно.

Он, не раздумывая, согласился совершить обряд посвящения.

В тот день вечером Бэрта повезли за город, в лесное убежище — ашрам. Его поразило обилие черепов, разбросанных по маленьким мрачным комнаткам.

— Череп — обязательный атрибут ритуального танца — тандава, — объяснил ачария. — Он исполняется с черепом в одной руке и кинжалом — в другой. Это, — он ткнул пальцем в пустую глазницу, — символизирует бренность всего земного, а кинжал призван разрубить пути рабства и очистить путь к блаженству.

А потом пришла машина. Бэрта усадили на заднее сиденье между ачарией и еще одним незнакомым анадмарговцем. Окна были тщательно задернуты занавесками, но предосторожность была явно лишней. Даже при свете фар Бэрт с трудом различал в темноте очертания стоящих у дороги деревьев. Скоро съехали с асфальта, и скорость резко упала. Минут двадцать машина тряслась и стучала по ямам и корням деревьев. Потом остановилась. Слева в темноте зажегся — погас — опять зажегся фонарик. Водитель повторил сигнал светом фар.

— Вылезает. — Ачария первым вышел из машины. За ним — Бэрт. Третий шел за его спиной.

«Кладбище, — сообразил Бэрт, увидев холмики могил. — Экзотика плюс романтика...» Но ему стало не по себе. Ачария обернулся, подождал, пока Бэрт подошел вплотную.

— Не бойся. Ничего страшного не будет. А лучше — выпей!

А как же все табу? Бэрт с удивлением взял фляжку, которую ачария извлек откуда-то из складок хитона. Открыл. Нет, алкоголем не пахло. Он сделал пару глотков. Сладковатый молочный вкус.

— Пей, пей, — улыбнулся в темноте ачария. — Это вроде ваших транквилизаторов.

Пошли дальше. У могильных оград группками по пять-шесть человек стояли «шафрановые».

Бэрту подали ритуальный хитон, он накинул его поверх майки и шорт. Было совсем не страшно. «Наверное, из-за напитка», — благодарно подумал Бэрт. Он хотел сказать об этом ачарии, но того уже не было рядом. Вокруг большим кольцом стояли анадмарговцы.

В правой руке — кинжал, в левой — череп. Круг наступал на Бэрта. «Шафрановые» то шли, то застыли на широко расставленных ногах. Они были похожи на неуклюжих пауков, а почти прямые углы рук и ног напоминали свастику.

«Шафрановые» наступали на Бэрта, все выше откидывая согнутую руку с кинжалом. Сквозь какие-то радужные кольца в глазах он видел блеск стали, пытался отступить, спотыкался, почти падал. Десятки черепов, вздрагивающих на напряженных ладонях, смотрели на Бэрта, гримасничали и смеялись. Отступить было уже некуда. Бэрта окружила сплошная шафрановая масса. Глаза из-под ярких тюрбанов горели ненавистью. Кинжалы застыли над его головой. Бэрт закрыл голову руками и закричал.

Рядом появился ачария.

— Сядь. И смотри...

Бэрт обернулся туда, куда указал ачария, куда смотрели окружавшие его анадмарговцы. На земле лежал человек. Запрокинутое лицо его было залито кровью. Рука, торчавшая из разорванного рукава рубашки, была отрублена у локтя.

— Нет! Он же... он... — со страхом лепетал Бэрт.

— Сядь! — властно повторил ачария, и кто-то сильно толкнул Бэрта. Он упал на труп, и его пальцы коснулись страшного обрубка. Кожа на нем была теплой!

Бэрта вырвало. Его подняли, опять дали выпить сладкую жидкость. Сняли хитон и уложили на заднее сиденье машины. Севший впереди ачария что-то говорил. Бэрт уже ничего не понимал...

После той ночи Бэрт не появлялся в «Ананда марг».

Вскоре он сам стал сомневаться: а не происходил ли весь этот кошмар только в его воображении? То, что ачария подсунил ему наркотик, Бэрт уже понял... Рассказал всю историю Пепе. Тот в реальность сцены на кладбище не поверил.

— Гипноз плюс наркотик — что еще нужно? Скажи спасибо, эти подонки не внушили тебе, что ты сам кого-то прирезал...

Впрочем, ходить к анадмарговцам Пепе не советовал. Казалось, он был чем-то недоволен. Если раньше он частенько приглашал Бэрта сопровождать его в поездках по окраинам Дели («Надо, понимаешь, посмотреть, что представляют из себя и остальные секты»), то теперь приглашения прекратились...

Через несколько недель секта сама напомнила о себе. Бэрт собирался отправиться с утра за покупками. Ночью должен был начаться дивали — праздник огня и света, и он хотел запастись в маленьких лавчонках пиротехническими «принадлелностями». Но у подъезда ММЦ ждала машина, в которой сидели двое «шафрановых». Дверцы были открыты, и Бэрт увидел: ноги анадмарговца, сидевшего впереди, едва касались пола.

— Ты нам нужен, Вишвананд. — Маленький прыгнул с сиденья на землю. Второй открыл перед Бэртом заднюю дверцу.

— Мы все объясним. А сейчас мы просим вас поехать с нами.

Ехать в ашрам и дрожать там под взглядом ачарии в компании черепов неизвестного происхождения? И что еще за дурацкое имя? Бэрт повернулся, чтобы обойти машину.

— Послушайте, Вишв... мистер Лэйн, вам нечего бояться, — почти умолял маленький. — Все испытания вы уже прошли. Нам нужен ваш совет, ваша помощь. Всего лишь...

«Из учеников — в советники. Делаем карьеру», — улыбнулся Бэрт. Воспоминания о той ночи на кладбище здесь, под яркими лучами солнца, казались нелепыми. Бэрт сел в машину.

Приехали они не в ашрам и не на ту квартиру, где Бэрт был в первый раз, а в небольшой двухэтажный особняк в уважаемом районе Вест-Энде. Маленький провел его за собой на второй этаж, открыл дверь в комнату и пропустил Бэрта вперед...

Окончание следует.

ЛЕД И ПАРУС

Александр ХАРЧЕНКО.
 Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Однажды я спросил у экс-чемпиона мира таллинца Мати Куулманна, с чем можно сравнить гонку на буере. Мати подумал, усмехнулся и сказал:

— Представь, что сидишь в «Жигулях», у которых нет амортизаторов, выбито лобовое стекло и не работают тормоза. При этом ты несешься со скоростью двадцать пять метров в секунду. И все это на двадцатиградусном морозе.

— И все-таки получаешь удовольствие?

— Да, когда побеждаю. Все зависит только от себя самого. Сам строишь буюер, настраиваешь его перед стартом и, конечно, сам проходишь дистанцию.

На чемпионате Европы-82 Куулманну из-за поломки пришлось почти целую ночь менять на своем буере поперечный брус — на нем крепятся два основных конька. Усилия не пропали даром: его ледовая яхта «Виктория» оказалась самой быстроходной на этих соревнованиях.

Судя по историческим источникам, буюерный спорт зародился в начале XVII века. Родина его — Нидерланды. В одном из музеев Роттердама хранится старинная гравюра, на которой изображена обычная весельная лодка. Все бы ничего, да зима на дворе и лед на реке. Поэтому лодка, в которой уютно разместились десять человек, установлена на специальные полозья и вооружена парусом.

РАЗГОН.

сом. Так в XVII веке совершались поездки по замерзшим озерам и каналам.

В знаменитой таллинской башне «Толстая Маргарита», где размещился морской музей, можно увидеть модель буера, на котором в прошлые времена выходили на подледный лов эстонские рыбаки. Первый в России буюер был построен в 1819 году на судовой верфи Петербургского адмиралтейства. А в январе 1882 года в устье Невы состоялись первые буюерные состязания на дистанции в 32 версты.

Сто два года спустя на льду Невской губы были сделаны эти снимки, рассказывающие об очередном чемпионате страны. Борьбу за золотые медали вели гонщики на 88 буерах в четырех классах парусных судов.

Ленинградцы, пережившие блокады, помнят ледовые яхты военных лет с размещенными на них пулеметами. Тогда из буюеристов были сформированы специальные отряды. Под парусом уходили бойцы в разведку, через Ладогу переправляли раненых, перевозили

БУДУЩИЕ ЧЕМПИОНЫ.

КОРАБЛИ ЛЬДА И МОРЯ.

продовольствие и медикаменты, обезвреживали мины.

Прозвучал салют Победы, и снова вышли на старты мирные буюера...

В 1973 году на озере Галл в США прошел первый чемпионат мира по буюерному спорту. Поздравления принимал таллинец Айн Вильде. Спустя семь лет его успех повторил Куулманн, а в прошлом году третий эстонский гонщик Тийт Хаагма.

К сожалению, география состава Всесоюзной сборной буюеристов пока не так обширна, как того бы хотелось. Ленинград, Новосибирск, Рига и Таллин — вот города, где ледовая яхта обрела популярность. А ведь в стране действуют десятки яхт-клубов, многочисленные кружки при домах пионеров. Почему бы юным яхтсменам в зимние дни не попробовать, как это сделали жители эстонского города Тарту, поставить свои парусники на коньки. И тогда еще больше поклонников появится у красивого вида спорта.

Дом Кинкелей Леонид нашел по номеру на воротах и их фамилии на почтовом ящике с висячим замочком. Дача эта мало чем отличалась от соседних владений. Вилла в два этажа, насколько можно было разглядеть с улицы через решетчатые ворота и калитку, стояла в большом старом саду, ее белые стены наполовину прикрыты кустами, кронами буков и елей; перед фасадом кусты роз и еще какие-то цветы; между деревьями посыпанные гравием дорожки, зеленые полянки; от гаража к воротам ведет асфальтированный выезд. Двухметровый кирпичный забор скрывал остальную часть территории, и Леонид не мог определить, есть ли сейчас кто-нибудь на участке или хозяева в доме.

Рокотов прошел мимо ворот с видом человека, отыскивающего нужный адрес. И успел многое заметить: влажный след от автомобильных шин за воротами на асфальте, не запорты на замок гараж, пустой почтовый ящик, без газет и писем, — значит, кто-то из супругов или оба сейчас дома.

Он прошелся по пустынной улочке, вдоль таких же кирпичных оград с виллами, поглядывая вокруг и думая о том, где бы отыскать место, откуда удобно понаблюдать за домом Кинкелей. Разумеется, исподволь. Ходить взад-вперед не годится.

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

ПОВЕСТЬ

Вилла Владельца

Кое-где на улице у оград стояли автомобили — их владельцы, очевидно, заехали сюда ненадолго. Машина! Вот замечательное укрытие! Нужно такси.

Минут через двадцать Леонид подкатил в «Пежо» к вилле, расположенной против дома Кинкелей. Остановив машину так, чтобы видны были сквозь стекло калитка и решетчатые ворота этого дома, он сказал водителю, что хочет подождать приятеля, который обещал быть здесь через полчаса.

— Как вам будет угодно, мсье, — любезно сказал владелец такси и, достав очки, принялся читать вечернюю газету.

А Леонид с рассеянным видом уставшего человека рассматривал купленный по пути иллюстрированный журнал. Людей на улице почти не было, а те, что проходили, не обращали ни малейшего внимания на стоявшее у обочины такси.

На участке Кинкелей, за оградой, вдруг раздались яростный лай, рычание и хрип рвущегося на привязи пса. Потом послышался успокаивающий женский голос, и все стихло. «Что там? — подумал Леонид. — Да, собака у них есть. Кажется, ньюфаундленд... Ньюфаундленд на цепи? Почему? Или теперь у них другая собака? Сколько злобы было в лае — кто-то дразнил? Не свои же. Посторонний? Гость? А голос чей? Голос женщины — не дочери же их девятилетней принадлежит этот ласковый, грудной голос. Очевидно, вышла успокоить пса хозяйка. Вера Сергеевна Кинкель, жена Герберта. Его связная. Псевдоним «Анжелика». Она русская, по отцу, но мать у нее француженка. Да, это скорее всего она...»

Помимо словесного портрета супругов, по которому Рокотов мог легко опознать обоих Кинкелей, предусмотрительный Анфилов сообщил ему ряд житейских деталей, могущих пригодиться на первых порах при знакомстве с лозаннским радистом.

Прошел почталъон с кожаной сумкой, в форменной фуражке. В ящик Кинкелей у ворот опустил газету, конверт и позвонил, нажав кнопку на столбе. Известил хозяев, что пришла почта. Вот теперь кто-нибудь из них появится. Как будто кто-то идет там, за оградой. Звякнула щеколда, калитка открылась...

Леонид увидел среднего роста блондина с несколько впалой грудью и ссутуленными плечами. Длинные волосы аккуратно зачесаны. Очки. Крупный нос. На безымянном пальце правой руки обручальное кольцо. Одет он был по-домашнему: рубашка с расстегнутым воротом, туфли-шлепанцы. Да, судя по описанию Центра, это, безусловно, профессор Герберт Кинкель — «Зигфрид».

Блондин внимательно посмотрел в сторону стоявшего такси — дольше, чем следовало незаинтересованному человеку, и стал отпирать замочек на почтовом ящике. Леониду показалось, что профессор чем-то взволнован или кого-то ждет. Или боится полицейской слежки? Возмозжно. На вилле — радиопередатчик. Ладно. Не строй догадок. Для того ты и послан сюда, чтоб разобраться.

Кинкель, вынув из ящика письмо и газету, ушел, затворив за собой калитку. На этот раз он даже не повернул лица в сторону такси.

Леонид взглянул на часы. Он торчит здесь уже больше тридцати минут. Пора уезжать... Из окон второго этажа Кинкелю хорошо видна машина на противоположной стороне улицы. Не исключено, что он наблюдает. Не надо беспокоить его раньше времени — неизвестно, какую роль играет сейчас профессор. Да и хозяин «Пежо» за рулем что-то стал ерзать на своем сиденье: уже дважды вопросительно посмотрел на клиента, но пока молчит.

В этот момент мимо быстрым шагом прошел, насвистывая, парень в рабочем комбинезоне. Он появился сзади, из-за такси. В руке у парня был чемоданчик, другой рукой он придерживал моток проволоки, повешенный на плечо. У калитки Кинкелей рабочий остановился и позвонил. Похоже, хозяева вызвали водопроводчика. Вот для кого в любой час дня и ночи открываются двери всех домов, богатых и бедных — для обыкновенного водопроводчика! Стоп!

Это, кажется, идея. Нет, нет, водопроводчик или почталъон не годится: они слишком частые гости, обслуживают только этот район, все их знают в лицо. Нужно помозговать. Попасть в дом Кинкелей — но под видом кого?

А вот и супруга! Да, вроде она, Вера Сергеевна. Леонид прикрыл лицо закрытым журналом — успела ли она рассмотреть его в кабине? Вряд ли: уже смеркает, в кабине темно. Крупная, статная женщина с русыми локонами до плеч, в летнем платье на миг показалась в калитке, что-то сказала парню-слесарю и впустила его за ограду. Но она успела бросить взгляд на такси, быстрый, как бы между прочим. Сам Кинкель не вышел. Послал жену. Значит, им отсюда видна машина. Ну, это не столь важно. Важно другое: удалось ли им увидеть лицо Леонида, узнают ли они в том визитере, который явится в их дом, — надо еще решить, кого Леонид будет изображать, — пассажира, сидевшего в такси?

В обусловленное время Рокотов встретился с Фонтэном. Они поужинали в маленьком ресторанчике, из предосторожности не разговаривая о делах. А когда вышли на свежий воздух, окунулись, как в воду, в ночную тьму улиц.

Леонид рассказал Луи о своих наблюдениях и о том, каким путем он хочет проникнуть в дом радиста для предварительного контроля. Они обсудили эту возможность и пришли к заключению, что лучше всего подойдет роль монтера службы электросети: эти рабочие обслуживают не один какой-то район, а всю Лозанну, следовательно, жильцы квартир не могут помнить их всех в лицо. Что же касается познаний в электричестве, то в бытовой проводке и счетчиках Леонид разбирается. Завтра Луи достанет для него рабочую куртку и нужный инструмент — в городе есть лавочки, которые торгуют всякой всячиной.

Утром в спецодежде электромонтера, с необходимыми принадлежностями в чемоданчике Рокотов явился к Кинкелям. Позвонив, Леонид сказал открывшей калитку Вере Сергеевне, что он из городского отдела электросети, ему велено проверить в их доме состояние электропроводки и счетчики, так как в этом районе зарегистрирована большая потеря электроэнергии. Для вящей правдоподобности он сначала побывал в соседних виллах и осмотрел бытовую сеть там; теперь, возникли у супругов какие-либо сомнения, они могут позвонить в любой из ближайших домов и убедиться, что монтер приходил не только к ним.

Вера Сергеевна, скользнув по монтеру безучастным взглядом, провела его в дом. Идя за хозяйкой по аккуратной гравийной дорожке, Леонид невольно вздрогнул, когда из-за дерева с рычанием выскочила огромная черная собака и вскинулась на дыбы, хрипя на цепной привязи. Гулкий лай огласил окрестность.

— Простите, я забыла предупредить вас, что у нас злой пес, — дрогнувшим голосом проговорила хозяйка. Она сказала собаке несколько тихих, ласковых слов. Та успокоилась, отошла и легла под деревом у своей будки.

Это был красивый черный ньюфаундленд. Могучего сложения пес лежал сейчас на траве, сунув между мохнатых лап лобастую голову. Большие коричневые глаза собаки смотрели на пришельца пристально и вроде бы с печалью. «Что за нелепая причуда — сажать на цепь добряка-ньюфаундленда? — с удивлением подумал Леонид. — Добрее его среди других пород не сыщешь собаки, разве что сенбернара».

Из чувства такта Леонид не стал высказывать своего недоумения, наоборот, желая польстить хозяйке, похвалил сторожевой инстинкт пса и его послушание. Женщина, обернувшись, бросила на монтера быстрый, испытующий взгляд. Значение этого взгляда он тогда не совсем понял (в ее прозрачных серых глазах была смесь чувств и даже, кажется, боль). Но подумал, что она расценила его похвалу как насмешку, потому что мадам Кинкель никак не откликнулась на приятные для владелицы собаки слова.

Он пробыл у Кинкелей недолго, минут пятнадцать. Работа контрольного монтера не могла занять много времени, но и этого на первый раз было вполне достаточно, чтобы оглядеться в доме радиста. Ле-

онид проверял действие электросчетчиков, качество наружной и внутренней проводки, переходил из комнаты в комнату, поднимался на второй этаж виллы и спускался опять вниз. Мимоходом отметил, что из верхних окон действительно, как он и предполагал, отлично просматривается значительная часть улицы. А в просторной угловой комнате наверху — кабинете, увидев на полированном столике прекрасный многоламповый приемник немецкого производства, Рокотов понял, что именно с его помощью Зигфрид получает радиотелеграммы из Москвы. Профессор сидел здесь же, на диване, с газетой в руках. Он только взглянул на вошедшего монтера, поздоровался и больше уже не обращал на него внимания.

И еще одну любопытную деталь отметил про себя Леонид: госпожа Кинкель не сопровождала монтера в его хождениях по вилле, как это было в других домах, где за ним по пятам следовали почтенные дамы или служанки. Вера Сергеевна, казалось, не интересовалась, чем там занимается рабочий-электрик и где он находится в данную минуту. Но стоило ему сойти по ступенькам к подвальной двери, как она появилась на площадке лестницы и любезно сказала:

— У нас эта дверь заперта, мсье. Вам что-нибудь там нужно? Эта проводка для освещения. Она в исправности. Но мы редко пользуемся подвалом. — И голос ее был в тот момент ровен, даже любезен, ни тени волнения...

Но опять же эти подробности Леонид восстановил после, когда уже знал, что произошло здесь. А тогда он почти не придавал значения этой обычной в общепринятой доглядности хозяйки богатого дома. Он потрогал массивный висячий замок на дверях погреба и, пробормотав, что ему нет нужды туда заходить, раз мадам говорит, что проводка в порядке, поднялся по лестнице наверх. Правда, его несколько удивила несообразность между словами Веры Сергеевны и тем, что он успел рассмотреть. В подвал тянулись, кроме старого электрошнура, безупречно проложенные умелой рукой по ступенькам три тонких провода в новенькой изоляции. Зачем столько проводки для осветительных ламп, даже если их в подвале несколько?

То главное, что сильно встревожило Рокотова, а затем Фонтэна, дав им понять, что дело, видно, нешуточное, произошло, когда Леонид вышел из дома Кинкелей и уже направился в сопровождении хозяйки к калитке. На повороте дорожки он вдруг заметил боковым зрением или, может, почувствовал, как по лицу его мелькнул солнечный зайчик. Леонид невольно обернулся в сторону виллы. И сразу увидел в проеме распахнутого окна второго этажа человека с нацеленным на него фотоаппаратом. Человек тотчас же повернулся спиной и скрылся. Значит, это блеснула линза объектива. Вероятно, он успел сделать

снимок. В ту комнату косо падал солнечный свет, и Леонид успел разглядеть за эти две-три секунды, что стоявший у окна был высокий мужчина в очках, по-видимому, с позолоченной оправой, потому что она желто сверкнула. На профессора он был не похож: во-первых, лицо, во-вторых, очки. У Кинкеля стекла в черной роговой оправе.

Шедшая впереди Вера Сергеевна, кажется, ничего не заметила. Или делала вид, что не заметила. Знала ли она, что его будут фотографировать? И зачем нужно снимать обыкновенного электромонтера? Что могли заподозрить Кинкеля? Где он допустил промах? Может, агенты здешней секретной службы «сели ему на хвост» и ведут от самой границы? Полиция или контрразведка? В доме нашего радиста?! Чепуха! Неужели Кинкель... А может, Папаша ведет двойную игру? Нет, быть не может! Надежный товарищ. Брось, милый, брось! Ты отлично знаешь: в нашем деле бывает всякое. Идет борьба, борьба не на жизнь, а на смерть—кто кого! Тебе это знакомо. Собирайся, будь начеку. Начинай распутывать. Но осторожно.

Рокотов уходил со смутным предчувствием беды. У него есть серьезный противник—это несомненно. Затаившийся, опытный враг.

Глава четвертая

Леонид любил и умел рисковать. Еще в Испании товарищи удивлялись его дерзости в операциях. Начальство же иногда хвалило, когда дело венчалось успехом, иногда поругивало, когда удачливость изменяла молодому разведчику. Но тут на одной отгаде далеко не уедешь!

Фонтэн посоветовал Шардону воздержаться пока от посещения виллы, назначив радисту свидание где-нибудь в городе. Рокотов же намеревался сразу, после предупредительного телефонного звонка, отправиться к Герберту Кинкелю на дом: личность Шардона уже не представляет тайны для неизвестных заинтересованных лиц—фотографию они имеют, и, кроме того, так или иначе, все равно придется туда пойти: необходимо проверить содержание получаемой Зигфридом информации, послать радиотелеграмму в Москву и т. д. Ведь это одна из главнейших частей задания Центра. Подумав, Леонид принял вариант Папаша. Не считая гарантии некоторой безопасности, он был очень полезен, так как давал возможность выяснить, будет ли установлена за Леонидом слежка.

Справившись по адресной книге, Рокотов позвонил на виллу к Кинкелям.

— Слушаю,—раздался в трубке приятный, мягкий голос, и Леонид узнал этот голос, но для верности спросил:

— Простите, это квартира профессора Кинкеля?
— Да. А что вам угодно, мсье?
— Извините, мадам, с кем я говорю?
— Я супруга профессора Кинкеля,—отозвалась женщина.—Простите, а вам кто нужен? С кем я говорю?

— Я хотел бы поговорить с профессором, мадам. Видите ли, я старый знакомый Герберта, мы давно не виделись с ним, много лет. Зовут меня Жан Шардон, но вы, очевидно, меня не знаете. Я приехал сюда ненадолго—подлечиться, отдохнуть и очень хочу воспользоваться случаем повидать профессора. Вы не могли бы позвать его к телефону?

— Мужа... нет дома сейчас,—с некоторой заминкой произнесла госпожа Кинкель.—Он на занятиях в университете, ведь Герберт теперь преподает в Лозанском университете. Он вернется домой после лекций, вероятно, часов в двенадцать. Если угодно, мсье Шардон, вы можете навестить Герберта в это время.

— Благодарю, мадам, вы так любезны! Я непременно воспользуюсь вашим приглашением. Мы с Гербертом не виделись с ним знает сколько лет, мне так хочется повидаться с ним!

— Приходите, пожалуйста, мсье Шардон, только предварительно позвоните после двенадцати. Надеюсь, он не задержится.

Положив трубку, Леонид подумал: «Если он действительно сейчас в университете, мне лучше переждать его где-нибудь там и предварительно побеседовать, да, это будет лучше...» И, позвонив в приемную ректора, Рокотов заинтересовался, в котором часу заканчивает свои лекции профессор Кинкель. Но секретарша ответила, что профессора сегодня не было на занятиях: он болен.

«Итак, мадам солгала, и солгала неумело,—думал Леонид.—Зачем? Если Кинкель заболел, какой смысл скрывать? При встрече это тоже необходимо выяснить».

Как было условлено, после двенадцати Леонид позвонил профессору домой и, когда к телефону подошел Герберт Кинкель, назвал пароль для связи, и получил правильный ответ. Затем, для дополнительного контроля, как было указано Центром, передал привет от господина Трюбо (псевдоним Анфилова, под которым тот был известен Герберту Кинкелю).

Профессор понял собеседника и просил при случае передать господину Трюбо самые лучшие пожелания. Убедившись таким образом, что у телефона не кто иной, как Зигфрид, Рокотов предложил повидаться в два часа дня в кафе на набережной, у лодочной станции. Хотя они не знакомы, добавил Леонид, узнать его будет нетрудно по светлому костюму в полоску и вчетверо сложенной газете в руках; высокий брюнет с худым лицом, очки не носит. Профессор ответил, что располагает временем и придет к назначенному часу.

Контакт был установлен, встреча оговорена. Но разговор Рокотову не понравился, вернее, не само содержание их беседы (тут все прошло гладко), а голос и тон Кинкеля. Голос профессора дрожал, звучал то ли робко, то ли смущенно. В первое мгновение, когда Рокотов произнес слова пароля, человек на другом конце провода вообще замолчал, и у Леонида мелькнула мысль, что это не Кинкель, но потом, пробормотав извинения, Зигфрид сказал верный отзыв. Видимо, сначала он растерялся. Речь его прерывалась, будто кто-то или что-то мешало ему, а конец беседы Кинкель завершил такой быстрой скороговоркой и так поспешно повесил трубку, словно хотел поскорее закончить разговор.

В назначенное время Зигфрид на встречу не явился. Леонид подождал в кафе еще около часа, читая газету и потягивая «фендант»—легкое швейцарское вино, затем вышел и из уличного автомата позвонил профессору.

К телефону подошла госпожа Кинкель.

— Ох, простите ради бога, мсье Шардон!—дрожащим голосом воскликнула она.—Я ждала вашего звонка. Герберт не мог прийти: он заболел! Простите, пожалуйста! Мужу внезапно стало плохо, это у него бывает: камни в печени. Я вызвала врача, уложила Герберта в постель, у него были сильные боли, но сейчас ему немного легче. Он очень сожалеет, что так вышло, мсье Шардон, просит извинить его, но он не знал, куда вам позвонить, чтобы предупредить... Так нелегко получилось!..

— Ну, что вы, мадам!—возразил Рокотов, сосредоточенно вслушиваясь не только в слова, а и в оттенки голоса собеседницы.—Суши пустяк! Встретимся в другой раз. Герберту сейчас нужен полный покой, необходимые процедуры. Я понимаю, у меня тоже здоровье пошаливает. Если позволите, я позвоню вам завтра.

— Нет, нет, дорогой мсье Шардон! Приходите к нам сегодня... приходите вечером. Врач обещал быть скоро, он... назначит процедуры, а вечером вы можете прийти.—Голос заинался и вибрировал: госпожа Кинкель явно была в сильном волнении.—Герберт сейчас, правда, лежит, но к вечеру ему наверняка станет лучше—боли проходят у него обычно через два-три часа. Герберт говорит: пусть вас это не смущает, он будет очень рад повидать вас. Так что приходите, непременно приходите!

— Вы считаете, что это можно? Не причину ли я беспокоюсь...

— Думаю, нет... Ну, взгляните хоть на часок!

Если волнение собеседницы было вполне объяснимо, то это ее настойчивое приглашение навестить больного сегодня казалось странным. Поколебавшись секунду, Леонид сказал:

— Что ж, если мой визит будет необременительным, я обязательно взгляну к вам на часок, но беспокоюсь, только на часок!

Слежку Рокотов засек еще на набережной, когда миновал лодочную станцию: за ним шел молодой, изысканно одетый щеголь с точно-красивым лицом. Леонид ускорил шаг, потом резко повернул назад, стал подниматься по лестницам. Франтик не отставал. «Да,—подумал Рокотов,—похоже, что началось: этот тип слонялся возле кафе, когда я поджидал Зигфрида. Нужно предупредить Фонтэна».

По пути в гостиницу, меняя направления, Леонид исподволь наблюдал за «хвостом». Тот будто прикинул к нему. Шагая, Рокотов пытался отгадать, почему радист не явился. Болезнь, конечно, чепуха. Кинкель испугался? Не исключено, если судить по телефонному разговору. Но есть что-то другое, не только страх, наверняка есть! Ему запретили выходить на встречу? Это, пожалуй, поближе к истине. Запретил тот, кто ведет игру и от кого Кинкель зависит. Ну, ладно, допустим. Цель? Навязать ему, Рокотову, свою волю, поставить его в худшие, а себя в более выгодные условия...? Значит, Кинкели не союзники.

Поднявшись к себе в номер, Леонид понаблюдал из окна, как «хвост» прошлепал по тротуару мимо «Централь-Белью». Потом он исчез из поля зрения, видимо, где-то укрылся и держит под наблюдением входную дверь в отель. А Рокотову нужно непременно повидать Луи. Возможность обмануть агента имела: если попасть через кухню ресторана в подсобные помещения, то их коридоры выведут к служебной двери во двор (Леонид проверил этот запасной выход, как всегда делал, в день вселения в «Централь-Белью»). Он позвонил Фонтэну, сказав, чтобы тот

ждал его. А затем быстро, не обращая внимания на удивленные лица поваров, почти пробежал кухню, длинные коридоры подвалов и выскочил в тихий двор, тенистый от густой листвы деревьев. Укрывшись за штабелями порожних бочек и ящиков у входной двери, осматрелся. Лощеного фронта, что плелся за ним до гостиницы, не было видно.

Своей энергичной, размашистой походкой Леонид быстро миновал несколько соседних дворов и кружным путем вышел к отелю, где снимал номер Папаша. Удостоверившись еще раз, что слежки нет, Рокотов поднялся на второй этаж гостиницы, постучал в комнату Фонтэна и рассказал ему, что случилось.

Луи не одобрил его решения пойти к Кинкелям, считая, что сперва следует выманить радиста из дома, а уж потом в зависимости от обстоятельств предпринимать другие действия. Насупившись, капрал дымил своей кривой трубочкой и ворчал. В сложившейся ситуации, говорил он, такой шаг опрометчив. Телефонный звонок представителя Центра, конечно, всполошил хозяев виллы. Луи готов держать пари, что они там пригостили хорошенький сюрприз! Зажав трубку в крепких белых зубах, Фонтэн язвительно цедил слова: мсье Шардон руководит операцией, ему, разумеется, виднее, как лучше поступить, он, Луи, выполнит все его указания, даже поможет попасть в лапы полиции, коли ему приспичило лезть на рожон...

Улыбаясь, Леонид похлопал Папашу ладонью по широкой спине.

— Веселый вы человек, Луи! Так уж и на рожон! Просто ваш вариант отпал, вернее, он не понравился нашим партнерам. Нужно принимать те правила игры, которые они там выбрали. Пока, во всяком случае. Главное, дорогой мой, сейчас—не подавать вида, что мы чем-то обеспокоены или что-то подозреваем.

Помолчав, Фонтэн согласился.

— Ладно, валяйте,—сказал он.—Только оттуда, если там все в порядке, вы мне позвоните. Я буду ждать у себя в гостинице. Ну, а если от вас звонка не будет, тогда... тогда с вами что-то стряслось, и мне нужно выручать вас.

— Нет,—возразил Леонид,—вам нельзя вмешиваться. Это приказ Центра. Вы очень нужны здесь, Луи. Каждый должен делать то, что ему поручено. Если от меня не будет звонка, значит, дело плохо. Тогда вы обязаны известить Москву, что на вилле лозаннского радиста провал. Что предпринимать в этом случае, Центр скажет. Возможно, дальнейшее проведение операции поручат вам. Это еще одна причина, почему вам самому нельзя ни во что вмешиваться. Условимся так: вы ждете моего звонка до девяти вечера, затем ждете еще час, и, если я не подаю о себе знать, вы отошлете радиogramму в Центр, как договорились.

Фонтэн ткнул кулаком с трубкой в пиджак Рокотова:

— А ты мне нравишься!

Они крепко пожали друг другу руки и простились до вечера.

...Калитку Рокотову отворила Вера Сергеевна. Вероятно, ввиду ожидаемого прихода неизвестного человека (конечно, муж предупредил ее, что это представитель Центра) хозяйка была одета в темное, строгое платье, облегающее ее статную, полную фигуру, на ногах лакированные туфли-лодочки на высоком каблучке. Несмотря на то, что вечер был теплый, госпожа Кинкель зябко укрывала плечи и грудь пуховым платком. Она с растерянностью и недоумением рассматривала смуглого брюнета в элегантно костюме и белой сорочке с галстуком, который был копией того длиннорукого, проворного малого из энергосети, что приходил накануне.

— Моя фамилия Шардон. Я звонил господину профессору. Если не ошибаюсь, мадам Кинкель? Как себя чувствует ваш муж, может быть, его не стоит беспокоить?

Серые прозрачные глаза женщины смотрели на Леонида с откровенным испугом. В замешательстве она ступила в сторону, давая возможность гостю пройти, платок соскользнул с плеч и упал бы на землю, если бы гость не подхватил его на лету.

— Пожалуйста, мадам.

— Благодарю вас,—смущенно проговорила она.—Простите, с этим внезапным приступом болезни у мужа я сама не своя. И тоже словно захворала—возможно, простудилась... Муж ждет вас. Рада познакомиться, мсье Шардон.—Она протянула Леониду красивую белую руку.

«Все как по нотам,—с усмешкой подумал Леонид.—Ей теперь, разумеется, тоже нездоровится! Слишком банально играют. Поглядим, что дальше».

Идя к дому за госпожой Кинкель, он увидел перед раскрытой дверью гаража синий «ситроен» образца тридцать восьмого года, приобретенный владельцем, вероятно, до войны. Возле автомобиля валялись брошенный домкрат, запасное колесо, передняя дверца водителя приоткрыта. Кто же это занимался ремонтом? Профессор? Но он нездоров. Или хозяин пригласил автомеханика? Не Вера же Сергеевна лазает под

Рисунок
Вениамина КОСТИЦЫНА

машину с домкратом и катает тяжелые колеса?!

Как бы прочтя его мысли, госпожа Кинкель на ходу обернулась к гостю и сказала:

— Сегодня Герберт проколол шину, когда возвращался из университета. Начал чинить и внезапно почувствовал себя плохо, так все и бросил. Я в этом ничего не смыслю — муж занимается, хотя водить я умею. Но сколько мороки с этой техникой, не правда ли? У вас есть свой автомобиль, мсье Шардон?

— Нет, мадам, я продал свой автомобиль. Во Франции бензин на вес золота, выдают его по талонам, очень мало: все идет на нужды немецкой армии.

«Она опять солгала неудачно, — подумал Леонид. — Если он куда-то ездил, то не в университет. А я разговаривал с Кинкелем по телефону в начале первого, потом с ним якобы случился приступ, и он не явился на встречу. Сейчас семь. С того времени, когда он мог заниматься ремонтом, прошло не менее шести часов. А передняя дверца машины до сих пор открыта, и тряпка, которой профессор вытирал руки, валяется на земле. Если бы он захворал, то послал бы жену хотя бы прибраться возле машины. И потом: на проколотой камере никуда не уедешь, колесо меняют в пути. Ну, допустим, что она перепутала, — это не прокол, другой ремонт. Но дверца! Не сообразили захлопнуть ее, чтобы ложь была убедительна. Значит, господин профессор совсем недавно возился с автомобилем».

Еще с улицы, до того как позвонить у калитки, Леонид посмотрел, есть ли в окнах второго этажа виллы условный знак, извещающий, что в дом радиста можно войти. В инструкции Центра говорилось, что, если все в порядке, Кинкели должны выставить на подоконник вазу с яблоками, а если встреча будет назначена на вечер, — осветить окно, отдернув одну из штор. В случае же опасности этих знаков не будет. Сейчас Рокотов еще раз взглянул на растворенные верхние окна — на подоконнике по-прежнему стояла ваза с красными яблоками: можно входить.

Лохматый ньюфаундленд уже стоял у своей деревянной будки с задраным вверх пушистым хвостом, пристально уставившись на незнакомого человека. С приближением чужого огромный пес со звоном натянул цепь, и его глухое рычание стало угрожающим.

— Фу, Джозеф! — сказала госпожа Кинкель. — Перестань, это свои!

Когда Рокотов вошел в гостиную в сопровождении госпожи Кинкель, то увидел на диване смятый плед, а хозяин встретил его в халате и ночных тапках. Профессор, как и его супруга, был поражен метаморфозой, учиненной мсье Шардоном: он узнал в нем монтера.

— Да, да, понимаю, понимаю... — растерянно повторял он. Профессор явно был смущен и не умел это скрыть.

Душевное напряжение обострило все чувства Леонида, его зрение и слух отмечали малейшую фальшь в поведении супругов. Он видел, каким испуганным взглядом обменялись муж и жена, как скованы их движения и речь, как Герберт в волнении хрустит суставами пальцев и отводит в сторону глаза и как

нервничает Вера Сергеевна, откидывая руками за плечи длинные локоны. Рокотов понимал, что они уже догадываются, зачем он приехал, и что тайное появление его под видом монтера свидетельствует, что у него какие-то подозрения, а Центр, безусловно, не доверяет им, поскольку не известил о посылке своего уполномоченного. Чтобы укрепить Кинкелей в этом мнении и использовать психологическое преимущество, Леонид спросил профессора напрямик:

— Простите, но мне необходимо знать: в доме, кроме нас троих, есть еще кто-то?

— О, что вы! Нет, нет! — опередив мужа, поспешно проговорила мадам Кинкель. — Мы строго соблюдаем конспирацию. Мы одни — можете быть спокойны, мсье Шардон!.. Прошу прощения, я оставлю вас ненадолго: мне нужно приготовить ужин.

Профессор проводил жену взглядом и снова хрустнул пальцами.

— Да, да, конечно, — машинально произнес он. — Прошу вас, садитесь сюда или вот сюда, на диван, куда угодно... располагайтесь, прошу.

Леонид сел на диван, достал из кармана пиджака пачку сигарет. Заметив это, хозяин предложил:

— Не хотите ли попробовать сигару, мсье Шардон! Я не курю, но, говорят, превосходный сорт — гавайские, мне презентовал коллега в прошлом году. Да... а вот жена курит, прежде не курила, а теперь... не сигары, конечно... — Он взглянул сквозь стекла очков на гостя и замолк.

Леонид поблагодарил, сказал, что давно не курил хороших сигар — ведь сейчас таких не достанешь даже на черном рынке, — и взял из инкрустированного ящичка на низком столике толстую сигару с золотой этикеткой. Хозяин предложил выпить по рюмочке, вынул из бара в серванте бутылку французского коньяка, принес три рюмки, ящичек с сигаретами, пепельницу и поставил все это на столик перед гостем.

— Скажите, пожалуйста, мсье Шардон, как поживает господин Трюбо, от которого вы передали мне привет по телефону? — вдруг спросил Кинкель и впервые с момента прихода гостя посмотрел на него прямым, внимательным взглядом умных темно-карих глаз.

«Похоже, теперь он меня проверяет, — подумал Леонид. — Что ж, больше, чем ему известно о Трюбо, он от меня не узнает». И ответил с улыбкой:

— Здоровье у господина Трюбо богатырское! Работает как вол.

— И где вы с ним виделись, если это не секрет, конечно?

«Он сомневается, действительно ли я прислан Центром. Он прекрасно знает, что Трюбо в Москве и я не мог с ним видеться».

— Нет, товарищ Зигфрид. — Леонид усмехнулся. — Мы с ним не виделись. Господин Трюбо в Москве. Ведь он переписывается с вами, не так ли?

Герберт Кинкель смеялся, пробормотал извинения и вышел из гостиной, сказав, что попросит жену приготовить кофе. Когда он вернулся, пробыл в кухне несколько дольше, чем требовалось для такой отлучки, Рокотов сказал, что ему необходим на пару дней

хороший фотоаппарат — не увлекаются ли профессор или госпожа Кинкель любительским фотографированием?

В эту минуту в гостиную с чашечками кофе вошла хозяйка, она слышала последнюю фразу гостя, и Леонид видел, как Вера Сергеевна, побледнев, метнула на мужа испуганный взгляд, но тот не заметил предупреждения. Да, ответил Герберт, у них есть аппарат, но они редко им пользуются — иногда делают снимки по случаю каких-нибудь семейных событий для домашнего альбома, и если господина Шардона устроит аппарат фирмы «Кодак», профессор будет рад вырчить мсье — аппарат в его распоряжении.

— Он прекрасно работает, мсье, — сказала жена, ставя на низкий столик чашки с кофе, — но фотографии мы оба никудашные. Лучшее, что есть в нашем семейном альбоме, сделано нашими друзьями, которые знают в этом толк. А мы с Гербертом только портим пленку да и, признаться, редко берем аппарат в руки. По-моему, вот уже месяца два совсем не фотографировали, так, кажется, дорогой?

— Да, месяца два, Верочка, месяца два, — подтвердил Кинкель. Он хрустнул по привычке пальцами, но, заметив в глазах жены упрек, расцепил руки, положив на колени, затем, желая их чем-то занять, снял с круглого носа роговые очки, достал из футляра бархотку и стал протирать ею стекло.

По тому, как супруги старались не смотреть один на другого, как избегали встречаться взглядом с гостем, как деланно безразличны были их напряженные лица, Леонид понял, что они встревожены, что его удар попал в цель. «Они догадались, что я видел, как меня фотографировали из окна виллы, и пытаются разуведеть». Он поблагодарил за любезно предложенный фотоаппарат и спросил, нельзя ли посмотреть альбом с фотографиями, чтобы определить качество изображения, получаемого с помощью их «Кодака». Хозяйка охотно согласилась удовлетворить просьбу гостя, принесла толстый альбом.

— Прошу, мсье, — сказала она. — Позвольте, я сяду возле вас и буду давать пояснения, если вас что-то заинтересует из нашей семейной истории. Но пейте, пожалуйста, кофе! Герберт, налей и мне рюмку. Я посижу с вами немного, пока у меня жарятся бифштексы.

Выпив коньяку, она прикурила сигарету от предложенной гостем закигалки. Лицо хозяйки, овальное, с чистым лбом и мягкими чертами, порозовело, даже белая круглая шея покрылась пятнами. Это можно было отнести за счет действия алкоголя, но Леонид видел, что сильное волнение не покидает госпожу Кинкель.

Переворачивая твердые листы альбома и объясняя гостю, что за люди запечатлены на фотографиях, она вдруг умолкла на полуслове. То ли из деликатности, дабы не быть навязчивой, то ли не желая посвящать постороннему в жизнь и судьбу близкого ей человека. О своих родителях Вера Сергеевна тоже рассказала совсем немного. Они были сняты и вместе и порознь. Теперь Леонид понял, чьи портреты в рамках висят на стенах в гостиной. А два других старика интеллигентной наружности на парной фотографии рядом с теми,

по-видимому, родители Герберта. Отец Веры, Сергей Иннокентьевич Иванников, был изображен на отдельном снимке в белой рубашке с открытым воротом; умные светлые глаза за стеклами пенсне, русая шевелюра, волнистая русая борода. Дочь лицом больше походила на него, чем на мать — красивую брюнетку с ярко подкрашенными губами сердечком.

Сергей Иннокентьевич Иванников, учитель петербургской гимназии, эмигрировал в Швейцарию после поражения революционного восстания 1905 года. Обратный путь на родину ему был закрыт: его судили заочно за подпольную работу и приговорили к пожизненной каторге. Сергей Иннокентьевич женился на молодой француженке, дочери известного адвоката, переселившегося с семьей из Парижа в Женеву. В 1908 году у молодой четы родилась девочка, которую по желанию супруга назвали Верой — именем в некотором смысле символическим для русского изгнанника. До Октябрьской революции Иванников не дождался: он скончался в 1916 году от туберкулеза легких, застуженных в сырой камере Петропавловской крепости, где просидел несколько месяцев перед революцией 1905 года. Мать Веры в 1926 году вторично вышла замуж за богатого американца и уехала с ним в Соединенные Штаты, оставив взрослую дочь, учившуюся тогда в Женевском университете, на попечение своих родителей. Потом Вера Сергеевна вышла замуж за немецкого эмигранта Герберта Кинкеля, а мать и сейчас живет в Америке.

— А это, наверное, ваша наследница? — спросил гость, указывая на смеющегося ребенка, снятого голышом на кровати. — Эрика, не так ли? И это, полагаю, она же — сколько ей здесь лет?

— Да, это Эрика, наша милая девочка, — ответила госпожа Кинкель, и голос ее сорвался. Она быстро перевернула страницу альбома. Удивленный этим, Леонид с тревогой подумал: уж не случилось ли беды с их дочерью, может быть, она умерла? Ведь он еще не видел ее в доме, не слышал ее голоса в саду, да и родители ни словом не обмолвились о ребенке. Стараясь выбрать слова, чтобы неосторожным вопросом не причинить боль матери и отцу, Рокотов сказал:

— На вид вашей Эрике здесь лет десять.

— Ей девять, — обронила, не подымая глаз, Вера Сергеевна.

— Уже ходит в школу. Сегодня она, наверное, задержалась или гостит у подружки? Что-то ее не видно. Надеюсь, мадам, вы познакомите меня с вашей дочерью? У меня тоже есть дети, двое — сын и дочь. Госпожа Кинкель быстро, в упор, взглянула на Шардона. Лицо ее побледнело. Казалось, она не может произнести ни слова. За нее ответил муж.

— Видите ли, — начал он с посуравешим, но решительным лицом. — Наша дочь больна... болезнь у нее с детства — слабое сердце. Мы отправили ее в клинику в горы... Целебный воздух, тишина... врачи. Иногда она приезжает домой или мы с женой ездим к ней. Думаю, здоровье Эрики поправится.

Вера Сергеевна вдруг вскрикнула, поспешно встала с дивана и быстро, с платком у глаз, вышла из комнаты.

Леонид сконфузился.

— Простите, пожалуйста... Я не хотел...

— Ничего, вы тут ни при чем, — забормотал профессор, — ничего, она поправится... нужно время... мы так любим Эрику.

Желая сгладить свою промашку и перевести разговор с неприятной для хозяев темы, Рокотов стал делиться впечатлениями о тихой, умиротворенной жизни в нейтральной Швейцарии, сравнивая ее с тревожной и трудной жизнью в оккупированных странах. Потом исподволь перешел к деловой беседе, расспрашивал Кинкеля, всегда ли хорошо он слышит радиостанцию Центра, нет ли претензий к операторам московского узла связи по качеству их работы, надежен ли его передатчик, есть ли у Зигфрида запасные лампы для замены перегорающих. Имея поручение Центра непременно проверить все «хозяйство» лозаннского радиста, Рокотов попросил Герберта показать передатчик и, когда хозяин достал из потайного отделения в книжном шкафу портативный аппарат, остроумно вмонтированный в ящик из-под патефона, внимательно осмотрел его и понял, что передатчик у Зигфрида отличный, с достаточной мощностью.

Беседуя, они сидели в кабинете профессора на втором этаже виллы, перейдя туда из гостиной. От наблюдательного Леонида не ускользали малейшие изменения в лице хозяина. Он был в каком-то странном, угнетенном состоянии — будто на похоронах близкого человека. Сидел он скованно, на вопросы отвечал скупо. Леонид с участием спросил, хорошо ли чувствует себя профессор, может, им лучше отложить дела до завтра.

— Нет, благодарю, вас, я чувствую себя вполне удовлетворительно, — возразил Кинкель. — Продолжим, если хотите.

— Мне надлежит еще проверить получение и отправку информации для Центра, — сказал Рокотов. — Поэтому я должен буду еще раз, к сожалению,

потревожить вас. Когда ваша супруга встречается завтра с курьером? В двенадцать? Хорошо. Я буду у вас завтра в восемь вечера, если это вас устраивает. Сегодняшний сеанс связи у вас в котором часу? Ага, в ноль тридцать. Отлично! Еще не скоро.

Леонид посмотрел на часы. Кинкель машинально тоже взглянул на свою «омегу» в золотом корпусе с широким браслетом на руке — прекрасные швейцарские часы довоенного выпуска, свадебный подарок жены.

— У меня к вам, Герберт, еще такая просьба, — продолжал Леонид, пересаживаясь в кресло к письменному столу и доставая из кармана пиджака отрывной блокнот. — Отправьте, пожалуйста, сегодня же от моего имени вот такую радиogramму. И он написал на листке несколько слов. — Меня, наверное, уже потрепали, — добавил он и улыбнулся, протягивая Кинкелю листок с текстом. Но рука профессора застыла на полпути, а сам он с изумлением и, казалось, испугом смотрел на что-то, находившееся за спиной гостя.

Рокотов резко обернулся в кресле. На пороге кабинета в распахнутых дверях стояла хозяйка. У нее было такое потрясенное лицо, словно на эту женщину внезапно обрушилась беда, и первым внутренним движением Леонида было желание броситься ей на помощь, но он сдержал себя, оставив сидеть. Только руки его крепко сжали спинку кресла. Вера Сергеевна приложила палец к губам, призывая к молчанию, а широко раскрытые глаза ее были полны отчаяния и страха. В руке она держала листок бумаги. Но сказанные ею слова совершенно не вязались с ее видом.

— Простите, что я помешала вашей беседе! — высоким, взвинченным тоном произнесла госпожа Кинкель. — Наконец я могу накормить вас: ужин готов. Мсье Шардон, прошу вас! Герберт! Стол уже накрыт. Потом вы сможете вернуться к вашим делам.

Говоря это, она порывисто подошла к мужу и, прижав к дрожащим губам пальцы, отдала ему бумажку. Быстро прочтя, профессор вскинул голову, секунду молча смотрел в глаза жены, крепко сжимая ее руку.

— Сядь, дорогая, посиди немного. Ты, наверно, устала, — хрипло сказал он. — Сейчас мы пойдем ужинать.

Она села на диван, прижавшись к нему, а он обнял ее за плечи, и оба посмотрели на смуглого черноволосого человека за письменным столом так, как будто и верили и сомневались в нем. Еще не понимая, что произошло, Рокотов почувствовал, что сейчас случится нечто чрезвычайное. Такое ощущение бывало у него в минуты опасности. Напрягшись, он молча ждал.

Герберт с бледным, бесстрастным лицом встал и положил на стол перед Шардоном бумажку, переданную Верой Сергеевной. Одновременно он коснулся плеча гостя и показал, что нужно читать про себя.

— Жена права, мсье Шардон! Сначала нужно накормить гостя, а уж потом вести деловые переговоры: сытый желудок делает человека добрее, — попытался пошутить профессор. — Ужин и отменное вино ждут нас, и хотя вино мне противопоказано, по случаю нашей встречи Вера разрешит мне еще одну рюмку...

Он еще что-то говорил и говорил, а Леонид, дважды пробежав глазами записку, уже понимал, отчего так словоохотлив стал прежде сдержанный Кинкель, и, выигрывая секунды, чтобы принять правильное решение, тоже включился в их разговор, сознавая, что должен обязательно говорить и говорить самым естественным, непринужденным тоном, будто ровным счетом ничего не случилось. Вот когда сработала его редкая выдержка, благодаря которой Рокотов не раз избегал смерти. Леонид чувствовал себя почти спокойным, только тело стало необычно легким, воздушным, как будто лишилось веса семидесяти пяти килограммов.

— Ужинать так ужинать! — поднимаясь с кресла, весело сказал он. — Могу вам признаться, мадам, я с удовольствием съем все, что вы предложите! Позвольте мне называть вас Верой Сергеевной? Мое имя — Жан.

Все время, пока Леонид читал записку и потом говорил, Герберт и его жена не спускали с него глаз. Последние слова гостя словно оживили их.

— Да, да, мсье Жан, пожалуйста, — с усилием проговорила хозяйка, — можете называть меня по имени и отчеству, мне будет очень приятно. — Вера Сергеевна готова была расплакаться.

Но Леонид энергичным жестом показал, чтобы она взяла себя в руки.

— Кстат, Герберт, чтобы не забыть, — сказал он, — возьмите текст телеграммы для Центра. Тут всего несколько слов. Ришар — это мой псевдоним.

«Лозанна. Центру. Молния, — прочел про себя Кинкель. — Прибыл благополучно. Приступил к выполнению задания. Завтра после поступления свежей информации от источников свяжусь с вами в обычное для Зигфрида время. Ришар».

Одной рукой Герберт все еще крепко обнимал жену

за плечи, и Вера Сергеевна невольно, забывшись, тоже прочла написанную по-немецки радиogramму. Хотя Анжелика и была связанной в группе, она не имела права читать сообщение Рокотова, но теперь это уже не имело никакого значения, потому что...

Разговаривая о каких-то пустяках с Гербертом, Леонид сжег в пепельнице записку госпожи Кинкель и как ни в чем не бывало отправился следом за хозяйкой вниз, в столовую. На ходу Вера Сергеевна, поймав его руку, порывисто пожалала ее, благодарно посмотрев страдающими, наплаканными глазами. Он покивал ей, успокаивая, и сам теперь приложил палец к губам, а жестом дал понять, что нужна бумага, чтобы писать.

Идя к Кинкелям, Рокотов был готов ко всяким неожиданностям, но о таком он и помыслить не мог. Радиоквартира в руках немецких агентов! Они в доме, подслушивают каждое слово, контролируют каждый шаг хозяев виллы, и он, выполняющий задание Центра, угодил в их западню!

«Мсье Шардон, — писала Вера Сергеевна в записке, уничиженной Леонидом, — ради всего, что для вас свято, умоляю вас, пока вы в нашем доме, ни слова вслух о том, что я вам сейчас сообщу! Поклонитесь в молчании: я страшно боюсь за нашу дочь. Мы попали в руки немецких агентов. Эрику они похитили и грозятся убить ее, если мы откажемся выполнять их приказы. Двое из них находятся в подвале дома, во всех комнатах микрофоны, они подслушивают все разговоры. Поэтому ни слова лишнего, пока вы тут. Известить Центр Герберт не мог — они убили бы нашу девочку: поверьте, эти ужасные люди способны на любое преступление! Что делать, помогите нам! Мы потеряли голову. Я так боюсь за Эрику! Нам так стыдно и больно обманывать вас и Центр! Но что же делать, мсье, что же нам делать?! Подумайте, помогите нам, ведь так продолжаться дальше не может! Мы обещаем помочь всем, что в наших силах, только вырвите нас из этого ужаса! За вами, наверное, уже следят. Они запретили Герберту идти на назначенную вами встречу, приказали сказать больным, чтобы заставить вас прийти сюда. Простите и поймите нас! Телефонные разговоры тоже контролируются теми, что в подвале, учтите это. Герберту велено сказать больным, не ходить в университет и вообще не отлучаться из дому».

Записка была написана карандашом, наспех — в порыве решимости, отчаяния, — некоторые слова незакончены.

Леонид не думал о себе. Он давно уже привык не слишком заботиться о собственной жизни... Но это не только полный провал, это гораздо хуже: немцы контролируют всю информацию, получаемую Кинкелями от источников, и принудили Зигфрида к соучастию в обмане Центра. Значит, они ведут радиопрограмму, именно поэтому Кинкель им необходим, поэтому они выбрали тактику шантажа и запугивания... Однако положение сложное — как быть? Они, конечно, не остановятся перед убийством, и не только Эрику.

В тот момент, когда Герберт положил ему на стол записку жены и Леонид дважды прочел ее, не веря своим глазам, он поразился самоотверженности этой женщины. Отчаянно-смелый поступок Веры Сергеевны — смысл прежние сомнения Рокотова — теперь он верил Кинкелям до конца. Они не предадут, они друзья и союзники, оказавшиеся в исключительно тяжелом положении.

Теперь, когда он знал, что случилось, прежние его подозрения либо исчезли, либо подтвердились. Кое в чем Леонид ошибся, но многое, что он приметил, нашло свое объяснение. И странное поведение Кинкелей, и отсутствие в доме их дочери, и яростный лай почему-то посаженного на цепь ньюфаундленда. Теперь Леонид знал, кто фотографировал его из окна виллы и что за провода тянутся в запертый подвал этого дома. Хотя по вине Кинкелей он угодил в капкан, ему не оставалось ничего иного, как простить попавшим в беду товарищам их вынужденную ложь.

Спускаясь по лестнице со второго этажа в столовую, Леонид видел русые локоны идущей впереди Веры Сергеевны и думал о ней со смешанным чувством благодарности, жалости и горечи. Эта на вид мягкая, серьезная дама и ее муж решились на смертельную игру, когда, по сути, осталось мало шансов на выигрыш. Враг пробрался в их дом, крепко держит за горло, но они все-таки решились. Отважные люди! Уже один этот поступок обязывает Рокотова помочь им. Да, он вступит в вынужденную опасную игру, станет третьим партнером Кинкелей и будет вести ее, пока не найдет способа спасти их. Фон-тэн — вне игры, но его помощь нужна еще больше, чем прежде. Центр будет информироваться через Луи.

Сейчас нужно постараться узнать от Кинкелей все о случившемся. А если немцы схватят его здесь? Вряд ли. Это не в их интересах, раз они занялись радиопрограммой: его исчезновение встревожит Центр, расстроит их планы. Вероятно, это люди из абвера или СД. Они не станут действовать опрометчиво, а в молчании Кинкелей они уверены.

Продолжение следует.

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

И. ШХВАЦАБАЯ,
академик АМН СССР,
директор Института
клинической кардиологии
АМН СССР

ВНИМАНИЕ К СЕБЕ

Наш век многое изменил в отношении человека к собственному здоровью. С одной стороны, необычайная мнительность, чтение популярных книжек и желание испробовать любой исцеляющий препарат, с другой — полное забвение элементарных норм, гарантирующих здоровую активную жизнь, а значит, жизнь долгую и счастливую.

Мне бы хотелось поговорить о вещах простых, но во многом влияющих на будущее каждого, кто еще считает, что молодость — состояние вечное.

Артериальное давление, конечно же, измеряется реже, нежели температура тела. Этим начинают интересоваться в определенном возрасте. Кардиологи же вынуждены заниматься им намного раньше. Ювенильная гипертония — повышенное давление крови в детском, юношеском, молодежном возрасте — явление, требующее особого внимания. Это такое состояние, которое сохраняется на грани между физиологической нормой и патологическим отклонением, последствия которого в более зрелом возрасте вызывают тревогу.

Сегодня примерно 10—14 процентов взрослого населения и 6 процентов молодежи больны гипертонией.

Сразу уточню: ювенильная гипертония — еще не гипертоническая болезнь, это ее предшественник, но из этого может развернуться то, что мы называем типичной клинической картиной.

Сегодня этой проблемой усиленно занимаются врачи многих стран, проблема исследуется на уровне международного сотрудничества в рамках СЭВ.

Повышение кровяного давления в момент исследования надо рассматривать как показатель неблагоприятия в системах кровообращения и регуляции. Повышение давления чаще всего ассоциируется с определенными моментами. Например, нарушением обмена. Юноши и девушки, склонные к ожирению, имеют и повышенный уровень кровяного давления. Так же, как лица, имеющие особый склад характера. Неблагополучие в семье, стрессовые ситуации в школе, институте, на производстве — это факторы, способствующие развитию отклонений от нормы кровяного давления.

Если не проявить серьезного внимания к режиму и поведению школьника, подростка, студента, не исключено развитие самой настоятельной болезни.

Существенную роль играют и наследственные факторы. Те молодые люди, чьи родители гипертоники, должны об этом помнить. Наблюдения в школах, ПТУ, где давление измеряют два раза в год, показывают, что в большинстве случаев те, у кого оно было повышенным в момент первого измерения, как правило, сохраняется и во второй раз. А это уже сигнал опасности!

Все, что связано с режимом, поведением, отношением к себе, взаимодействием с миром, в конечном итоге и определяет возмож-

ность возникновения болезни. Это серьезная проблема, потому что за гипертонией стоит другая патология, которая следует параллельно, — атеросклероз!

Активное выявление людей, имеющих склонность к заболеванию, — очень важная задача. Как это сделать в молодежной среде, если молодые считают себя здоровыми? Врачи есть во всех организациях, где учатся или работает молодежь. Любой профосмотр должен быть целенаправленным. Я думаю, что объединение усилий всех врачей в целом поможет государству и отдельным лицам. Например, пришел человек с зубной болью (что само по себе может повысить давление), и медсестра, записывая его, может измерить ему давление, обратив внимание на любое отклонение. Нет, мы, кардиологи, не перекладываем свои заботы на плечи других, мы хотим объединить усилия, чтобы помочь многим, кто не знает о болезни, которая уже началась.

Если школьник, студент или молодой рабочий раз в году поинтересуется своим давлением, в этом нет ничего зазорного, напротив, есть возможность помочь самому себе.

Мы стремимся, чтобы такой интерес был привит и поддерживался в норме, далекой от панической заботы о своем здоровье с раннего возраста. Его не стоит возводить в культ, который подавляет психику и одновременно увеличивает давление. Еще более опасно ограничение себя в активности.

Тут есть одна сложность, которую кардиологи уже ощутили. За молодежью трудно проследить. После шестнадцати лет ситуация меняется с каждым годом: школа, ПТУ и техникум, затем производство, армия и вуз. «Догнать» молодого человека и наблюдать за его здоровьем практически невозможно. Что делать? Профилактические мероприятия, которые проводятся во всех звеньях нашей системы, достаточно эффективны. Чем может помочь профилактика? И может ли она вообще предотвратить сердечно-сосудистые заболевания? Да, может. И первое, что мы неустанно рекомендуем, — это АКТИВНАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ. Стремление некоторых родителей, чтобы их дитя обязательно училось именно там, где престижно, часто приводит к нагрузке, которую молодой организм не выдерживает. Активная позиция каждого должна соответствовать тем возможностям, которыми он располагает.

Активная жизнь помогает в укреплении здоровья. Пассивная позиция, отказ от всего, что представляют собой труд, физическая и эмоциональная нагрузка, окажут плохую услугу.

При ювенильной гипертонии физические упражнения, при которых снижается вес, оказывают благоприятное воздействие на молодых людей, предрасположенных к гипертонии.

Меня всегда огорчает, когда слышу, что не каждый может попасть в бассейн или на теннисный корт. Но ведь есть и доступный всем оздоровительный бег! Не надо забывать о нем.

Второе обстоятельство — вредные привычки. Прежде всего курение. Опираясь на опыт многочисленных исследователей, можно утверждать: молодежь курить не должна! Это подрывает основы здоровья!

В молодом возрасте происходит формирование всех систем, регуляций и обменных процессов. Никотин, действуя на центральную нервную систему, на рецепторную систему, которые определяют возможность взаимо-

действия различных агентов, угнетает обмен веществ. Рост молодого организма должен происходить в условиях нормальных, не отягощенных ничем! Если бы молодые люди хотя бы частично представляли, что происходит с тонкими структурами миокарда (сердечной мышцы) у курящих, они бы ужаснулись, сколь безжалостны они бывают к своему сердцу.

При курении очень страдает и легочная система, что рано или поздно приведет к развитию онкологических заболеваний. Рак легкого! Один из важных моментов, определяющих заболевание, — курение.

Когда я вижу, как курят девушки, я ужасаюсь: так не курят даже взрослые мужчины! Я удивляюсь, как они не падают в обморок, поглощая огромное количество никотина, причем с такой жадностью, будто они в нем нуждаются. Они уби и в ают себя каждой вдыхаемой порцией. Для девушек курение особенно страшно, поскольку оно крайне неблагоприятно влияет на гормональную систему будущих матерей.

Особо помнить о своем здоровье должны те, у кого есть наследственные предпосылки — гипертония у родителей. Они должны знать о соответствующем контроле за состоянием здоровья и выполнять разумные рекомендации, исключающие возможность тяжелых стрессовых ситуаций. Это ни в коем случае не относится к физическим нагрузкам. Речь о нормальной физической работе, об активном участии в общественной жизни.

О ЧЕМ НАДО ПОМНИТЬ

Если у школьника или студента обнаружено повышенное артериальное давление, необходимо обратить внимание на следующие моменты:

Загруженность. На время сократить чрезмерные занятия в кружках и секциях.

Свободное время. На свежем воздухе нужно находиться не меньше 2—3 часов в день.

Отдых (ночной и дневной) должен быть более продолжительным.

Питание. Ограничение острых и соленых продуктов, сокращение потребления жидкости до 1,5 литра в день. От жирных, мучных и сладких блюд временно отказаться.

Микроклимат в доме. Полное исключение семейных конфликтов.

Профилактика курения. Должна начинаться с младших классов, когда школьники практически не курят.

Физическая активность. Постоянные занятия физкультурой и спортом. Важное дополнение: выбирать занятие по душе.

Витаминизация. Начиная с октября, когда постепенно начинают истощаться запасы витаминов, школьнику необходимо давать поливитамины «ундевит» по одному драже утром, а кроме того, стакан фруктового, овощного или ягодного сока.

Ученые провели профилактическое вмешательство в жизнь 113 школьников с повышенным артериальным давлением (в течение 13 месяцев). Рекомендации были таковы: ограничение употребления поваренной соли, также жиров и углеводов, увеличение продолжительности сна до 9,5—10 часов, ежедневная гимнастика, занятия спортом, прогулки перед сном.

Анализ итогов показал, что цифры артериального давления стали ниже, а следовательно, уменьшен риск заболевания.

Инфаркты у двадцатилетних... Они уже не редкость. В последние годы инфаркт помолодел. «Смена» писала однажды о юноше, перенесшем инфаркт в восемнадцать лет. В одной из московских клиник находилась двадцатилетняя девочка после инфаркта. Это, конечно, случай, но, к сожалению, зарегистрированный факт.

Без сомнения, предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям закладывается уже в детском возрасте. Именно тогда в большой мере и начинают формироваться факторы ишемической болезни сердца — повышенное артериальное давление, избыточный вес, курение, малая физическая активность, нарушение углеводного обмена.

Институт профилактической кардиологии провел исследования и выделил ряд принципиальных позиций. Вот они.

● Из 10 процентов школьников, имеющих повышенное артериальное давление, половина сохраняет его и во взрослом возрасте.

Повышенное давление не носит случайный характер; при повторном измерении через 3—5 лет сохраняется у 40 процентов школьников.

● Подростки, родители которых (мать или отец) страдали артериальной гипертонией, имеют более высокое давление по сравнению со школьниками, у родителей которых давление было нормальным.

● 30 процентов школьников имеют повышенное содержание холестерина в крови.

● 80 процентов полных детей, вырастая, остаются полными.

Было обследовано 4 тысячи студентов технического и медицинского вузов. Повышенное давление (свыше 140/90) у студентов первого и пятого курсов составило соответственно: в техническом вузе — 11 и 17 процентов, в медицинском — 13 и 30. Число курящих на первом и пятом курсах составило 15 и 30 процентов.

● Школьники 11—12 лет с точки зрения высокой физической активности (занятия самостоятельные, в секциях) самые благополучные — 66 процентов мальчиков и 45 процентов девочек занимаются спортом.

● Начиная с 13 лет вовлеченность в занятия спортом неуклонно снижается. К 16 годам лишь 35 процентов мальчиков и 9 процентов девочек продолжают занятия.

Результаты проведенных исследований очень тревожат ученых. Как сохранить и укрепить здоровье? Можно ли избежать сердечно-сосудистых заболеваний или понизить вероятность их возникновения?

Ученые говорят: да, это в наших силах.

Визитная карточка

воспитанного человека

Беата БУШЕЛЕВА, кандидат педагогических наук

Уважаемая «Смена»!

Я старый человек, мне 80 лет. И мне очень хочется видеть нашу молодежь высокообразованной, физически крепкой и высококультурной.

Однако вот что я наблюдаю: редко кто из молодых людей знает правила поведения в обществе. Спрашиваешь, например, парня или девушку: «Кто кому первый должен подавать руку при знакомстве?» И очень многие не могут правильно ответить на этот в общем-то простой вопрос.

Со мной в госпитале лежали четыре солдата — все с высшим или среднетехническим образованием, но ни один из них, как я выяснил, не знает многих элементарных правил поведения человека в обществе, хотя производят они впечатление грамотных и хороших ребят.

Напечатайте несколько статей на эту тему. Откуда же знать молодым людям правила этикета — ведь в школе, к сожалению, этому не учат.

Михаил Иванович СТАРУНОВ,
ветеран войны, Рига.

Уважаемая редакция!

Культура общения людей основана на соблюдении определенных правил, которые вырабатывались человечеством на протяжении тысячелетий. Правила эти именуются этикетом. Пожалуйста, напишите о важнейших нормах и традициях нашего, советского этикета.

В. СЯБЕШЕВ, Смоленск.

Эти и другие письма с подобной просьбой часто встречаются в нашей редакционной почте. Выполняя пожелания читателей, мы начинаем публикацию статей о культуре поведения, о правилах хорошего тона.

КАК СЕБЯ ВЕСТИ

Мне кажется, что такого хобби, как у меня, ни у кого больше нет.

Дело в том, что уже более двадцати лет я пишу статьи и книги о культуре поведения, об этикете, о правилах хорошего тона, выступаю с лекциями на эту тему и... собираю записки и письма с вопросами.

Я люблю свою коллекцию. Написанные на неровных клочках листков из ученических тетрадей, на полосках газетных полей, на страничках из записных книжек, на обратной стороне входных билетов и даже на оберточной бумаге с запахом сыра, эти записки о многом рассказывают. Например, о том, как менялось отношение молодежи к этикету, к правилам хорошего тона. Вот листки, пожалтевшие от времени: «Товарищ лектор, а зачем нам вообще эти выдумки представителей буржуазии?», «Вы уверены, что комсомольцу нужны правила хорошего тона?», «Вот вы сказали, что, войдя в комнату, где есть несколько людей, надо одинаково

приветливо поздороваться со всеми. А если в комнате находится человек, которого я считаю своим врагом?». Это 50-е годы. В семидесятых интонации меняются: «Что же все-таки значит «быть воспитанным»?», «Культурный и воспитанный человек — это одно и то же?», «Интересно, кто придумал этот самый этикет и прочее?».

Перебираю записки последних лет. Они оставляют ясное ощущение, что почти никто уже не воспринимает этикет, правила хорошего тона как нравственные категории второго сорта. Все реже мелькает в них сомнение: а не служат ли приличные манеры маской для прикрытия нравственных пороков? Почти не встречается опасений по поводу того, как бы соблюдение норм этикета не лишило поведения естественности, свободы, раскрепощенности. Записки убеждают, что большинство молодых людей воспринимают воспитанность, знание норм этикета и хорошие манеры как социально необходимые, ценные и привлекательные черты личности. Все просто хотят знать, как следует себя вести воспитанному человеку в той или иной ситуации, чтобы окружающим было с ним хорошо и приятно, чтобы их поступки не травмировали чужие души, чтобы общение принесло радость и удовлетворение. Вот, к примеру, несколько таких вопросов:

«Как вести себя девушке, если молодой человек пригласил ее в гости: соглашаться или нет?»

«Надо ли здороваться, если я каждый день человека встречаю на остановке, но мы не знакомы?»

«В коридоре стояли учителя. Я шел мимо и говорю своей классной: «Здравствуйте, Елена Семеновна». А она говорит: «Когда же ты станешь воспитанным?» А что я такого сделал?»

«Я отказалась танцевать, а парень спрашивает, почему. Должна ли я объяснять ему?»

«Правда ли, что курицу надо есть руками? А я вроде слышал, что теперь это правило изменилось?»

«Говорят, что молодым девушкам не следует пользоваться духами. Если так, то зачем их столько выпускают и знакомые нам дарят в основном духи?»

А вот просто головоломка: «Предположим, я гуляю с двумя девушками. Одной 18 лет, а другой 22. Если придется подавать им пальто, то которой сначала? И где мне идти по улице: слева от них или посередине?»

И, наконец, вопросы, без которых не обходится ни одна лекция: «Что читать о культуре поведения? Где достать книги об этикете? Почему у нас так мало выпускают книг о том, как себя вести?»

Как ни странно, но раньше действительно молодой человек мог отправиться в книжную лавку и приобрести, например, обстоятельное руководство «Как сделаться джентльменом. С приложением дуэльного кодекса». Невинную девушку наставлял на жизненный путь «Подарок прекрасному полу, или Наставление молодой девичке при выборе супруга». Войдя в возраст, эту книгу можно было сменить на не менее «ценное» издание «Благовоспитанная женщина, или Уменье держать себя с тактом дома и в обществе». Пожилого мужчину просвещал доктор Вагнер в солидном сочинении «Тайна успеха в женском обществе». Этот опус — «краткое руководство для лиц, желающих сделаться приятным в дамском обществе, основанное на законах психологии».

Надеюсь, читатель понимает, что я не собираюсь пропагандировать подобную литературу. И названные

книги, и многие другие, изданные в дореволюционные годы, представляют собой невообразимую смесь сословных и классовых предрассудков, нелепых условностей, слащавых сентенций и пошлых рецептов.

Тем не менее это не означает, будто книги по этикету не нужны. В последние годы, кстати, их стали издавать большими тиражами. Посмотрите список, который опубликован в конце статьи. Вы увидите книги советских авторов и специалистов из социалистических стран. Количество названий изрядное, а все не хватает. Спрос, как говорится, опережает предложение. И остается только радоваться тому, как много юношей и девушек хотят стать обаятельными, вежливыми, корректными, симпатичными — воспитанными людьми.

Как же этого достичь?

Для начала неплохо бы разобраться в том, что же такое воспитанность. Качество это непростое, состоит из многих элементов. Давайте рассмотрим его как кроссворд: по горизонтали и по вертикали.

Мы со студентами пединститута делали это вместе со школьниками четвертого класса. Вырезали из бумаги белого человечка, приколотили его кнопками к доске и спросили ребят: «Как вы думаете, он воспитанный человек или нет?» Ребята посоветовались, пошумели и, несколько смущаясь неопределенности, отвечали: «Непонятно. Информации маловато. Трудно сказать. Он никакой». За это мы и ухватились: «Правильно. Никакой. А давайте сделаем его воспитанным. Пусть каждый подарит ему какой-нибудь признак воспитанного человека». Предложения посыпались как из рога изобилия: вежливый, здоровается, говорит волшебные слова, аккуратный, чистый, у него дома порядок, место старушкам уступает, в гостях ничего не ломает и т. д. Через некоторое время наш человечек был в орле добродетелей. Если же перевести бесхитростные детские высказывания на взрослый язык, то окажется, что ребята понимают главное. **Воспитанность** — это умение щадить, беречь и уважать окружающих и соблюдать общепринятые среди людей нормы поведения, это внешняя привлекательность и вкус в «оформлении себя» и, наконец, это умение красиво и прилично удовлетворять свои обыденные потребности в еде, отдыхе, комфорте и т. п.

Вспомним широко известное письмо А. П. Чехова к брату Николаю, где он дает характеристику воспитанных людей: «Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки... прощают и шум, и холод, и пережаренное мясо, и остроты. Не лгут они даже в пустяках. Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...»

Не правда ли, несмотря на всю условность, наша схема легко накладывается на живой портрет. Таким образом, воспитанность по горизонтали — это культура общения, культура внешности и культура быта.

«Вертикальный» анализ воспитанности помогает ответить на вопрос, как стать воспитанным, как происходит формирование этого качества.

Прежде всего необходимо знание норм и правил этикета. А что это такое? В практике человеческого общения миллионы раз повторяются одни и те же ситуации: встреча, услуга, благодарность, знакомство, прощание, выражение чувства симпатии, разделенная трапеза и т. д. Естественно, что постепенно сложились наиболее удобные, разумные формы поведения в подобных ситуациях. Вот этот обобщенный, откристиализованный опыт и составляет сущность этикета, он и закреплен в его правилах.

Знание правил этикета — необходимо, хотя и недостаточное условие воспитанности. Однажды в вестибюле молодежного кафе пришлось наблюдать такую сценку. К гардеробу подошли молодой человек и девушка, совсем еще юные. Видно, впервые им пришлось оказаться вместе на людях. Парень — высокий, немного неловкий, а подружка его — маленькая, тоненькая, хрупкая. Юноша взял верхнюю одежду у гардеробщицы, водрузил себе на голову шапку (чтобы не мешала) и подал своей спутнице пальто. Делал это он, наверное, первый или второй раз в жизни (маме не подавал, сестре — тем более, девочкам из класса — «невелики барыни, сами оденутся»), а потому стеснялся: отвернулся, покраснел и вдобавок так взял пальто за плечи, что в рукава попасть практически невозможно. У девушки опыт подобных услуг, видимо, тоже невелик. Шарилла она, бедняга, руками по воздуху, но где там! Девушка трагическим голосом шепчет: «Витька, ниже!» Он глянул, что там, внизу, — и с размаху пальто чуть ли не на пол... Короче, ушли они, весьма недовольные друг другом. А почему? Парень ведь знает, что надо оказать услугу спутнице. Но одного знания, как видно, недостаточно. Необходимо еще и уметь выполнять определенные действия. Все знают, что вилку следует держать в левой руке, а нож в правой. Но многие ли умеют именно так ими пользоваться? Пожать руку, приветливо поклониться, пропустить человека в дверях, пододвинуть старшему или женщине стул, сесть, встать, подать оброненную вещь — все это надо уметь. Как не согласиться с

А. С. Макаренко, который писал: «Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым—это не пустяк!»

Умение достигается постоянным упражнением и тренировкой. Пожилую заслуженную актрису ее ученицы спросили: «Как вам удается быть всегда такой элегантно, корректно, непринужденно?» Она покачала своей седой головой и сказала: «О, это не просто дается. В детстве, помню, матушка по десять раз заставляла меня входить в комнату с воображаемыми гостями, пока я не научилась делать это естественно и без манерничания». Конечно, лучше всего вырабатывать такое умение в раннем возрасте. Но если это не было сделано, начать никогда не поздно.

Истинно воспитанным можно назвать только того, у кого выработаны устойчивые и прочные привычки поведения. Привычка—это способность производить нужные действия без особого контроля сознания. В привычке действие словно бы автоматизируется. Представьте себе: студент и я одновременно подошли к институтской двери. Студент остановился и начал размышлять: «Вот со мной у дверей оказалась преподавательница, женщина, к тому же не очень молодая. Мы должны уважать женщин. Они несут на своих плечах много забот и тягот. Уважение проявляется в разных формах, например, в вежливости. Я должен проявить вежливость и потому пропущу ее вперед...» После таких размышлений он открывает передо мной дверь с приветливой улыбкой. Боюсь, что при этом мы оба опоздаем на занятия.

Воспитанный человек поступает правильно не потому, что он долго думал, выбирал и наконец пришел к верному решению, а потому, что иначе он поступить не может. Юноша не может, например, сидя разговаривать со стоящей женщиной или не вынуть при этом сигареты изо рта; он не может оттолкнуть женщину или толкнуть человека от дверей автобуса; бросить окурки на тротуар, а лавровый лист из супа на скатерть. Пройдя первым в дверь, он не может отпустить ее перед идущим сзади, а обязательно придержит, задев или обеспокоив кого-нибудь, тут же извинится и т. д. Вот это все и есть привычки. Ценность их состоит в том, что они освобождают сознание от мелких забот и позволяют ему заниматься более важными делами.

Итак, три ступени: знание, умение, привычки—составляют вертикальную структуру воспитанности как качества личности. Здесь все одинаково важно, но фундаментом все-таки является знание. Невоспитанный человек—невежа—тот, кто не «ведает», не знает правил поведения. Было в русском языке и слово «вежа». Так одобрительно называли знатоков правильного обхождения, вежливых, сведущих в обычаях людей.

Совокупность же правил поведения, которые необходимо знать воспитанному человеку, и называется этикетом.

БУКВА И ДУХ ЭТИКЕТА

Приходилось читать, что за рубежом большой популярностью пользуется книга некоей Эмили Поуст, где на полтора тысячах страниц изложены советы, как себя вести в самых различных случаях. История этикета знает еще более обстоятельные попытки регламентировать поведение вплоть до самых незначительных мелочей. Древний китайский этикет, например, насчитывал тридцать тысяч церемоний, которые, казалось бы, предусматривали абсолютно все нюансы человеческих поступков.

Теоретически можно себе представить, что есть люди, которые в состоянии усвоить полторы тысячи страниц современного руководства по этикету или даже овладеть искусством всех китайских церемоний. Практически же это маловероятно, а главное—не нужно. Жизнь все равно богаче, шире и неожиданней любых регламентаций и руководств. Вот почему важно не только изучить букву этикета, но и понимать его дух.

Почему котлету не следует резать ножом? Потому что она мягкая. Почему категорически не разрешается приглашать девушку на танец, держа сигарету во рту? Потому что можно обжечь партнершу. Почему не рекомендуется входить в зал кинотеатра с мороженым? Потому что испачкаешь других и себя. Почему человек на рабочем месте, подняв трубку звонившего телефона, должен сказать не «алло», не «да», не «слушаю», а назвать учреждение и свою должность? Потому что это поможет избежать недоразумений и позволит сразу начать деловой разговор. Все очень разумно и просто.

Однажды мы обсуждали этот тезис в воинской части. Ребята там дотошные, они долго выспрашивали меня о всяких тонкостях обращения с девушками. В частности, начался спор о том, где должен находиться молодой человек, сопровождающий девушку по лестнице. Ссылались на разные источники, в которых советы на этот случай предлагались прямо противоположные. «Давайте, — предложила я спорщикам, — разберемся, что подсказывает здравый смысл.

Вы идете вверх по крутой и обледенелой лестнице. У вашей спутницы модные, но не очень устойчивые каблуки на сапожках. Можно оступиться, поскользнуться. Где надо быть, чтобы в любое мгновение помочь, подстраховать? Конечно, рядом и на ступеньку ниже. А если вы спускаетесь по лестнице?» Тут встал очень симпатичный сержант и с приятным акцентом сделал такое сообщение: «Вона ж будэ падать не до горы и назад, а вниз и вперед. Отут я дивчину и спиймаю». Прекрасно. Значит, снова рядом и на ступеньку ниже.

Бывает так, что устоявшаяся норма поведения приходит в противоречие с новыми условиями жизни, со здравым смыслом. Тогда этикет меняет свои правила. Например, веками складывалась обычай, согласно которому женщине полагалось идти справа от мужчины. И это было разумно, поскольку на левом боку у многих мужчин висела шлага или сабля, составлявшие принадлежность почти любого мундира, даже учительского. Шаги ушли в прошлое, правило осталось. Но если сегодня женщина идет рядом с военным, ей следует находиться слева от него. Тоже разумно, потому что иначе ему было бы затруднительно выполнять воинский ритуал приветствия—отдавать честь встречным коллегам.

И еще хочется подчеркнуть, что современный этикет не догматичен. Абсолютной строгостью отличаются разве что нормы международного дипломатического протокола. Во всех остальных случаях вполне допустимо нарушить какое-то правило, если того требует конкретная ситуация и здравый смысл. Нельзя, например, перебивать говорящего. Но может случиться, что ваш собеседник в пылу полемики начал высказывать нечто оскорбительное для присутствующих или перешел границы приличного в стремлении увеселить общество. Одернув его вежливо, но решительно, вы не выйдете за рамки хорошего тона. Этикет рассчитан не только на воспитанных, но и на умных людей.

А еще—на добрых. Доброе отношение к человеку—главная нравственная основа этикета.

— Девушка, разрешите, я помогу вам донести чемодан до автобуса...

— А ну иди отсюда... Будешь приставать, живо милицию позову!

Подозрительность, агрессивность, склоность несовместимы с хорошими манерами. К человеку надо подходить, как писал Макаренко, с «оптимистической гипотезой», веря в его добрую волю, порядочность, честность. Тогда появятся открытость, приветливость, доброжелательность в обращении, которые и отличают человека воспитанного.

Требованием бережного отношения к людям продиктованы многие правила этикета. Например:

Нехорошо шептаться с подружкой в присутствии знакомых или даже посторонних людей: они могут подумать, что вы говорите о них что-то плохое.

Не рассматривайте придирчиво столовые приборы в гостях, тем более не протирайте их салфеткой: хозяйка воспримет это как намек на неопытность и неряшливость.

Пожилую человеку, который, встретив вас третий или четвертый раз в течение дня, говорит «здравствуйте», не отвечайте, что вы уже здоровались: это прозвучит как упрек в забывчивости и напомнит о возрасте.

Передавая письмо через знакомого, не заклеивайте конверт: вы обидите человека недоверием.

Можно бесконечно продолжать этот перечень, но, думаю, достаточно. Вывод ясен: этикет предлагает такие действия, в которых проявляются чуткость, умение беречь чужую душу, быть тактичным.

Кстати, напомним, что тактичность и вежливость не одно и то же. Для иллюстрации этой мысли приведу одну старую притчу:

— Гуляя по парку два джентльмена и беседовали на тему, чем отличается вежливость от тактичности. К единому мнению они не пришли и надумали предоставить решение спора первому встречному человеку. Он не замедлил появиться. Это был трубочист. Выслушав существо проблемы, молодой человек сказал, что его образование не позволяет высказывать научные теории, а пример он привести может: «Я чистил трубы вон в том большом особняке. Закончив работу, заблудился. Толкнул какую-то дверь и оказался... в комнате, где в кружке мыльной пены в ванне лежала юная леди. Она вскрикнула. Я сказал: «Простите, сэр!»— и быстро вышел. Так вот, «простите»— это была вежливость, а «сэр»— тактичность». Умная притча.

Тактичность предполагает не только особую тонкость в общении с людьми, но и определенную терпимость. В словаре «терпимость» дается с пометкой «устаревшее». А мне кажется—напрасно. Не может устареть способность человека проявлять уважение к чужим вкусам, привычкам, предпочтениям. Разумеется, это не касается принципиальных позиций, мировоззренческих вопросов, идейно-нравственных взглядов. Здесь не может и не должно быть компромиссов. Но если человек отдал сердце «Спартаку», то это не значит, что на болельщиков

«Динамо» он должен смотреть как на людей второго сорта. Я знаю молодоженов, чье семейное счастье чуть не рухнуло только потому, что у них были разные музыкальные вкусы. Он считал ее пристрастие к старинным романсам безнадежно обветшавшим, а она ужасалась низкопробности тех шедевров диско-стиля, которыми он мог наслаждаться с утра до вечера. С горячностью и энергией, заслуживающими лучшего применения, они пытались переделать вкусы друг друга, пуская в ход насмешки, обвинительные монологи и язвительные тирады. Хорошо, что вовремя спохватились. В таких спорах не рождается истина. В таких спорах гибнут любовь, дружба, добрые отношения.

Мы нашли две основы этикета: мудрость и доброту. У них есть еще одна родная сестра. Это красота.

Очень многие правила этикета вырастают из требований эстетики. И логика у них простая: неприлично, потому что некрасиво.

Нельзя после еды извлечь из кармана спичку и, отломив головку, публично производить гигиеническую процедуру;

нельзя жестиковать бурно;

нельзя пить чай со звуковым оформлением, которое вызывает у сотрапезников мысли об осушении болот;

нельзя юной девушке раскрашивать свое лицо в соответствии с традициями цирковых клоунов;
нельзя женщине, стремящейся не отстать от моды, воспроизводить в своих туалетах мотивы и линии одежды ее шестнадцатилетней дочери.

Нельзя, неприлично, потому что смешно и некрасиво. Нельзя, потому что подобное поведение оскорбляет эстетические чувства окружающих, а значит, является проявлением неуважения к ним. Вот и замкнулся круг: эстетика привела к этике. Иначе и быть не могло. Не без оснований ведь утверждают философы, что эстетика—это этика будущего.

К размышлениям об основах этикета остается прибавить немного. Один молодой человек, которому мои рассуждения показались неубедительными, прислал письмо на шести страницах, где упорно доказывал, что правила этикета—пустая условность. Он не без иронии спрашивал: «А почему этикет требует, чтобы в определенных ситуациях мужчина снимал головной убор? Не пиджак, не галстук, не ботинок, а именно шляпу? Разумно? Нравственно? Красиво? Ничего подобного. А зачем в момент приветствия люди вдруг хватают друг друга за руки? Как вы объясните? И почему рыбу простым ножом резать нельзя, а каким-то особым можно? Где же тут ваши основы?»

Моему оппоненту нельзя отказать в наблюдательности. Он действительно назвал правила, которые объяснить довольно трудно. Когда-то они тоже возникли как проявление доброго отношения к человеку, они были удобны, разумны и соответствовали эстетическим представлениям тех времен. Пожалуй, можно было бы сослаться на исследования, которые доказывают это и раскрывают историю происхождения подобных норм этикета. Но надо ли? Эти правила прошли через века, превратились в традиции. И воспитанные люди соблюдают их просто в силу уважения к мудрости предков.

Народные традиции и обычаи—вот четвертая основа правил этикета.

Что читать о культуре поведения и правилах хорошего тона

1. ААСАМАА Й. Как себя вести. Таллин, 1973.
2. БАКШТАНОВСКИЙ В. И. Культура нравственного сознания и поведения личности. М., 1979.
3. ВОЛЧЕНКО Л. Б. Культура поведения, этикет, мораль. М., 1982.
4. ГОЛЬДНИКОВА А. Хорошие манеры в рисунках и примерах. Перевод с польского. М., 1979.
5. ГОРБОВСКИЙ А. А. Человек человеку. М., 1965.
6. ДОРОХОВ А. А. Как себя вести. М., 1970.
7. КАМЫЧЕК Ян. Вежливость на каждый день. Перевод с польского. М., 1981.
8. МАТВЕЕВ В. М., ПАНОВ А. Н. Если мы вежливы. М., 1977.
9. СМОЛКА К. Правила хорошего тона. Перевод с немецкого. М., 1980.
10. СОВЕТСКИЙ ЭТИКЕТ. Л., 1974.
11. ХОДАКОВ М. С. Как не надо себя вести. М., 1972.
12. ХОРВАТ Ф., ОРЛИК Ю. Вежливость на каждый день. Перевод со словацкого. М., 1981.

От редакции. Очевидно, и у каждого из читателей найдется свой вопрос по этикету. Мы ждем ваших писем, дорогие читатели, с любыми интересующими вас вопросами и постараемся дать на каждый квалифицированный ответ.

Итак, консультация по вопросам культуры поведения и этикета открыта. Ждем ваших писем, друзья!

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

ПТИЦЫ И САМОЛЕТЫ

Сокол, которого вы видите на снимке, относится к «персоналу» миланского аэропорта. Он приучен изгонять других птиц из района летного поля — служба немаловажная, если учесть, что птицы опасны для реактивных самолетов и были причиной множества аварий. На голове у сокола — миниатюрное приемно-передаточное устройство, которое дает возможность определить местонахождение «воздушного контролера» и с помощью переданного по радио сигнала — свистка — вызывать его обратно.

«ЭПОКА»,
ИТАЛИЯ

МОЛНИИ НАД КЕНИЕЙ

Юго-западным районам Кении принадлежит необычный мировой рекорд: ни в каком другом месте на земном шаре не бывает столько гроз, как там. В районах Кисуму и Бунгоммо льют дожди, гремят громы и сверкают молнии в среднем 210 дней в году! Главным «виновником» является расположенное поблизости озеро Виктория площадью 68 800 квадратных километров. Над его поверхностью постоянно образуются грозовые тучи, которые западные ветры несут на упомянутые области. Сильные грозы наносят большой материальный ущерб, нередки и человеческие жертвы. За прошедшие два десятилетия молнии убили там 2176 человек. Поэтому постоянные грозы стали государственной

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Библиотеки под землей

В парижском метро новшество. Вперед пассажиры, которые во французской столице, согласно статистике, тратят на поездки около полутора лет жизни, могут уже не только слушать музыку, но и взять «напрокат» книгу. Администрация метро выделяет место для библиотек, а министерство культуры берет на себя заботу о книгах для чтения. Время работы подземных библиотек согласовывается с движением. После уплаты, как и в прочих библиотечных абонементных, вступительного взноса в двадцать франков книгу можно читать не только во время поездки, но и взять ее домой. Для удобства читателей-пассажиров филиалы библиотек предполагается создать на каждом пункте сети подземных дорог. Они связываются компьютером, что делает возможным возврат книг на любой станции.

«НЕПСАВА», ВЕНГРИЯ

Золото из Этны

Весной 1983 года вулкан Этна, находящийся в западной части Сицилии, начал активно извергаться. Ученые многих стран, в том числе и французские съехались к огнедышащей горе, чтобы проследить за грозным явлением природы и измерить степень заражения атмосферы глубинными газами и лавой. В процессе наблюдения и анализов французские ученые сделали интересное открытие: Этна ежедневно выбрасывает на поверхность из земных недр 2,5 килограмма золота, 9 килограммов серебра и еще большее количество свинца, цинка, ртути и других металлов. Золото в виде микроскопических частиц выбрасывается вместе с пеплом на большую высоту, уносится ветром и выпадает на землю вместе с осадками.

«ПАРИ-МАТЧ», ФРАНЦИЯ

Япония: интерес к русскому языку

Познакомьтесь! На снимке — Хадзиме Каидзава, студент-филолог. Жюри 21-го конкурса студентов, изучающих русский язык, только что присудило ему главный приз за сочинение «Открытие», посвященное поэзии Александра Сергеевича Пушкина. Счастливый победитель — один из десяти с лишним тысяч японских студентов, занимающихся русским языком в университетах и институтах страны. Из года в год увеличивается и число слушателей курсов русского языка, созданных во многих городах Японии.

«АСАХИ», ЯПОНИЯ

КОМПЬЮТЕР НА СЛУЖБЕ РЕСТАВРАТОРОВ

Многие столетия храм Боробудур — великолепный памятник индонезийской архитектуры VIII века, разрушенный землетрясением, — находился в забвении. Развалины его, поросшие пышной тропической флорой, были открыты лишь в начале XIX века. Боробудур пробовали восстанавливать несколько раз, но лишь в 1975 году работа приняла научный характер. Возникла проблема, как рассортировать груды камней, обломков скульптур, барельефов. На помощь пришла электронная вычислительная техника. Реставраторы пронумеровали свыше восьмисот тысяч камней и блоков. После этого характеристики каждого из них — размеры, вес, предполагаемое место в структуре храма — были заложены в ЭВМ. Машина точно установила, в какую систему следует привести камни. Затем за работу принялись строители. Сейчас Боробудур предстает перед глазами посетителей во всем своем прежнем великолепии.

«КОСМОС», БОЛГАРИЯ

С КАКОЙ СКОРОСТЬЮ ДВИЖУТСЯ КОНТИНЕНТЫ?

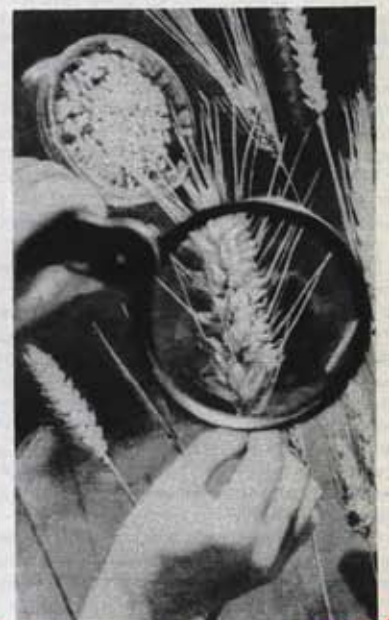
Специалисты сообщили, что им удалось измерить скорость смещения земной коры, подтвердив таким образом теорию движения континентов, которая была выдвинута в начале нашего века. Согласно этой теории, земная кора состоит из гигантских континентальных плит (тектонических платформ) каждая толщиной в 30 километров. Они как бы «скользят» по поверхности вязкой расплавленной магмы. Исследования, проводившиеся в течение пяти лет с помощью лазерных установок и других современных приборов на всех континентах, показали, что ежегодно Атлантический океан расширяет свои границы на 1,8 сантиметра, а Гавайские острова «сносит» к американскому континенту со скоростью 5 сантиметров в год. Было установлено, что Северная и Южная Калифорния располагаются на двух различных континентальных платформах, поэтому они смещаются одна к другой на 6,6 сантиметра в год. Специалисты считают, что для конкретизации этих данных необходимы исследования в течение ближайших десятилетий.

«ТАЙМ», США

РЕКОРДЫ ПШЕНИЧНОГО ПОЛЯ

Статистика свидетельствует: за последние три с половиной десятилетия урожаи зерновых культур в ГДР увеличились более чем вдвое. Один из секретов успеха: использование новейших достижений селекции. Девяносто новых сортов предложил сельскому хозяйству республики институт, работающий в Бернбурге-Хадмерслебене. Рекордные результаты получены в результате гибридизации украинских сортов озимой пшеницы, полученных из знаменитой Мироновки.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

3-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
мастера
Виктора
КРАМАРЕНКО

Многие читатели спрашивают, можно ли участвовать в олимпиаде только по одному виду шашек. Олимпиада проводится в 14 туров. Семь туров по русским шашкам и семь по международным. Читатель вправе сам выбрать любой вид шашек или принять участие во всех 14 турах.

Напоминаем, что от русских шашек международные отличаются тремя правилами:

1. **Правило большинства:** при нескольких возможностях взятия (боя) обязательно бить так, чтобы с доски снималось наибольшее количество шашек (дамок).

2. Если шашка в процессе взятия достигает дамочного поля и дальше ей бить как простой нечего, то она останавливается. Бить дальше, как дамка, она имеет право только после ответного хода соперника.

3. Если шашка в процессе боя достигнет дамочного поля и имеет возможность продолжать бой по правилам простой шашки, то она обязана это сделать и остается простой.

Второй тур

Для заданий второго тура прилагались свои новые работы мастер спорта по шашечной композиции, трехкратный чемпион СССР Владимир Матус (Хабаровск).

Публикуются впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 3 балла). Последний срок отправления ответов на задания второго тура — **15 марта** (по почтовому штемпелю).

Ответы на задания второго тура присылайте с пометкой: «3-я шашечная олимпиада. 2-й тур, «100». Каждое задание на отдельной открытке.

27-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

«ТИХАЯ ЖЕРТВА»

Пожертвование шахматного материала в композиции хотя и является одним из важных элементов, увеличивающих эстетическую ценность хода и произведения в целом, все же редко бывает кульминацией авторского замысла. Наклад жертвы снижается уже тем, что в задачах, как правило, изначально нарушено равновесие сил. Известно, что в шахматной композиции побеждают не числом, а идеями. Но, конечно же, жертва фигуры на любом ходу украшает игру и в задачах, особенно если они тихие, без шаха.

Пояснительные примеры здесь вряд ли нужны, тема понятна любому шахматисту-практику. Поэтому сразу конкурсные задания.

2-й тур

Белые: Крh3, Фb2, Лh8, Cd8 (4)
Черные: Кра4, Лh5, п.h4 (3)
Мат в 2 хода (1 балл)

Белые: Кра8, Фа1, Ла2, Cd7 (4)
Черные: Крb6, Са5 (2)
Мат в 2 хода (2 балла)

Белые: Крh4, Лd2, Cf5, Кg3 (4)
Черные: Крg1, Са8, п.d5 (3)
Мат в 4 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «27-я шахматная олимпиада. 2-й тур». В двухходовых задачах достаточно указать первые ходы, в четырехходовой — привести решение полностью. Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — **15 марта**.

Дорогие друзья!
К известному утверждению о том, что юмор — дело серьезное, добавим и наше собственное наблюдение: увлечение это массовое. Во всяком случае, около тысячи читателей стали соискателями награды конкурса «Юмор-84», прислали в редакцию образцы своего творчества — рисунки, карикатуры, а то и целые собрания изосочинений. Победители названы, награды своих победителей нашли («Смена» №24, 1984 год).

Приглашаем вас, дорогие читатели, испытать удачу, теперь уже в конкурсе «Юмор-85». А условия?

Участвовать может любой возраст и профессия тут не помеха. Рисунки надо выполнять черной тушью, жалательно — на белой плотной бумаге. Примерный размер: 15×20 см. Чем оригинальней, остроумней рисунок — тем больше шансов у автора получить продюжной балл на журнальные страницы.

На конвертах делайте пометку: «Юмор-85». Итак, удачи!

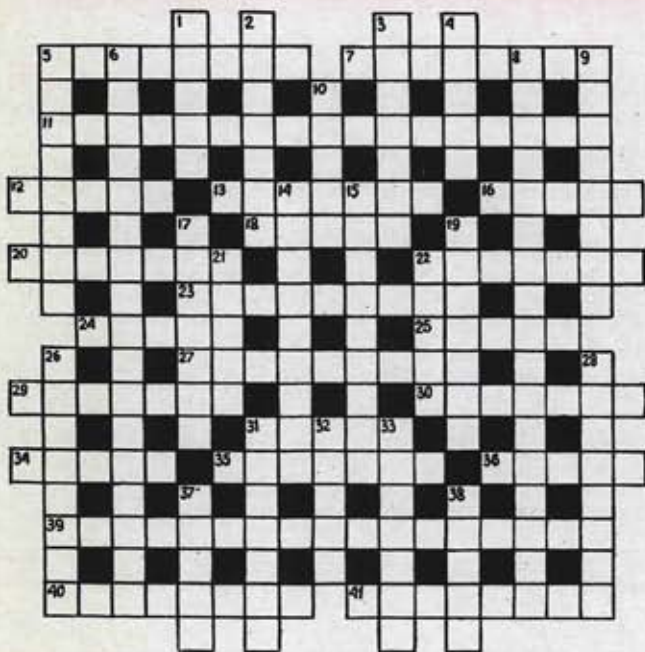
Рисунок Владимира СТЕПАНОВА,
Новосибирск

Рисунок Олега БРИК,
Краснодар

КРОССВОРД

Составила
М. АНТОНЕВИЧ,
Орша Витебской обл.

По горизонтали:

5. Узбекский композитор, знаток национального фольклора. 7. Кавказская мужская одежда. 11. Сотрудник газеты, журнала. 12. Залив, удобный для стоянки судов. 13. Представитель основного населения государства в Европе. 16. Хохлатая водоплавающая птица. 18. Радиоактивный минерал. 20. Передовик, рационализатор. 22. Мягкая шероховатая кожа с рисунком. 23. Областной центр Таджикистана. 24. Лекарственное растение. 25. Живописное полотно. 27. Персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок». 29. Эластичный пластик. 30. Музыкальная пьеса без текста для голоса. 31. Домашний цветок. 34. Флаг, стяг. 35. Город в Северной Индии. 36. Категория в систематике животных и растений. 39. Наука, изучающая поэзию и прозу. 40. Инструмент пряжи. 41. Певица, народная артистка СССР.

По вертикали:

1. Плод хвойных деревьев. 2. Музыкант. 3. Образец металлического изделия для анализа его микроструктуры. 4. Распространенная промысловая рыба. 5. Мембрана для усиления звука в громкоговорителях. 6. Преобразователь тока с одной обмоткой. 8. Роман Я. Рочева о борьбе коми народа за Советскую власть. 9. Трагедия Софокла. 10. Венгерский композитор, автор оперетты «Цыганская любовь». 14. Минерал, сырье для производства удобрений. 15. Государство в Центральной Америке. 17. Советский космонавт. 19. Работник сельского хозяйства. 21. Выступ на днище быстроходных судов. 22. Советский ученый-геолог. 26. Советский поэт, автор «Песни о встречном». 28. Область распространения жизни на земле. 31. Самая мелкая английская монета. 32. Пристань на Волге в Калининской области. 33. Справочная книга. 37. Муза в греческой мифологии, покровительница любовной поэзии. 38. Картина Джорджоне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

3. Трепет. 6. Микроб. 8. Флуоресценция. 13. Ероул. 14. Стеклотекстолит. 16. «Перикола». 18. Старшина. 19. Шасси. 20. Ластик. 22. «Цемент». 23. Чехарда. 24. Баобаб. 25. Эскимо. 27. Зебра. 29. Подлещик. 30. Нагасаки. 33. Марнитобиология. 34. Виня. 36. Комбинаторика. 37. Утрехт. 38. Ваниль.

По вертикали:

1. Дрель. 2. Комиссаржевская. 4. Простиль. 5. Треска. 6. Моцион. 7. Конфетти. 9. Трепет. 10. Корреспондент. 11. Полимеризация. 12. Гигант. 15. Эквивалентность. 17. Наварра. 18. Суда. 21. Фенек. 24. Биглан. 26. Офицер. 27. Эмбабве. 28. Малибран. 31. Лорнет. 32. Ростов. 35. Юкола.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 05.12.84. Подписано к печати 19.12.84. А 12912. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 258. Заказ № 3983. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В этом году советский народ, все прогрессивное человечество отмечают 40-летие Великой Победы. Беспримерному подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны, спасшего планету от фашистского порабощения, «Смена» совместно с Бюро Международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ посвящает конкурс читателей. Вопросы объединяет одна тема: беспримерный героизм советских людей в едином порыве вставших на защиту социалистического Отечества. И мы надеемся, дорогие читатели, что, разыскивая ответы, вы задумаетесь о многом, что связано с историей четырех незабываемых лет.

Вопросы конкурса:

1. В самые первые дни Великой Отечественной войны по радио звучало большое музыкальное произведение, звавшее на борьбу с врагом. Назовите это произведение и его автора.
2. Комсомолец, студент Московского юридического института из-за несчастного случая потерял кисти обеих рук. Летом 1941 года в ЦК ВЛКСМ куда он обратился с просьбой послать его в тыл врага, юноше оказали. — Но ведь никто еще не прыгал в вашем положении с парашютом. — Но ведь в мире нигде, кроме нашей страны, нет и Советской власти! — ответил юноша. Он был принят в партизанский отряд. Назовите этого комсомольца.
3. Участник спасения летчик Гризодубовой, Осипенко и Расковой, он двое суток не покидал отделения связи и стал первым среди своего народа орденосцем, в позже — первым летчиком. Назовите этого человека и его национальность. За какой подвиг в 1941 году он посмертно был удостоен ордена Ленина?
4. Почему на памятнике народному герою Югославии, члену Союза молодежи Югославии Велизару Станковичу написана двойная фамилия — Станкович-Корчагин?
5. Шел напряженный бой в Сталинграде. Несколько немецких танков двигались к окопу комсомольца Михаила Паникако. Отважный воин уже израсходовал все гранаты, у него остались только две бутылки с горючей смесью. Он высунулся из окопа, размахнулся, расцвистывая поджечь ближайшую машину. Но тут пуля пробила бутылку, и пламя охватило героя. Тогда он поднялся из окопа, подбежал к фашистскому танку и ударил второй бутылкой по решетке моторного люка. Языки пламени и клубы дыма поглотили героя вместе с подожженным им танком. Как его называли за этот подвиг?
6. В боях на Курской дуге особо отличился летчик, коммунист, сын белорусского крестьянина. Он единственный в мире в одном бою сбил девять вражеских стервятников. Назовите героя. Какая надпись украшала фюзеляж его самолета?
7. Когда и где была создана в годы Великой Отечественной войны первая комсомольско-молодежная фронтовая бригада? Кто ею руководил? Что вы знаете о работе этих бригад?
8. Единственный военный летчик и композитор, автор многих музыкальных произведений, лауреат Государственной премии

ПОДВИГ И ПАМЯТЬ

Конкурс

итоги первого тура подведет комитетом жюри, председателем которого является А. П. Силитьев, министр авиации Гврии Советского Союза. Председатели секций туристской экспедиции «Моя Родина — СССР», Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа. Председатель жюри.

Надеюсь увидеть среди авторов писем-ответов участников всевозможных поисковых экспедиций комсомольцев и молодежи, пионеров и школьников («Летопись Великой Отечественной», экспедиционные отряды «Моя Родина — СССР», молодежь обычных студентов-воинов».

Жюри обращается к вам, дорогие читатели, с просьбой оформлять свои работы аккуратно, четким почерком, писать на одной стороне листа. Работа должна состоять из двух частей. В первой части надо строго в том порядке, как они заданы, дать предельно кратко, но точные ответы на вопросы. Во второй части вы должны с возможно полной полнотой прокомментировать свои ответы, изложив все, что вам удалось узнать по тому или иному вопросу. Ответы и комментарии желательно излагать в тетрадях или альбомах. Будем вам признательны, если вы укажете источник своих ответов. Участникам конкурса необходимо указать точный адрес, фамилию, имя и отчество, возраст, место работы или учебы, профессию.

СССР, он во время войны командовал эскадрильей штурмовиков, награжден 13 боевыми наградами. Назовите его.

9. Украинский пионер в годы войны повторил подвиг Ивана Сусанина. Об этом рассказал спектакль, премьера которого состоялась в 1969 году. Назовите пионера, автора пьесы и театр, где состоялась премьера спектакля.

10. 8 февраля 1945 года десять советских военнопленных во главе с летчиком убили конвоира, захватили бомбардировщик Хе-III и поднялись в воздух. Растерявшиеся от неожиданности гитлеровцы не смогли задержать беглецов, и самолет приземлился в расположении наших войск. За этот выдающийся подвиг — побег из концлагеря — летчику было присвоено звание Героя Советского Союза. Назовите летчика и аэродром, с которого он угнал самолет.

11. Кто и где в годы войны был инициатором сбора средств на строительство танка «Малютка»? Кто водил этот танк?

12. Назовите воинов, которым посвящена поэма Р. Гамзатова «Солдаты России».

13. Кто первым закрыл своим телом вражескую амбразуру? Сколько человек совершили этот подвиг в годы войны?

14. Кто был самым юным среди награжденных медалью «За отвагу» в годы войны?

15. На 14-метровом постаменте-ствеле раскрыл лепестки гигантский цветок. На лепестках надпись: «Пусть всегда будет солнце». Где в нашей стране и в чью память поставлен этот памятник? Кто его автор?

Ждем ваших писем, дорогие читатели. Последний срок отсылки конкурсных работ — 10 марта. На конверте, пожалуйста, пометьте: Конкурс «Подвиг и память».

Для победителей установлены призы:

5 путевок во Всесоюзный героико-патриотический клуб «Подвиг» (Волгоград);

20 годовых подписок на «Смену»;

50 книжных призов и сувениров.

Каждый призер будет награжден почетными дипломами «Смены» и БММТ «Спутник».

Желаем вам успехов!